

Кирилл Андреев

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Кирилл
Андреев

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Издательство
"Детская
литература"

Кирилл Андреев

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

•

*Издательство
„Детская литература“*

МОСКВА • 1969

Рисунки И. Година

ОТ АВТОРА

Я назвал эту книгу «Искатели приключений» не только потому, что ее герои искали приключений в окружающей их жизни, в прошлом и будущем, но также потому, что они научили этому и меня.

Александр Дюма открыл мне, что история — это не только скучная хронология, но живое кипение жизни. Он познакомил меня со смелыми, сильными и веселыми людьми, всегда верными своему слову и друзьям.

Жюль Верн открыл романтику и поэзию науки. Его герои, гениальные изобретатели и ученые, борцы за будущее, за свободу и счастье человечества, показали мне в отдельных чертах облик человека грядущих дней.

Роберт Луис Стивенсон всей своей жизнью показал мне силу человеческого духа, побеждающего болезнь и смерть. Он научил меня верить в то, что человека можно уничтожить, но победить его нельзя.

Артур Конан-Дойль показал мне силу человеческого ума, который тончайшим анализом самых мелких при-

мет и поступков с почти математической точностью приходит к единственно правильному решению.

Они были сверстниками и друзьями моей юности, помогали в трудные минуты, учили меня никогда не сдаваться и всегда идти вперед. Они остались моими друзьями и по сей день, и я надеюсь, что еще долгие годы они останутся сверстниками многих поколений.

ХОЗЯИН ЗАМКА «МОНТЕ-КРИСТО»

Восторженные поклонники, друзья и даже противники часто называли его «Александром Великим» — одни с восхищением, другие с гордостью, третьи с оттенком иронии.

Это был человек огромного роста, с львиной головой, курчавыми волосами и маленькими хитрыми голубыми глазками. Его хрипловатый голос звучал, казалось, изда- лека, как рев обильного, но не бурного водопада. В его присутствии все обычно молчали, так как говорил «Алек- сандр Великий» по несколько часов подряд, извлекая всё новые и новые факты из недр своей чудовищной памя- ти. Но у этого неисчерпаемого потока красноречия была одна особенность: о чем бы ни шла речь в разговоре, Дю- ма очень умело, но в то же время очень безапелляционно всегда сводил его к самому себе.

В Сен-Жермене, аристократическом пригороде Пари- жа, у него был собственный замок «Монте-Кристо». Еще издали были видны готические башни, выступавшие из-за

высоких вязов. Потом взорам посетителя открывались фигурные балконы, фронтон, украшенный итальянской скульптурой, витражи в свинцовой оправе, боковые башенки, сторожевые вышки, флюгера с вымпелами, золоченые инициалы А. Д., вплетенные в решетку.

С каждым шагом взору посетителя открывались все новые постройки: птичник, конюшни, обезьянник, театр... И за каждой дверью стоял слуга — араб в чалме.

Волшебный сад окружал главное здание. Шумели искусственные водопады; как слюда, блестили миниатюрные озера с карликовыми островами. И на одном из них, как дом Гулливера в стране лилипутов, возвышался восьмиугольный павильон из массивных камней. Внутри он был оклеен голубыми обоями, лазурный потолок был усеян золотыми звездами. Снаружи на каждом камне постройки было высечено название одной из книг или пьес Дюма. Над аркой этого единственного здания, куда не допускался никто из посторонних, красовалась латинская надпись: «Собачья пещера».

Вечный праздник царил в замке «Монте-Кристо», похожем на сказочный дворец из «Тысячи и одной ночи». Хозяин — в черной или синей бархатной ермолке, в фантастической куртке с воротником из валансеньских кружев, с толстой золотой цепью на животе — встречал посетителей у входа. Он приглашал гостей только по воскресеньям, чтобы отличить этот день от других, как говорил он, когда они сами себя приглашают. Тем не менее каждый день гости приезжали и уезжали — кто оставался на день, кто на неделю или на месяц. Хозяин был одинаково любезен со всеми, хотя часто не знал своих гостей даже в лицо, а не только по имени.

Иногда в огромном зале замка не хватало места для всех. Тогда обеденный стол накрывали на лужайке. Вокруг, под сенью деревьев, стояли греческие амфоры, наполненные льдом, и восточные золотые вазы с фруктами. Хозяин говорил не останавливаясь, как арабский сказочник. Винные погреба казались бездонными. Обед незаметно переходил в ужин, с наступлением темноты в саду вспыхивали бенгальские огни, и дрожащие лучи фейерверка озаряли здание театра, где каждый день для гостей Дюма шли его пьесы.

Дюма был великим жизнелюбцем, и поэтому жизнь

была для него неисчерпаемым источником чудес и счастья. Он поистине опьянялся ощущением радости и успеха, который казался ему бесконечным. «Я живу, как птица на ветке,— говорил он.— Если нет ветра, я спокоен, если он есть, я раскрываю свои крылья и улетаю туда, куда он меня несет»... Он любил толпу, и толпа любила его. И недаром арку главного входа в замок «Монте-Кристо» украшала надпись: «Я люблю тех, кто любит меня».

Сто лет назад, в годы величия, слава была его спутником и его тенью. Во время путешествий его встречали как особу королевского ранга. В Мадриде его приветствовал караул гвардейцев, выстроенных во фронт. В Тунисе ему был дан салют в двадцать один выстрел. На масленицу 1847 года традиционный откормленный бык, которого украшают лентами и водят по улицам Парижа, именовался «Монте-Кристо».

Противники утверждали, что его произведения представляют собой продукцию «фабрики романов», созданы «Торговым домом «Александр Дюма и компания», что сам Дюма только подписывает их, а пишут его сотрудники, безымянные литераторы,— «негры», как говорили тогда во Франции. Сам Дюма не отрицал этих легенд — напротив, он ими гордился. «У меня столько помощников,— заявлял он,— сколько было маршалов у Наполеона!..»

Он зарабатывал двести тысяч франков в год, но тратил вдвое больше. Заключив договоры с несколькими газетами одновременно, Дюма платил огромную неустойку одной, куда он не успел сдать в срок новый роман, судился с другой, которая обвиняла его в том, что представленная рукопись написана его сотрудниками, и тем не менее выпускал в свет по несколько томов в месяц. Ими зачитывались в лачугах, трущобах, в аристократических особняках и императорских дворцах Парижа. Газеты не успевали закончить печатание очередного романа, как он уже переступал французскую границу, чтобы, победоносно пройдя равнины и доли старой Европы, переплыть океаны и моря, пересечь тропики и завоевать страны гипербореев и экваториальных народов, неся во все концы огромного мира славу Дюма, осененную трехцветным знаменем Франции.

В штате своей «лаборатории» он содержал некоего

Вьейо, безнадежного алкоголика, который имел лишь то достоинство, что его почерк ничем не отличался от почерка главы «Торгового дома»,—ведь в те годы не было пишущих машинок, а издатели, опасаясь обмана, принимали рукописи, написанные только рукой самого Дюма. В 1845 году публицист Эжен де Мерикур в памфлете, озаглавленном «Фабрика романов, торговый дом Александр Дюма и К°», насчитал у него не меньше десяти сотрудников; другие увеличивали это число вдвое. И все же слава, его верная спутница, следовала за ним по пятам. И весь читающий мир восхищался его романами, если даже к этому восхищению примешивалась изрядная доля иронии.

Он постоянно судился со своими издателями и кредиторами и утверждал, что ненавидит судебское сословие. Однажды к нему пришли просить на похороны умершего в нужде судебного исполнителя.

— Нужно тридцать франков, мсье Дюма.

— Всего лишь тридцать франков на одного судебного исполнителя? Вот вам шестьдесят, похороните двоих!

Этот анекдот, как, впрочем, и многие другие, он сочинил про себя сам. На самом же деле он был очень добр и всегда готов поделиться с нуждающимся и последним франком и миллионом, если он у него в этот момент был: Дюма никогда не считал денег, он говорил, что его карман наполняется золотом сам собой, как в сказке, что он неисчерпаем, как и его слава.

Он умел великолепно вскипать гневом, когда его задевали, но почти тотчас же отходил и готов был простить любого — действительного или мнимого — врага.

Он готов был так же, как и деньгами, поделиться своей славой или талантом. Больше всего на свете он любил помогать молодым начинающим писателям. И, как ребенок, радовался их успехам — пожалуй, даже больше, чем своей славе.

У Дюма в жизни бывали трудные минуты, но он всегда заявлял, что чувствует себя великолепно,—это был своеобразный самогипноз, который заражал окружающих.

Оптимизм Дюма был так велик, что он нисколько не сердился на людей, которым не нравились его произведения: он их только жалел за то, что они лишены хоро-

шего вкуса. Он интересовался всем на свете и поэтому хотел, чтобы весь свет интересовался им самим. Ему нравилось, когда его имя было на устах всего Парижа, который он считал столицей мира. Поэтому, если не хватало фактов, он сам придумывал про себя анекдоты.

Он любил делать вид, что его произведения ничего ему не стоят, что они рождаются сами собой. «Спросите у сливового дерева, как оно делает сливы», — говорил он.

«Академики! — возмущался он. — Подумаешь! Пусть они дадут обещание выпускать восемьдесят томов в год — и все равно обанкротятся. А я один дам вам сто!»

«Отец, — спросил однажды его сын, — где ты успел изучить жизнь?» — «Ба! — ответил Дюма величественно. — Я весьма остерегался ее изучать, иначе где бы я взял время для того, чтобы писать!..»

На самом деле Александр Дюма был хорошо образованным человеком, глубоко знающим жизнь, большим писателем и великим тружеником.

1

Все, что рассказано выше, — лишь великолепная декорация, изображающая парадный фасад чудесного фантастического дворца. Но за этим раскрашенным холстом были полутемные кулисы, где кипела незаметная, но тяжелая работа людей, готовящих пышное и блестящее представление.

Его рабочий кабинет в павильоне был обставлен со спартанской простотой: большой белый деревянный стол, около стола — два стула, на камине — книги, рядом — железная кровать. Это скорее походило на мастерскую ремесленника, чем на кабинет модного писателя.

В одном жилете, без галстука, он работал с наслаждением, со страстью по двенадцать—пятнадцать часов в сутки. Перо скользило без усилий. Писал он на особой бумаге большого формата, которую ему присылал один лилльский бумажный фабрикант, его поклонник. Он покрывал широкие листы своим крупным, быстрым, легким почерком, изобилующим прописными буквами, появляющимися в неожиданных местах. Рукописи его были почти без знаков препинания — это было делом секретарей: рас-

ставить знаки, снижать буквы и уничтожать повторение слов.

Он любил гостей и шум толпы. Но, когда он уединялся в рабочем кабинете, никто не должен был ему мешать. И, если с его разрешения к нему заходил посетитель, Дюма протягивал левую руку и не переставал писать даже во время разговора. Точно в назначенное время ему приносили завтрак на круглом столике. Не вставая со стула, он быстро ел, запивая острые блюда, которые он так любил, сельтерской водой. Несмотря на гомерические излишества своих героев, Дюма был очень воздержанным человеком: он не курил, не пил ни вина, ни даже кофе.

Он был одним из самых талантливых каллиграфов Франции, и его почерком восхищались знатоки. Романы он писал на голубой бумаге (все того же лилльского фабриканта), пьесы и статьи — на розовой, стихи — на желтой. Драмы писались специальным почерком рондо, причем он сочинял их не за своим рабочим столом, а лежа на кровати, опираясь локтем о подушку.

Он работал без устали — как машина, как огромное литературное предприятие. Его останавливали лишь приступы страшной лихорадки. Но и тогда он был не болен — лишь побежден. Стуча зубами, он ложился на кровать, ощупью брал стакан с лимонадом, поворачивался лицом к стене и, по его собственным словам, «входил в свою лихорадку».

Горделиво признавая наличие у себя помощников и сотрудников, Александр Дюма считал себя — и не без оснований — единственным автором своих произведений.

«Как вы могли поверить этой популярной басне, — писал он в письме старику Беранже, — покоящейся всего лишь на авторитете нескольких неудачников, постоянно старающихся кусать пятки тех, у кого имеются крылья? Итак, вы могли поверить, что я завел фабрику романов, что я, как вы выражаетесь, имею рудокопов для обработки моей руды! Дорогой отец, единственная моя руда — это моя левая рука, которая держит открытую книгу, в то время как правая работает по двенадцати часов в сутки. Мой рудокоп — это воля к выполнению того, чего до меня ни один человек не предпринимал. Мой рудокоп — это гордость или тщеславие (как хотите), чтобы одному сделать столько, сколько делают все мои собратья-романи-

сты, вместе взятые,— и притом сделать лучше... Я совершенно один! Я не диктую. Я все пишу самолично».

Постоянные толки о сотрудниках Дюма были действительно очень часто мезью его врагов, завистников и недоброжелателей. Первым из них был де Мерикур, пустивший по свету легенду о том, что почти все романы Дюма написаны чужими руками. И эта легенда так живуча, что и сейчас, спустя столетие, приходится ее опровергать. Любопытно, однако, что именно главный обвинитель должен был бы сам сидеть на скамье подсудимых. В 1847 году Пьер Мазерель, сотрудник де Мерикура, выпустил книгу «Исповедь одного биографа. Предприятие Эжень де Мерикур и К^о». В ней он рассказал о том, что даже памфлет, направленный против Дюма, был написан вместе с сотрудниками «Торгового дома Мерикур».

Профессор Огюст Маке, неоднократно судившийся с Дюма по вопросу об авторстве, которому молва приписывала создание и «Трех мушкетеров», и «Графа Монте-Кристо», писал своему мэтру:

«Пока я жил на свете, я был чрезвычайно счастлив и крайне польщен честью числиться сотрудником и другом самого блестящего из французских романистов».

Роман «Прекрасная Габриэль», написанный Маке после окончательной ссоры с Дюма и переведенный на русский язык, может служить лучшим оправдательным документом в пользу Дюма: ни одно из произведений, написанных его сотрудниками самостоятельно, никогда не достигало — и далеко! — уровня романов, выпущенных «фирмой Александр Дюма»!

Обычно Дюма приглашал своих сотрудников в отдельный кабинет первоклассного модного ресторана и угощал их фантасмагорическим ужином. Когда столы были убраны, за кофе (которого писатель не пил) и сигарами Дюма, воодушевляясь, рассказывал друзьям какую-нибудь романтическую повесть, а они должны были потом, распределив главы между собой, изложить ее на бумаге. Этот устный черновик имел для писателя огромное значение. Все словечки, рождающиеся при устном рассказе, все жесты, весь динамический стиль повествования, все мелодраматические эффекты, появляющиеся иногда лишь на мгновение,— все вновь возникало перед автором, когда он, после того как роман был написан и

отдельные части сведены вместе, брал огромный карандаш и мастерской рукой проходил по рукописи. Он вычеркивал отдельные сцены, писал новые, правил слишком причесанный стиль своих сотрудников и там, где нужно, вписывал маленькие сценки, которые, как бенгальским огнем, освещали изнутри все произведение.

Так рождались романы, где в каждой строчке была видна неповторимая индивидуальность Дюма, кто бы ни помогал ему над ними работать. И верным было мнение современников писателя: «Маке был только каменщиком, Дюма же — архитектором...»

Признать Дюма подлинным автором почти всех подписанных его именем романов мы должны даже в тех случаях, когда он использовал (частью по-своему) готовые образы и широко черпал материал из чужих произведений — ведь бродячие сюжеты всегда считались ничьей собственностью, пока они не попадали в руки гениев или просто талантливых людей. А что Дюма был талантлив, не отрицали даже его враги.

2

Его любили Карл Маркс, Менделеев и Диккенс.

«Вы сверхчеловек! — писал ему Ламартин. — Мое мнение о вас — это восклицательный знак!»

Гейне так увлекался произведениями Дюма, что утверждал, будто Дюма первый открыл французам Шекспира — это бесспорно было преувеличением — и что в своих блестящих пьесах он создал новую школу французского театра. Парализованный, полуслепой, на пороге смерти — он мог двигаться, лишь держась за веревку, висевшую над его постелью, — Гейне черпал оптимизм в романах Дюма. Он писал: «Дюма — самый замечательный рассказчик из всех, кого я знаю, — какая легкость! Какая непринужденность! И какой он добрый малый!»

Бальзак читал не отрываясь «Трех мушкетеров». Без сомнения, ему было неприятно растрчивать время — ведь Дюма так плохо осведомлен в истории! — «но следует признать, что он очаровательный рассказчик!»

Проспер Мериме предпочитал Дюма Вальтеру Скотту. Романы Дюма — «лучшее лекарство от физической и

моральной усталости, — писала Жорж Санд. — Ошибки же его — ошибки гения, слишком часто опьяненного своей мощью...»

«Я поражен вашим неукротимым талантом, — заявил знаменитый французский историк Мишле, — применяющимся к стольким абсурдным требованиям. Я поражен вашей героической твердостью... Я вас люблю, я вас обожаю, потому что вы явление природы!»

И даже Гюго, ссорившийся с Дюма всю жизнь, писал в старости, в конце жизни, что любит его с каждым днем все больше и больше, и не только потому, что «вы тот, кто ослепляет своим блеском мой век, но и потому, что вы — одно из его утешений».

Однако Дюма творил не для этих корифеев, которые, даже восхищаясь, ставили его ниже себя. Он писал для народа — для тех, кто, лишь недавно научившись читать, впервые приобщился к литературе. Это была миллионная аудитория, создававшая славу Дюма.

Во время репетиции одной из его пьес писатель вдруг заметил, что из зала исчез пожарный, с любопытством наблюдавший за представлением. Дюма немедленно отправился в кабинет директора театра, взял рукопись той картины, что репетировалась, и бросил ее в камин.

— Что вы делаете? — спросил изумленный директор.

— Эта сцена не понравилась пожарному: он ушел. Поэтому я ее уничтожаю. Теперь я хорошо вижу, чего в ней не хватает.

И он тут же, за столом директора, написал всю картину заново.

Этот анекдот как нельзя лучше характеризует чуткое внимание Дюма к мнению зрителей и читателей — того самого Дюма, который, по утверждению многих исследователей, так нетерпимо относился ко всякой критике.

Он стремился говорить со своими читателями через головы редакторов, издателей и критиков. Для этого он основывал собственные журналы — сначала «Монте-Кристо», потом «Мушкетеры». Но они захирели еще во младенчестве: у великолепного «Александра Великого» было слишком много договоров и обязательств, слишком много кредиторов и долгов, и у него не хватало времени заполнять эти журналы только своими собственными произведениями, как он мечтал.

Непосредственным разговором с читателями были и его бесчисленные «Путешествия», «Записки», «Дневники» и «Воспоминания». Все это — самые личные, самые задушевные мысли писателя, хотя часто и облеченные в фантастические одежды арабской сказки. Но достаточно отодвинуть в сторону этот пышный занавес в стиле «Тысячи и одной ночи», и мы услышим простой и ясный голос писателя.

При всем своем благородном простодушии, а может быть, именно благодаря ему Дюма очень любил интриговать своих читателей, изображать себя совсем иным, чем он был в действительности. Он даже выдумал шуточную басню, где показал свой труд таким, каким представляли его недоброжелатели.

«Одна ферма обрабатывается тремя друзьями,— писал он.— Один жнет, другой возит снопы, третий молотит и веет. Я молочу и провеиваю. То, что остается на току, я отдаю курам. Вот почему все куры прибегают на мой голос, когда я зову: «Сюда, крошки, сюда!» Курочки эти даже не знают голосов моих товарищей, занимающих на ферме более высокое положение, чем я...»

В этой сказочке есть и правда и неправда. Правда заключается в том, что он действительно пользовался трудом не только своих сотрудников и помощников, но и своих предшественников и современников — он и сам не скрывал этого, только называл это не заимствованием, но «завоеванием». Неверно то, что читатели не знали его великих современников, — они знали и Стендаля, и Гюго, и Бальзака, но предпочитали им Дюма, быть может, менее талантливого и глубокого, но более действенного, более понятного. Толпе, только что получившей в руки дешевую книгу (в 1827 году был выпущен первый механический печатный станок), нужна была *массовая* книга, и новые читатели нашли то, что искали, в романах Дюма, словно написанных ударами шпаги. Дюма обращался со своими читателями, как ветер обращается с древесным листом, увлекая его туда, куда хочет, и они полюбили нарисованные им картины, полные света и движения, озаренные фантастическими огнями фейерверка и блеском розовых молний, одушевленные жизнерадостными и смелыми героями — героями плаща и шпаги. Дюма щедро наделял их своим красноречием, веселостью, любовью

к приключениям. Поэтому народ полюбил не только персонажи его романов, но и их главного героя — Александра Дюма.

3

Знаменитый писатель Александр Дюма родился 24 июля 1802 года, точнее — 5 термидора X года (тогда еще действовал революционный календарь), в местечке Вилле-Коттере, расположенном в самой середине Франции.

Местечко Вилле-Коттере ничем не было примечательно, кроме рынка и станции почтовых карет. Но в шести лье лежал старинный город Суассон, некогда столица одного из франкских государств. А с другой стороны местечка на много лье простирался густой лес с охотничьим замком Франциска I — королевский заповедник, где когда-то охотились Генрих II с Дианой де Пуатье, Франциск I и Мария Стюарт, Генрих IV и прекрасная Габриэль.

В двух лье от местечка родился великий поэт Расин, в семи лье — баснописец Лафонтен. На расстоянии одного лье лежала деревня, где начал жизнь знаменитый песенник французской революции Анж Питу. Вся эта долина представляла собой нечто вроде литературного сердца Франции, заповедника французской истории.

Однако происхождение Дюма совсем не типично французское. Он унаследовал в своем характере не только задатки жителей различных французских провинций, но и разных рас.

Его дед, нормандский аристократ, маркиз Дави де ля Пайетери, генеральный комиссар артиллерии королевской Франции, по-видимому разочаровавшись в светской жизни, в возрасте пятидесяти лет покинул родину, чтобы поселиться на своих плантациях в Вест-Индии, на острове Сан-Доминго, бывшем в те годы одной из колоний Франции. Там он надеялся обрести покой. Мы не знаем, исполнилось ли его желание, но через два года у него от «черной невольницы», как тогда говорили, Мари-Сезетт Дюма, родился сын — Тома-Александр Дюма.

Этому мулату суждено было стать отцом прославленного во всем мире романиста Александра Дюма.

Враги никогда не забывали, что в жилах знаменитого писателя течет негритянская кровь. При случае они старались напомнить о его происхождении.

— Если не ошибаюсь,— спросил один недоброжелатель на светском балу,— в ваших жилах течет цветная кровь?

— Вы не ошибаетесь, монсеньер,— ответил Дюма.— Мой отец был мулатом, бабушка — негритянкой, а мои отдаленные предки — обезьянами. Как видите, мой род начинается тем, чем кончается ваш!

Первому из трех Александров Дюма (третьим был Александр Дюма-сын, тоже известный французский писатель) была суждена иная судьба, чем участь раба на плантациях Сан-Доминго или прихлебателя при дворе знатного маркиза. По-видимому, отец хорошо к нему относился, так как взял молодого Дюма с собой, возвращаясь на родину.

Это были бурные годы Великой французской революции, провозгласившей лозунг: «Свобода, равенство, братство!» Юноша с угнетенного острова любил свободу: рожденный от невольницы, он жаждал равенства; братство с французским народом, к которому он принадлежал лишь наполовину, было его мечтой. Он был смел, горяч, честолюбив и, когда ему исполнилось двадцать лет, вступил в республиканскую армию.

Его военная карьера была похожа на огненный полет метеора. Солдат, капрал, лейтенант, подполковник, бригадный генерал, генерал армии — на прохождение этой лестницы, по которой он шагал через несколько ступенек, понадобилось всего лишь двадцать месяцев, а интервал между первым и последним генеральскими званиями составил только пять дней! Генерал Дюма был верным солдатом революции. И он остался ей верен до самой смерти.

Сохранился портрет генерала Дюма. Это смуглый суровый человек огромного роста, с огненным взглядом черных глаз. Он удерживает за повод горячего коня, вдавли, за его спиной, — поле битвы. Это тот мир, в котором он прожил свою короткую, блестящую жизнь.

Ему привелось служить вместе с генералом Наполео-

ном Бонапартом и сопровождать его в египетском походе. Но позже их пути разошлись: любовь к республике была у Дюма в сердце, Бонапарт был республиканцем из политических соображений. Генерал Дюма умер сорока четырех лет, в 1806 году, через два года после того, как Наполеон провозгласил себя императором.

После генерала осталась вдова Мари-Луиза, урожденная Лабуре, дочь командира Национальной гвардии местечка Вилле-Коттере, и четырехлетний сын.

Мальчик очень любил отца. Когда генерал лежал на смертном одре, ребенок, сверкая глазами, с пистолетом в руке, выбежал из дома.

— Куда ты бежишь? — остановила его заплаканная мать.

— Я отправлюсь на небеса!

— Зачем?

— Чтобы убить доброго бога, который убил моего папу...

Позже, когда Александр стал уже взрослым, мать уговаривала его принять фамилию Дави де ля Пайетери, своего деда, — это было в обычаях того времени, когда свирепствовала реакция, стремящаяся стереть даже память о революции. Но юноша ответил:

— Нет, я сын генерала Дюма! Я знаю моего отца. Я не знал своего деда...

Писатель унаследовал многие черты характера от своего отца и щедро наделял ими своих героев. Их жизненная сила, колоссальная энергия, воля к действию, непоколебимость, любовь к приключениям — наследство генерала.

Мальчик из провинциального Вилле-Коттере рос, не получая никакого образования.

Аббат Грегуар, местный священник, научил его читать и писать. Каллиграфия стала для юноши Александра поэзией и страстью — он писал поразительно красиво: ровно, как по линейке, выводя волосные штрихи и округлые нажимы.

Книги открыли ему иной мир, непохожий на окружающую его сонную французскую провинцию. Подбор его любимых книг несколько странен: Библия, «Иллюстрированная мифология», «Естественная история» Бюффона, «Робинзон Крузо» и «Тысяча и одна ночь» в воль-

ном переводе Галлана. Но в этом подборе — весь Александр Дюма.

Тринадцати лет он поступил писцом к местному нотариусу.

Он уже сочинял стихи и мечтал о славе писателя, утешая себя тем, что великий французский поэт Корнель тоже начинал свою карьеру писцом у нотариуса.

К этому времени он открыл Вальтера Скотта и Шиллера. Юноша коротал свои досуги в тени королевского леса, и иногда ему казалось, что рядом с ним оживают тени, будившие некогда звуком охотничьего рога тишину дубрав, что он чудом перенесен в другой век...

В 1815 году мальчику пришлось дважды увидеть императора Наполеона. Сначала император во главе всей армии проехал через Вилле-Коттере, следуя на поле Ватерлоо. Через несколько дней он промчался в карете по главной улице местечка после величайшего в своей жизни поражения. Это была живая история, которая, как видение, навсегда осталась жить в памяти будущего писателя.

Восемнадцати лет юноше довелось совершенно случайно увидеть в Суассоне, в исполнении учеников консерватории, «Гамлета». Так он одновременно открыл Шекспира и театр. Перед ним словно распахнулось окно в сверкающий мир, где бушевали неистовые страсти, свирепствовали неимоверные бури и исполинские характеры героев раскрывались в яростных столкновениях... «Я был слеп, и я прозрел», — записал будущий писатель в своем дневнике.

Теперь юноша не мог думать ни о чем другом, кроме театра. Но театры были только в Париже.

Париж! В одном этом слове для Дюма был сконцентрирован весь огонь и блеск литературы того времени. Но у него не было никаких средств к существованию; не было даже денег на проезд до столицы.

И, однако, он решился. Двадцати лет он покинул родной город и сел в омнибус. В кармане у него было пятьдесят три франка и письма матери к друзьям его отца, которые сами были в опале, как бывшие республиканцы и бонапартисты, и влачили жалкое существование. Проезд до Парижа ничего ему не стоил: он выиграл нужную сумму на бильярде у содержателя омнибусов.

Юноша, приехавший «завоевать Париж», как тогда говорили, мало знал, не имел профессии и не умел ничего делать. Но по рекомендации генерала Фуа, старого друга отца, ему все же удалось получить место писца в канцелярии герцога Орлеанского с окладом сто франков в месяц. Ему помогли две вещи: великолепный почерк и то, что сам герцог находился в оппозиции к королевскому правительству и даже некогда участвовал в знаменитой битве при Вальми, сражаясь на стороне республики.

Судьба такого типического «молодого человека девятнадцатого столетия» была не раз описана французскими писателями прошлого века: чердак, который в романах обычно именуется благородным французским словом «мансарда», случайный заработок, попытки напечатать или поставить на сцене свои произведения, жизнь впроголодь...

Один из сотрудников канцелярии, заметив невежество молодого Дюма, шутя перечислил ему книги, которые, по его мнению, должен знать каждый образованный человек. Список был составлен не без иронии, со многими излишествами (он сохранился в «Воспоминаниях» Дюма), но молодой человек воспринял его всерьез. С этих пор на сон он выделял лишь четыре часа в сутки. Остальное время, свободное от работы, он посвящал чтению. При его феноменальной памяти это был целый университет. Так он получил образование — быть может, одностороннее, избыточное пробелами, но незаурядное по тем временам.

В 1825 году в театре «Амбигю» была поставлена пьеса «Охота и любовь», написанная Дюма совместно с Левеном и Руссо. Как мы видим, Дюма начал свою карьеру с литературного сотрудничества, только на этот раз он был младшим компаньоном.

Пьеса принесла авторам сборы по четыре франка за спектакль и быстро сошла с репертуара.

Вскоре в театре «Порт Сен-Мартен» была поставлена новая пьеса «Свадьба и похороны». Авторами ее были Дюма, Юстав и Лассань. Она принесла драматургам уже по шести франков за спектакль.

В том же году Александр Дюма за свой счет издал

небольшой томик новелл. Из всего тиража было продано лишь четыре экземпляра.

Ему было двадцать три года. По современным понятиям, он уже был драматургом и прозаиком. В королевском Париже начала прошлого века он был никем, так как у него не было ничего, кроме долгов и фамилии республиканского генерала.

То были годы бурного расцвета новой французской литературы. Небольшая кучка молодых писателей во главе с Виктором Гюго, объединившись вместе, подняла знамя романтизма. Здесь было все, что волновало в те годы молодежь Франции: протест против жестких норм литературного классицизма, где героями могли быть только боги и короли, место действия ограничивалось одним домом, а время действия — сроком от рассвета до полуночи. Здесь был культ революционной героики, отнесенной авторами к иным временам и далеким странам — для успокоения цензуры, — но понятный зрителям, заполнявшим зал. Здесь был протест против всех пережитков феодализма, здесь был народ — творец истории и создатель материальных и духовных ценностей. И романтики не остались одинокими: за ними пошла вся молодая Франция.

Александр Дюма примкнул к кружку романтиков со всем пылом и одушевлением юности. Но молодому писателю, который позже любил изображать свою карьеру как сплошной триумфальный путь, по которому его вела Фортуна, понадобилось шесть лет упорного труда, чтобы овладеть тайнами литературного мастерства. Его драма «Христина Шведская» произвела сенсацию в кружке, но не была принята на сцену. И лишь в 1829 году ему удалось поставить в театре «Одеон» пьесу «Генрих III и его двор».

Спектакль имел колоссальный успех. Вместо условных героев классического французского театра,двигающихся по сцене лицом к публике, не разговаривающих друг с другом, но декламирующих стихи, обращаясь к зрителям, толпа увидела живую жизнь, услышала прозаическую речь, услышала тот язык, на котором говорила она сама. Пьеса состояла из ряда картин, живописных и эффектных, хотя и плохо связанных друг с другом. Страсти героев были необыкновенны, характеры их очер-

чены резко, действие исполнено драматизма. Сцена была полна блеска и движения, зрители не могли отвести от нее глаз.

Это была первая великая победа молодого французского театра: пьеса Виктора Гюго «Эрнани», вокруг которой разыгрались особенно жестокие литературные битвы, появилась на сцене лишь год спустя.

Парижская толпа особенно шумно приветствовала молодого драматурга еще и потому, что драма Дюма имела широкое общественное звучание. В ней смело обличались кровавые преступления французского королевского двора. Она звучала антимонархически. Стоит напомнить, что близилась революция 1830 года.

Герцог Орлеанский, присутствовавший на премьере и бывший в то время главой умеренной оппозиции, похвалил драматурга и назначил его своим библиотекарем. Это была синекура — должность без обязанностей, — приносящая Дюма доход в тысячу двести франков в месяц.

Противники Дюма пытались запретить пьесу, но общественное мнение оказалось сильнее кучки реакционеров. Король Карл X, побывавший на представлении, вынужден был уступить. На настойчивые требования придворных вмешаться он ответил:

— В театре я только зритель, как и все.

Слава, которой Александр Дюма ждал столько лет, переступила порог его дома, раскинула крылья и покрыла ими весь Париж. Имя Дюма отныне знал каждый парижанин. Из мелкого служащего он в одну ночь превратился в профессионального драматурга. С тех пор в парижских театрах шло по пять-шесть его пьес в сезон.

В 1830 году Дюма собрался путешествовать. Он решил начать с Алжира. Но 26 июля, в день отъезда, развернув правительственную газету «Монитор», он прочел шесть чрезвычайных указов короля Карла X, представлявших открытое нарушение конституции. В них объявлялась распущенной только что избранная палата депутатов, лишались права голоса промышленники и торговцы и ограничивалась свобода печати.

— Я предпочел бы скорее колоть дрова, чем царствовать без всяких прав, как царствует английский король!.. — сказал Карл, подписывая указы.

— Черт возьми, я остаюсь! — заявил Дюма, прочтя

газету.— Жозеф, подайте мою кольчугу, двуствольный мушкет и двести патронов двадцатого калибра!

Улицы были заполнены толпой: рабочие, ремесленники, мелкие служащие, мелкие торговцы, студенты, отставные офицеры и солдаты наполеоновской армии взяли за оружие и воздвигали баррикады. Вечером раздался первый выстрел, и народ вступил в бой с королевскими войсками. Дюма, в кольчуге и каске, со шпагой на боку, мушкетом на плече и с карманами, оттопыренными от патронов, участвовал в маршах и контрмаршах Национальной гвардии, помогал строить баррикады и вместе с толпой пел «Марсельезу». Он был весь огонь: ему казалось, что и он творит историю Франции.

Толпа была пестрой.

— Да здравствует республика! — кричали одни.

— Да здравствует конституция! — вторили другие.

— Да здравствует император Наполеон Второй! — раздался одинокий голос.

Но один лозунг объединял всех:

— Долой Бурбонов!

В восстании участвовало восемьдесят тысяч парижан. 29 июля восставшие с боем овладели королевским Тюильрийским дворцом, над которым при криках «Да здравствует свобода!» взвился трехцветный флаг революции.

Несмотря на победу народа, власть была захвачена крупной буржуазией. Умеренный либерал герцог Орлеанский, покровитель Дюма, стал королем Луи-Филиппом. И все же новое правительство вынуждено было сохранить трехцветный флаг республики.

— Ну что ж, — сказал Дюма, — вместо одного короля мы получили другого. Только и всего!

Тем не менее положение Дюма упрочилось. Он был славен, он был велик, он был богат. Но он был лишь на полпути к вершине своей славы.

5

Июльская монархия, как историки называют эпоху между двумя революциями 1830—1848 годов, была золотым веком крупной буржуазии — промышленников и финансистов.

После июльских дней буржуазия стала считать революцию законченной и сделалась ярой сторонницей существующих порядков. Несмотря на введение избирательного права, голосовать могли лишь очень богатые люди. На требование расширить избирательные права премьер-министр Гизо ответил: «Обогащайтесь, господа, и вы станете избирателями».

Слова «Обогащайтесь, господа!» стали лозунгом тех, кто пришел к власти и хотел прибрать к рукам все богатства страны, созданные народом Франции.

Старая аристократия меча и шпаги смешалась с новой аристократией — тугого кошелька. Возникали новые фабрики, строились железные дороги, ширилась заморская торговля. В 1830 году началось завоевание Алжира: готовился захват обширных и богатых африканских колоний. Буржуазная Франция выходила на мировую арену.

Новые богачи, сколотившие миллионные состояния, стремились к пышности. Великолепные дворцы воздвигались в пригородах Парижа. Глаза полуголодных парижан ослеплял блеск великолепных карет, сверкание золотого шитья и драгоценных камней, яркие цвета костюмов из шелка, бархата и бесценной парчи.

И Александр Дюма не мог не поддаться соблазну этого внешнего величия: слишком глубок был контраст между нищетой его детства и нынешним богатством. Писатели, жившие раньше милостью королей и высшего дворянства, ныне составляли себе состояния, работая для многих тысяч читателей. Роман-фельетон, печатающийся с продолжениями, завоевал все газеты, так как именно он обеспечивал им тираж. За один только роман «Парижские тайны» Эжен Сю получил сто тысяч франков. Его «Парижские тайны», «Мартин Найденыш», «Тайны народа» читал весь Париж, вся Франция. За ним следовали «Два трупа», «Записки дьявола», «Влюбленный лев», «Призрак любви», «Герцог де Гиз» Фредерика Сулье, которые расходились в громадном количестве экземпляров. От них не отставал Поль Феваль с его романами «Белый волк», «Лондонские тайны», «Сын дьявола», «Горбун». Он уже не успевал выполнять заказы газет и прибегал к помощи сотрудников, которые, в свою очередь, нанимали себе помощников.

Но признанным основателем нового направления приключенческой литературы, ее королем был Александр Дюма.

В те годы весь мир зачитывался книгами Вальтера Скотта, создателя исторического романа, оказавшего сильнейшее влияние на современную ему литературу и особенно на весь круг французских романтиков. Если до него писатели брались за исторические сюжеты, то изображали их вне времени и пространства — герои лишь носили исторические имена, а обстановка, мысли и поступки людей были современными. Вальтер Скотт впервые обратил внимание на местные особенности страны, национальности, климата. Он открыл читателям народную поэзию и впервые показал, что не отдельные гениальные личности, а сам народ является творцом истории, и рассказал о великих народных движениях. Он искал в истории необыкновенного и чудесного, но вовсе не презирал обыденной действительности. Наоборот, он и ее умел увидеть чудесной и поэтической. Там, где классики даже пламенные страсти изображали как бы замороженными и превратившимися в разноцветные кристаллы, Вальтер Скотт своим горячим сердцем растоплял эти кристаллы и возвращал им жизнь и движение. Он заглянул в душу человека другой эпохи и показал, что предрассудки и верования могут быть так же интересны, как латы и пышные султаны на шлемах.

«Он не покрывает людей минувших времен нашим лаком и не гримирует их нашими румянами... Он сочетал щепетильную точность подлинных записей с величием исторической мысли», — сказал о нем Виктор Гюго.

Совершенно естественно, что Дюма, так любящий французскую историю, овеянный атмосферой подлинного культа Вальтера Скотта в кругу романтиков, должен был увлечься историческими романами шотландского писателя. А увлекаться он умел со страстью. И, так как он ничего не мог делать наполовину, он, образно выражаясь, должен был отбросить в сторону перо рондо и розовую бумагу, предназначенные для драм, и отдать предпочтение голубой.

Наедине с самим собой и своими близкими друзьями Дюма был скромнен и правдив. Несмотря на шумные похвалы поклонников, он не преувеличивал значения своих

пьес. «Я не буду называть себя основателем нового драматического жанра,— писал он,— ибо на самом деле я ничего нового не создал. Виктор Гюго, Мериме... создали этот жанр раньше и лучше меня, они создали из меня то, чем я являюсь...»

Для того чтобы написать исторический роман, а тем более «драматизировать всю историю Франции», как пишут его восторженные поклонники, Дюма недостаточно знал историю, не был систематически образован. Нужен был помощник, нужен был материал, который Дюма мог бы одушевить и оживить так, как это мог делать только он...

Однажды к известному журналисту и издателю Жи-рардену явился молодой провинциальный профессор Огюст Маке с объемистой рукописью романа «Шевалье д'Арманталь». Роман был написан тяжелым слогом, но сюжет — интересен, а материал собран с добросовестностью. Жирарден посоветовал Маке обратиться к Дюма. Тот прошелся по рукописи своим огненным пером, и она стала неузнаваемой.

«Роман, подписанный именем Дюма, стоит три франка за строчку,— сказал Жирарден.— Если же он подписан Дюма и Маке, строчка стоит тридцать су».

Книжка вышла под именем одного лишь Дюма. Маке получил тысячу двести франков, Дюма — «все остальное», что выражалось в нескольких десятках тысяч. Но бывший профессор был доволен: и на него упала тень славы «Александра Великого».

С этих пор началось длительное и плодотворное сотрудничество Дюма и Маке. Особенно много сделал Маке для «Графа Монте-Кристо» и «Трех мушкетеров», этих лучших и наиболее типичных произведений Дюма.

1844 год, когда вышли в свет оба эти романа, был вершиной творчества и жизни писателя. Он начал возводить в Сен-Жермене фантастический замок, который обошелся ему почти в миллион франков. В Париже он строил свой собственный Исторический театр, отделанный с небывалой роскошью, где должны были идти только его пьесы. Он писал одновременно несколько произведений и печатал их параллельно в разных газетах и в то же время не оставлял драматургии. Романы, имеющие наи-

большой успех, он немедленно переделывал в пьесы. Он работал без устали, как машина, и все же не успевал воплощать в жизнь свои необъятные замыслы.

Щедрой горстью он разбрасывал деньги — ведь за каких-нибудь двадцать с лишним лет скудные франки, которые он скопил на поездку в Париж, превратились в настоящий золотой дождь!

6

Даже сверхчеловеческое, железное здоровье Дюма не могло долго выдержать такой режим. Пришла усталость, а вместе с ней с новой силой возродилась юношеская мечта о путешествиях. Ему хотелось отдохнуть от бесконечной работы — он имел на это право! — и набраться новых впечатлений. Вдобавок само путешествие могло легко стать темой литературного произведения. Дюма останавливало только одно: щедрый, даже расточительный, он не хотел расходовать на путешествие деньги.

«Ведь это прямо постыдно, — жаловался он. — Мне, человеку такого положения, тратить самому!»

Конечно, это было причудой. Но о причуде писателя заговорил весь Париж, а это-то и было нужно Дюма.

Мечта его исполнилась в 1846 году. Министр Сальванди предложил писателю совершить путешествие в Алжир и написать об этой колонии, в то время до конца не завоеванной (война там шла уже пятнадцатый год). Правительство рассчитывало, что книгу Дюма прочтет по крайней мере пять миллионов человек и хоть один из ста захочет стать поселенцем в этой богатой стране. Таким образом, за скромную сумму в десять тысяч франков, ассигнованных на поездку, правительство получит для Алжира по меньшей мере пятьдесят тысяч колонистов.

Дюма согласился, но сразу стал вести себя почти как коронованная особа. Он потребовал для себя специальный корабль, и ему был предоставлен военный корвет «Велос». По дороге он «заехал» в Испанию и посетил Мадрид, а по прибытии на судно велел выстроить команду и прошел вдоль фронта, принимая приветствия.

Когда корабль прибыл в Алжир, то оказалось, что

маршал Бюжо, правивший в то время колонией, отсутствует. Тогда Дюма самовольно отдал приказание идти в Тунис, которое командир, испуганный властным тоном, не терпящим возражения, исполнил незамедлительно.

При входе корабля на тунисский рейд береговые батареи дали двадцать один залп в честь Дюма. На берегу он с царской снисходительностью отвечал на приветствия местных властей.

В костюме тирольского охотника Дюма стрелял в ущельях орлов и с хлыстом в руках дрессировал пойманного грифа.

— А, это вы, господин захватчик королевских судов? — приветствовал его Бюжо, когда наконец состоялась их встреча.

— Господин маршал! — величественно заявил Дюма. — Я подсчитал вместе с капитаном, что я стоил правительству одиннадцать тысяч франков. Путешествие Вальтера Скотта в Италию обошлось английскому Адмиралтейству в сто тридцать тысяч франков. Следовательно, правительство должно мне еще сто девятнадцать тысяч!

Слухи о самоуправстве Дюма дошли до Франции, и в палату поступил запрос, на который министр отказался отвечать. Узнав об этом, Дюма, возмущенный до глубины души, послал вызов на дуэль всем без исключения депутатам. Депутаты отказались драться, ссылаясь на свою депутатскую неприкосновенность, и общественное мнение, сначала осудившее любимца Франции, сразу повернулось в его сторону. Когда, закончив путешествие, писатель вернулся в Париж, ему устроили пышную встречу с фейерверком, который он так любил!

За первым путешествием, которое вызвало к жизни книгу «По Средиземному морю и варварийским владениям», последовали другие, описанные в книгах «От Парижа до Кадикса», «На берегах Рейна», «По Швейцарии», «От Парижа до Астрахани», «Кавказ». В «Путешествиях» в свойственной ему живой и остроумной манере, смешивая правду с вымыслом, он писал о жизни других стран, их природе, делал экскурсии в историю, приводя местные сказки и легенды. Все это сопровождалось веселой болтовней; где Дюма подшучивал над своими знакомыми,

заставляя их участвовать в разного рода комических приключениях, иногда весьма сомнительного свойства, в то время как они не покидали Парижа. Особенно доставалось скромному художнику Жадену, жившему безвыездно в своей мастерской на улице Де Дам: он был непременным участником наиболее рискованных приключений, созданных фантазией Дюма.

И все же, несмотря на обилие вымысла и преувеличения, «Путешествия» Дюма сыграли немалую роль в расширении кругозора французских читателей. Миллионы их, раскрывая переплет очередной книги «Путешествий», вступали в пестрый, разнообразный мир, полный блеска и движения, приобщались к гуманизму и свободолюбию писателя. Они проникались верой в жизнь, в победу добра над злом, проникались живым и действенным оптимизмом, потому что сам Александр Дюма видел мир полным жгучего и неисчерпаемого интереса.

7

Романы Александра Дюма очень рано узнали и полюбили в России, так как в те годы, когда началась его деятельность, нигде в мире так не ценили и не читали французскую литературу, как в нашей стране.

Первым переводчиком Дюма на русский язык был Виссарион Белинский, и одним из первых читателей — Александр Герцен. Позже слава его померкла: революционные демократы немало упрекали Дюма в безыдейности и «ложной занимательности». Однако он остался любимцем русского читателя. Горький вспоминал о том, как он увлекался в дни своей юности на Волге романами Дюма. Позже, уже в XX столетии, наступила новая слава писателя.

Сам Дюма тоже очень интересовался Россией. В те времена Россия казалась ему «страной гипербореев», огромной, бескрайней равниной с редкими городами и бедными деревнями, населенными бородатыми мужиками, влачащими ярмо рабства, краем, где плохие дороги тянутся без конца по степям и темным сосновым лесам, а на одиноких путников нападают волки...

Интерес Дюма был не только теоретическим. В свое

время он написал роман «Учитель фехтования», посвященный декабристам, где немало стрел было направлено против русского самодержавия. Книга эта была с недовольством встречена в Зимнем дворце, и об этом хорошо знал сам писатель.

«Княгиня Трубецкая,— писал он в своих дневниках,— друг императрицы, супруги Николая I, рассказывала мне: однажды царица уединилась в один из своих отдаленных будуаров для чтения моего романа. Во время чтения растворилась дверь, и вошел сам император. Княгиня Трубецкая, исполнявшая роль чтицы, быстро спрятала книгу под подушку.

Император приблизился и, остановившись против своей августейшей половины, дрожавшей больше по привычке, спросил:

— Вы читали?

— Да, государь.

— Хотите, я скажу, что вы читали?

Императрица молчала.

— Вы читали роман Дюма «Учитель фехтования».

— Каким образом вы знаете это, государь?

— Ну вот! Об этом нетрудно догадаться. Это последний роман, который я запретил!»

Любопытно добавить к этому рассказу Дюма, что книгу «Учитель фехтования» запрещали переводить на русский язык. Впервые она была опубликована в нашей стране в 1925 году!

Дюма знал, что он не может ждать благосклонного приема при санкт-петербургском дворе. Однако в 1858 году он все же решился отправиться в Россию: ведь для него это было не только путешествием, но и романом приключений.

Это были годы широкого общественного движения в России за освобождение крестьян, годы крестьянских волнений. И Дюма знал, что он едет не в гости к царствующей династии, но для встречи с русским народом. Он ехал, по его словам, «присутствовать при великом деле освобождения сорока пяти миллионов рабов».

«Я не знаю, есть ли в мире какой-нибудь вид,— сказал он, глядя на Неву с гранитной набережной,— который мог бы сравниться с развернувшейся перед моими глазами панорамой...»

Его поражали пространства, о которых он знал заранее, но не мог их себе реально представить. Его восхищали радушие и гостеприимство русских людей.

Автора впечатлений о России, изложенных в книге «От Парижа до Астрахани», обычно упрекают за фантастичность, за ошибки в описании русской жизни. Сейчас, когда опубликованы документы из секретных архивов, мы знаем, как внимательно следили работники Третьего отделения за путешествием Дюма, как старались создать искусственную стену между ним и русским народом.

Путешествие это было совсем не простым. Дюма не только странствовал по ухабистым трактам и проселкам, рекам, степям и горам. Книга была также путешествием по русской истории, литературе, русской политической действительности, с многочисленными экскурсами в область археологии, истории, религии, стратегии и даже национальной кулинарии. Время от времени писатель позволял себе вторгаться в «запретную зону русской истории»: рассказывал об убийстве Павла I, о дворцовых переворотах XVIII века, об интимной жизни Петра I и Екатерины, о неприглядной политической действительности России его времени...

Однако рядом с этим в книгу попали и баядерки, и огнепоклонники, и калмыцкие наездники, и медвежья охота, и даже стычка с горцами, мюридами «священной армии» Шамиля,— все это было организовано русской полицией, все, включая столкновение со сторонниками Шамиля: казаки, часть которых была переодета в национальные горские костюмы, затеяли перестрелку, а потом французскому писателю показывали лохмотья, вымоченные в крови барана, заколотого к обеду.

А обед запомнился писателю надолго: щи, пироги с гречневой кашей и рыбой, поросенок с хреном, жареные грибы, утка, ботвинья из свежепросоленной рыбы. Ботвиньи он съел две тарелки и записал рецепт.

Да, он писал, что Пушкин родился в Пскове и умер сорока восемью лет, а Лермонтов — сорока четырех. Он перепутал немало дат. Но он первый рассказал миллионам французов о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Марлинском и о русских писателях-современниках, о художнике Александре Иванове и композиторе Глинке. Он впервые перевел на французский язык, быть может и неточно,

стихи Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Некрасова. Он рассказал Европе о поэте-декабристе Рылееве и его запрещенной поэме «Войнаровский». В журнале «Мушкетер», где публиковались его записки о России, он напечатал «Ледяной дом» Лажечникова и «Фрегат «Надежда» Марлинского...

Мы должны оценивать писателя не по его случайным ошибкам, а по тому лучшему, что им сделано. Александр Дюма любил Францию и писал для своего народа. Но мы справедливо считаем себя наследниками всего лучшего, что создано народами всего мира. И с гордостью мы можем сказать, что Александр Дюма — один из самых любимых писателей нашей молодежи и останется таким на долгие годы.

8

Когда Дюма однажды упрекнули в том, что он искажает историю, он ответил:

«Возможно, но история для меня — только гвоздь, на который я вешаю свою картину».

И это было правдой. Писатель совсем не был историческим романистом. Он был создателем и блестящим представителем приключенческого романа на историческом материале, но он не смог стать французским Вальтером Скоттом — для этого ему не хватало точности в изложении фактов и величия исторической мысли.

Вальтер Скотт не следовал позади колесницы истории, подбирая упавшие крохи. Он воскрешал историю, выводя ее из тьмы забвения и заставляя жить в сердцах. Он был прав даже тогда, когда не был щепетильно точен: он психологическую правду предпочитал правде исторической. Дюма же любил эти крохи истории, как любил брызги фонтанов и вспышки фейерверка. Для него блеск бриллиантов Анны Австрийской был ярче мрачных огней Варфоломеевской ночи и острие шпаги д'Артаньяна, направленной в грудь Мазарини, — гораздо более грозным, чем все движение Фронды. И когда после появления «Графа Монте-Кристо» гиды стали показывать в Марселе любопытным туристам дом Мореля, дом Мерседес, а в крепости Иф — камеры Эдмона Дантеса и аббата Фариа, Дюма

гордился этим не потому, что он «сам творец истории», как сказал о нем один восторженный поклонник, но потому, что он создал образы героев такой запоминающейся силы.

Несмотря на внешнюю поверхностность романов Дюма, в их основе всегда лежат реальные факты. Писатель хорошо знал закулисную историю Франции XVI—XVII веков и опирался на собранный им большой материал. Иногда он ошибался, это бесспорно, но чаще он переиначивал историю так, как было нужно по замыслу, и особенно тогда, когда герои вырывались из-под его власти и ему приходилось не вести их за собой, но следовать за ними по пятам.

Он широко пользовался всякого рода дневниками, воспоминаниями и личными письмами — ведь его интересовали не большие исторические события, не широкие народные движения, а дворцовые интриги, быт эпохи, такой далекой и в то же время такой близкой, если судить по его романам. Главными для него были его герои — люди с сильными страстями, всегда готовые к действию и борьбе.

Как работал Дюма, это можно проследить на примере создания им «Трех мушкетеров».

В основу их легли «Мемуары д'Артаньяна», действительно существовавшего, хотя никогда ничего не писавшего. Эти подложные мемуары сочинил Куртиль де Сандрас, правда знавший д'Артаньяна лично.

Шарль де Бас д'Артаньян — таково полное имя знаменитого гасконца, носившего придворное звание «Смотрителя королевского птичника», — начав службу Людовику XIII простым мушкетером, дослужился до чина полковника и не получил обещанного ему маршальского жезла только потому, что был убит при штурме голландского города Маастрихта на Мозеле. Д'Артаньян был любимцем короля и доверенным лицом кардинала Мазарини. До наших дней сохранились письма Людовика XIV к командиру мушкетеров. В одном из них король писал: «...уверяю тебя, что сделаю все возможное как для тебя лично, так и для твоих мушкетеров. Будь здоров, любимый д'Артаньян...»

Из книги Куртиль де Сандраса Дюма взял также имена героев — Атоса, Портоса и Арамиса, — историю

путешествия д'Артаньяна в Париж, историю миледи и ряд приключений мушкетеров.

Кроме этого, Дюма использовал «Мемуары ля Порта». Они легли в основу истории Атоса, графа де ля Фер.

История с алмазами королевы заимствована из книги Редерера «Политические и любовные интриги французского двора».

Что же внес нового Дюма в роман «Три мушкетера»?

У Куртиль де Сандраса д'Артаньян только грубый вояка, охотник за богатыми вдовами (он женился на наследнице многих имений мадам де Шанлеси), шпага и шпион Мазарини. Дюма наградил его умом, храбростью, хитростью, ловкостью, верностью в дружбе. Ничего этого нет в «Мемуарах». И главное, из слуги Мазарини он превратился в его заклятого врага.

Дюма сделал то, что может сделать только талантливый писатель: он оживил историю и одухотворил ее полнокровными образами людей. Рядом с д'Артаньяном на страницах романа обрели жизнь три мушкетера — Атос, Портос и Арамис, — кардинал Ришелье, Мазарини, Людовик XIII, королева Анна Австрийская, миледи, Букингем, король Карл I Английский, люди своеобразные, не похожие друг на друга.

Любопытно, что в «Трех мушкетерах» Дюма оказался больше историком, чем сам предполагал. Имена Атос, Портос и Арамис, которые он считал лишь псевдонимами, так как они звучали странно для французского уха, принадлежали людям, действительно существовавшим.

Атос в жизни именовался Арманом де Селлек д'Атос д'Отевиллем и вел род от выходцев из Греции. Он родился около Советерр де Беарн, умер в 1643 году. По-видимому, он был убит на дуэли, так как его тело, проколотое шпагой, было найдено утром вблизи рынка.

Портос назывался Исааком де Порто и был сыном королевского нотариуса. Он стал мушкетером через три года после смерти Атоса, и его имя можно найти в списках времен Ришелье и Мазарини. Род этот существует до сих пор, и его потомки и сейчас живут во Франции, владея замком Ламье в Пиренеях.

Арамис, на самом деле д'Арамис, сын офицера и тоже гасконец, служил в том же отряде, что Портос и д'Артаньян. Его владения были расположены в долине Бартон, где

он и умер в своем замке Эсплюнке, так и не став епископом, вопреки Дюма.

Но Дюма писал не только исторические произведения. Один из его шедевров, роман «Граф Монте-Кристо», относится к эпохе, когда он создавался. Это книга о современной писателю Франции.

Интересно, что основа сюжета и целый ряд подробностей были заимствованы Дюма из полицейских протоколов, то есть взяты из самой гущи окружающей его жизни.

В 1807 году сапожный подмастерье Пико готовился вступить в блестящий брак. Упоенный успехом, он хвастался своей удачей перед посетителями кафе, где постоянно обедал.

«Бьюсь об заклад, что я этому помешаю», — сказал своему приятелю Аллю хозяин кафе Лупьо, которого снедала низкая зависть.

Лупьо вместе с несколькими собутыльниками написал донос полицейскому комиссару, а тот, признав дело чрезвычайно важным, так как оно касалось заговора против государства, передал его министру полиции. Пико был арестован и, как опасный политический преступник, заключен в замке Фенестрель.

Два года спустя Лупьо женился на невесте Пико.

Через семь лет Пико вышел из заключения. В тюрьме он преданно ухаживал за скромным миланским священником. После смерти священника оказалось, что он обладал колоссальным состоянием, которое целиком завещал Пико.

За годы тюремного заключения несчастный Пико так изменился, что никто не мог его узнать. Озлобленный, он был одержим лишь одной мыслью: мстить всем тем, кто лишил его свободы и любимой девушки, мстить жестоко, мстить до конца.

Ценой драгоценного алмаза, стоившего пятьдесят тысяч франков, он выпытал у Аллю имена доносчиков. Потом он, никем не узнанный, поступил лакеем в кафе Лупьо.

Через несколько дней один из доносчиков был убит ударом кинжала; на кинжале было выгравировано: «Номер первый».

На следующей неделе был отравлен другой доносчик. На его гробу оказалась надпись: «Номер второй».

Подозрение пало на Лупьо — это были его ближайшие приятели. Посетители стали сторониться кафе, и Лупьо разорился. Он опустил, запил, жена его умерла с горя.

Вечером, после похорон жены, Лупьо встретил Пико в Тюильрийском саду. Пико назвал себя и вонзил Лупьо кинжал в сердце.

В этот момент Пико схватили, связали, заткнули рот и перенесли в подземелье. Это был Аллю: алмаз, который он получил от Пико, возбудил его алчность, и он все время следил за мстителем, надеясь завладеть огромным состоянием. Пико был посажен на цепь. Аллю сказал, что не собирается его убивать и что даже будет хорошо кормить, но за каждый обед пленник должен платить по двадцать пять тысяч франков.

Так как жестокая месть Пико была завершена, ему уже ничего не оставалось в жизни. Он умер от голода, так и не сказав, где спрятано богатство.

Аллю на смертном одре открылся священнику, который сообщил об этом в префектуру. Так эта история попала в полицейский архив...

Если сравнить выписку из полицейского протокола с романом «Граф Монте-Кристо», то как нельзя более ясным станет творческий метод Дюма. В истории Пико есть почти все мотивы романа, и Дюма оставалось лишь усложнить интригу, добавить новые эпизоды, быть может заимствованные из других источников, — ведь он всегда шел от реальной жизни, — расшить эту грубую ткань золотым узором... Но ни в одном протоколе он не мог найти таких характеров, как те, что составляют главную прелесть романа.

Подлинный талант Дюма раскрывался не в приключениях его персонажей и даже не в ярких картинах, нарисованных его мастерским пером. Мы считаем Дюма большим писателем потому, что он создал блестящую галерею таких героев, как граф Монте-Кристо во всех его превращениях, Мерседес, Фернан, Данглар, Вильфор, Нуартье, аббат Фариа, Бертуччо, — галерею, которая живет и не меркнет вот уже больше столетия!

В истории Дюма предпочитал эпохи беспокойные, смутные, бурные, неистовые, потому что они порождали сильные, действенные характеры. А то, что писатель всем

другим краскам предпочитал черный и белый цвета, лиш- ний раз свидетельствует о том, что это не миниатюрные картинки французского художника Мейсонье, который к каждому своему полотну прилагал лупу для его рассма- тривания, но мгновенные впечатления человека, находя- щегося в упоении битвой.

Нельзя рассматривать романы Дюма как историю Франции в художественных образах, как сделал один исследователь, расположивший все его произведения в хронологическом порядке описываемых в них событий. Нет, Дюма писал не только о Франции, у него есть исто- рические романы и о России («Учитель фехтования»), и об Италии, и об Англии (два романа о Робине Гуде), но дело даже не в этом, да и задача писателя совсем иная. Для читателя романы Дюма могут служить волшебным ключом к библиотеке Истории. Он запомнит из его рома- нов имена, последовательность главных событий, проник- нет в дух эпохи. И, когда он перейдет к более серьезным и даже специальным книгам и отсеет верное от случай- ного, он, несомненно, добром вспомнит того, кто, друже- ски взяв его за руку, ввел в этот яркий и удивительный мир.

9

Александр Дюма прожил большую пеструю жизнь. Он был человеком добрых намерений, большого, свобод- ного сердца и демократических убеждений.

Его детство было овеяно отблеском революционного пламени, и он не мог забыть этого всю жизнь. Он при- нимал участие в июльской революции 1830 года. Потомок черных рабов, он сочувствовал освободительному движе- нию во всех странах, ему были ненавистны рабство и на- циональное угнетение.

Но во всякой революции его привлекала больше внеш- няя сторона: знамена, факелы, баррикады, революцион- ные песни, а не ее социальный смысл. Революция была для него как бы продолжением бурных и неистовых ре- лигиозных войн XVII столетия между католиками и гуге- нотами или завершением блестящих наполеоновских походов по всем странам Европы.

Он принял деятельное участие в февральской револю-

ции 1848 года. В то время Дюма был командиром Национальной гвардии Сен-Жермена. В решающий момент восстания он появился в мундире на Королевском мосту в сопровождении четырех или пяти гвардейцев, выкрикивая слова команды и жестикулируя так неистово, как если бы он командовал целой армией. Он прибежал в палату депутатов как раз тогда, когда народ требовал свержения короля и изгнания Орлеанского королевского дома.

После перестрелки на бульваре Капуцинов, где было много убитых, Дюма в знак траура закрыл свой Исторический театр.

Спустя несколько недель он посадил перед зданием театра «дерево свободы». Оркестр Варнея, разместившийся на балконе, давал бесплатные концерты, и толпа танцевала на улице перед театром до четырех часов утра. Все это было точным воплощением того, как Дюма представлял себе революцию.

Он был другом Гарибальди и уже далеко не молодым человеком принял участие в его походах в Сицилию и Неаполь. Для Гарибальди и его «тысячи» эти походы были битвой за свободу и объединение родного народа, для Дюма — очередным романом приключений.

Но внешняя пышность и пестрая мишура, в которую он так по-детски любил рядиться, не должны заслонять от нас подлинного лица писателя. Торжественные приемы, витиеватые речи, обильные обеды, встречи с великими мира сего, суды с издателями, ссоры с сотрудниками — все это лишь забавляло Дюма, льстило его самолюбию, но занимало очень малую долю в его жизни.

Александр Дюма становился самим собой лишь за письменным столом, перед стопкой разноцветной бумаги, с гусиным пером в руках.

Сколько образов теснилось в его голове, сколько героев толпилось около него, сколько эпитетов, метафор и метонимий висело на кончике его пера! И все они жаждали освобождения, мечтали воплотиться в строки и страницы каллиграфически написанной рукописи.

Как бы ни был сам Дюма угрюм, мрачен, он преображался, когда брал в руки перо.

«Мои самые безумные фантазии часто рождаются в мои самые пасмурные дни,— говорил он,— Вообразите себе грозу с розовыми молниями...»

Самым большим счастьем для него было играть роль провидения, судьбы — фортуны, как выражались в те дни, — по отношению к своим героям. Ведь он мог одного сделать счастливым, другого — несчастным, обогатить одного и разорить другого, неожиданно отдать бедному юноше женщину, которую он любит.

Он распоряжался жизнью и смертью своих персонажей, хотя порой они вырывались из-под его власти и он никак не мог предвидеть те поступки, которые они совершат помимо его воли. Но перо всегда послушно и даже раболепно следовало за ними, так как писатель хорошо знал, что если созданные им люди вырывались из-под его власти, то роман удался!

Он любил своих героев и верил в их существование.

Однажды Александр Дюма-сын застал своего отца в слезах.

— Что случилось? — спросил молодой человек. — Какое-нибудь несчастье?

— Портос умер, — ответил писатель, — я должен был принести его в жертву.

Как мудрый и умелый советчик, он убеждал своих неблагодарных блудных героев покинуть стезю порока и вернуться в отцовский дом. Он гипнотизировал читателя, одевая их то в королевскую парчу, то в лохмотья нищего.

Он открыл поистине магические возможности романа, неизвестные до него.

Когда он работал над романом «Виконт де Бражелон», его спросили, чем он надеется поддержать интерес к новому роману.

— Как — чем? С сыном случится все то, что случилось с его отцом.

Несмотря на упреки современников, часто справедливые, на снисходительное — сверху вниз — отношение историков литературы, причисляющих Дюма к писателям «второго ранга», он все-таки остался жить — и сейчас жив не менее, чем сто лет назад. Его пыл и одушевление стали бессмертными, так как он смело и щедро награждал ими своих героев. «Этими качествами — известно, с какой беспечной откровенностью я говорю о себе, — этими качествами я обладаю в совершенстве...»

Несмотря на окружающую его фантастическую пышность, он по-настоящему жил только в своих книгах.

В конце жизни, вспоминая пройденный путь, люди обычно жалуется на то, что не успели воплотить в жизнь свои мечты, сделали слишком мало. Александр Дюма, умирая и подсчитывая итоги жизни, сетовал, наоборот, на то, что сделал чересчур много лишнего, что слишком много сору среди его жемчужин...

Конец жизни Дюма был печален: он скрывался от кредиторов, прятался на даче своего сына.

Парижская толпа, когда-то чтившая его, как полубога, стала его забывать. Появились новые литературные кумиры. Это была эпоха Второй империи, диктатура Наполеона III, которого Виктор Гюго назвал Наполеоном Малым.

Новое литературное направление с предельной откровенностью выражало идеал империи, олицетворяя его в непойманном преступнике и полицейском сыщике.

Властителями дум парижской черни стали Понсон дю Террайль и Эмиль Габорио. В их произведениях уже не было и намека на правду или искусство. Но в этом не нуждались авторы, и не этого искали их читатели...

А Дюма, постаревший, обрюзгший, продолжал писать о благородных мушкетерах, о пленительной храбрости людей, готовых отдать жизнь за родину, за идею, за товарищей... Салонным плебеям и рыночным аристократам империи все это казалось нелепым анахронизмом.

И вот прошло столетие, забылись имена сановников Наполеона III; никто, кроме историков литературы, не помнит Понсона дю Террайля и Габорио. А Дюма жив и сейчас, жив почти как наш современник! Неужели мы когда-нибудь забудем очаровательного и легкомысленного д'Артаньяна, благородного Атоса, хвастливого и храброго Портоса, рассудительного Арамиса? Разве когда-нибудь изгладится из нашей памяти справедливая и жестокая месть графа Монте-Кристо, вероломство его врагов? А герои второй трилогии? А благородный и храбрый Робин Гуд?.. Дюма — друг юношей и девушек всего мира и всегда готов вступить с ними в дружескую беседу, достаточно лишь снять с полки одну из его книг — а их столько, что можно ими наполнить целую библиотеку! — и раскрыть ее. И перед нами появится неутомимый

рассказчик, подобный героям «Тысячи и одной ночи», окруженный неисчислимой толпой созданных им людей.

Пусть же он останется в нашей памяти таким, каким был только наедине с собой,— неистовым, страдающим одышкой, с пером в руках за своим письменным столом.

Его обступают тени героев, сквозь которые просвечивает простая обстановка мастерской: белая доска стола, плотно сбитый стул, железная кровать, камин с книгами, три разноцветные стопки бумаги на столе.

Тени, еще не воплотившиеся, требуют, чтобы он дал им вечную жизнь на страницах своих романов. Писатель поднимает перо, как шпагу, он прокалывает им злодеев, посвящает в рыцари любимцев и пишет, пишет, покрывая огромные листы бумаги быстрым, легким почерком.

Александр Дюма писал для своих современников, для сотен тысяч французских читателей. Его читают уже свыше ста лет и прочли десятки, если не сотни миллионов восторженных почитателей на всех материках, во всех странах света и будут читать еще долго, пока существует французская литература,— ведь мы не мыслим ее без «Графа Монте-Кристо» и «Трех мушкетеров».

А о какой более высокой и победной славе еще может мечтать писатель?..

ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Город Солнца был расположен на высоком плоском холме, возвышающемся среди плодородной равнины в стране Экватора. Семь крепостных стен с четырьмя воротами, окованными железом, в каждой — на север, юг, восток и запад — окружали город. Еще издали путник мог увидеть цветные росписи, ярко сверкающие и в жаркий полдень, когда великое палящее светило стоит прямо над головой, и в мягком свете утренней и вечерней зари. На стенах были изображены вид всей земли и карты всевозможных областей с описаниями обычаев, нравов и законов их обитателей...

Любознательный путешественник, входящий в ворота и поднимающийся вверх по склону холма вдоль мощеной улицы, мог видеть вокруг себя обширные палаты, соединенные галереями для прогулок, опоясанные аркадами наподобие колоннад, куда поднимались величественные мраморные лестницы. И на всех семи стенах, опоясывающих город, ярко сверкала эмаль цветных росписей,

Здесь, казалось, виден был весь мир, словно в чудесном бэконовском кристалле алхимиков, в котором отражена Вселенная. Беззвучно бушевали синие и зеленые моря, в глубинах которых плавали сказочные рыбы: чудовищный левиафан, рыба-епископ в золоченой митре и с посохом, рыба-цепь, рыба-панцирь, рыба-гвоздь и рыба-звезда. В неправдоподобно зеленых лесах бродили удивительные животные всего мира: бегемоты с когтями, похожими на ряд серпов, увенчанные рогами единороги, кроткие лани, свирепые драконы... Над ними неподвижно парили фениксы, орлы, ласточки, легендарная птица рох... На цветных росписях были изображены все людские ремесла и искусства, нарисованы лики великих мужей древности, философов, ученых... Город Солнца, казалось, был драгоценным слепком всего мира, но мира, очищенного от скверны, откуда навеки изгнана тьма.

А на плоской вершине холма, откуда были видны все стороны света, возвышался огромный, с изумительным искусством воздвигнутый храм, инкрустированный драгоценными камнями, расписанный золотыми звездами и планетами, небесными кругами и знаками зодиака. Под самым куполом, на алтаре, освещенном неугасимым огнем бесценных лампад, высились два глобуса: один с изображением всего Неба, другой — Земли. Под флюгером же, взлетающим над куполом храма к зениту, хранился написанный золотыми буквами свиток. В нем были изложены законы Города Солнца — идеального государства будущего, возникшего в человеческом воображении, фантастической страны, где нет ни войн, ни голода, ни болезней, где все общее, где людьми управляют великие добродетельные страсти: Мощь, Мудрость и Любовь...

Книга Томмазо Кампанеллы «Город Солнца» стояла в книжном шкафу Жюль Верна в его амьенском кабинете на специальной полке, где рядом с ней теснились другие утопические сочинения: Томаса Мора, Мелье, Морелли, Сен-Симона, Фурье, Кабе... Во всех этих книгах стареющий писатель искал хотя бы отдаленное сиянье облика грядущего — того блистающего всеми гранями освобожденного мира, о котором он мечтал!

Когда писатель снимал с полки одну из этих книг и начинал перелистывать страницы, его лицо менялось, словно озаренное светом из будущего. И он вспоминал

картину неизвестного художника, последователя Фурье, которую он видел в Париже много лет назад.

...Далеко внизу, словно увиденная летящей птицей, расстилалась чудесная, нигде не существующая страна. Широкая прохладная река голубой лентой, брошенной на пышный зеленый бархат, пересекала цветущую равнину, где между изумрудными купами деревьев раскинулся ослепительно белый фаланстер — социалистический поселок будущего. На переднем плане, одетые в театральные сельские костюмы, смотрят вниз жители этого фантастического города-сада. Перед их глазами, чередуясь в строгом ритме, тянутся ряды огромных зданий — жилых корпусов, общественных столовых, домов собраний, школ, больниц, театральных помещений, мастерских и сельскохозяйственных строений. На просторных площадях вздымаются султаны говорливых фонтанов, рассыпающихся ореолами разноцветных водяных брызг, в которых лучи солнца рождают мгновенную радугу. Гирлянды вьющихся растений и бордюры из разноцветных трав и цветов смягчают и одушевляют строгое величие зданий. Вся окрестность фаланстера — новая природа, созданная руками человека: бесконечные аллеи темно-зеленых деревьев, плодовые леса, отягощенные невиданными плодами, влажные луга, где пасется тучный скот, пышные поля, ожидающие жатвы...

«В этих домах, в этих городах будут жить совсем другие люди, — думал писатель. — Их счастьем будет труд, их вдохновеньем — научные исследования, их идеалом — свобода, для которой создан человек. Об этих людях я думал когда-то, создавая своих героев — доктора Фергюсона, профессора Лиденброка, лорда Гленарвана и его друзей, капитана Гранта, Мишеля Ардана, капитана Немо...»

Он вспоминал также картину Гюстава Курбе, художника Парижской коммуны, как его называли позже, выставленную в Салоне в 1850—1851 годах, на последней художественной выставке республики. Она называлась «Апостол Жан Журне, отправляющийся завоевывать всемирную гармонию». Жан Журне был последователем Фурье, апостолом утопического коммунизма. Не раз с котомкой и посохом — таким его и изобразил Курбе — он отправлялся в путь, чтобы проповедовать по

дорогам, учить народ, как достичь того не существующего пока края, где, словно всплески пламени, возвышаются над щедрой землей города будущего...

Жюль Верн до великого семьдесят первого года шел тем же путем поисков. В его романах этой поры показан мир, где нет зла, которое могло бы помешать людям завоевать будущее. Даже позже, когда жестокая сила франко-прусской и гражданской войн бурей прошла над Францией, писатель мог сказать: «Добро уже не безоружно, за него сражается Парижская коммуна!..»

30 апреля 1871 года, меньше чем через полтора месяца после провозглашения Парижской коммуны, Курбе писал своим родителям: «Я в восхищении. Париж стал настоящим раем — никакой полиции, никакой глупости, никаких налоговых вымогательств, никаких разногласий. Париж управляется без всего этого — все идет как по маслу. Вот бы было хорошо, если бы всегда оставалось именно так! Это настоящее чудо...»

А теперь?

Франция управлялась «правительством борьбы», как оно само себя называло, задачей которого было не допустить в стране подлинной республики. Все республиканцы на государственной службе были заменены монархистами, в большинстве случаев старыми чиновниками Наполеона III. Мэры городов уже не избирались, а назначались. Запрещена была продажа газет на улицах. На вершине Монмартрского холма, где еще так недавно прозвучал набат, возвестивший провозглашение Коммуны, предполагалось воздвигнуть храм Сердца Иисуса с приделом святого Игناسия — в честь Игناسия Лойолы, основателя ордена иезуитов.

А тридцать пять тысяч человек, ставших жертвами версальской расправы с коммунарами? А сто тысяч парижских рабочих, исчезнувших из квартир в эти дни?..

Ярость и тоска в сердце — вот все, что осталось писателю Жюлю Верну в расцвете его таланта и славы. Он даже не мог воскликнуть вместе с тем же Курбе: «И все же я считаю за честь, что принадлежал к Коммуне!..»

В эти жестокие для него годы Жюль Верн не раз думал о том, чтобы эмигрировать из Франции, покинуть ее, как, вольно или невольно, сделали его друзья — Элизе Реклю, Паскаль Груссе, Луиза Мишель. Но все же слово

«родина» значило для него гораздо больше, чем запись о подданстве в соответствующей графе заграничного паспорта. И он нашел другой путь: он эмигрировал в другую Францию и в другой мир — мир «необыкновенных путешествий», в котором протекла вся его жизнь: с рубежа семьдесят первого года и до дня его смерти.

Это был мир его славы и его одинокого счастья, которое стало счастьем многих миллионов читателей. В этом вымышленном и прекрасном мире, где добро всегда побеждало зло, где жестокости реального мира, всегда, хотя и смутно просвечивающего сквозь полупрозрачные ткани романтического повествования, противопоставлялся еще более реальный мир завтрашнего дня.

Он писал об этом мире, пробиваясь сквозь тиски политической и социальной цензуры, сквозь невнимание своих современников, сквозь непонимание друзей...

Через тридцать лет, всего за год до смерти, старый, уже слепой писатель так сказал о грядущем дне:

«Двадцатый век создаст новую эру. Еще немного времени, и наши телефоны и телеграфы покажутся смешными, а железные дороги — слишком шумными и отчаянно медлительными... Водопады дадут вшестеро больше двигательной энергии... Одновременно разрешится проблема воздухоплавания. Дно океана станет предметом широкого изучения и целью путешествий... Настанет день, когда люди сумеют эксплуатировать недра океана так же, как теперь золотые россыпи. Моя жизнь была полным-полна действительными и воображаемыми событиями. Я видел много замечательных вещей, но еще более удивительные создавались моей фантазией. И все же я чувствую, что слишком рано мне приходится завершить свой земной путь, сердце мое полно грусти, что нужно проститься с жизнью на пороге эпохи, которая сулит столько чудес!»

1

Жюль-Габриель Верн родился 8 февраля 1828 года в старинном городе Нанте, одном из крупнейших портов Франции, лежащем на берегу полноводной Луары, в пятидесяти километрах от ее устья.

Нант — город кораблестроителей и мореходов, судовладельцев и купцов, ведущих заморскую торговлю. Аристократию города составляли надменные потомки работоторговцев и плантаторов, владевших некогда почти всей Вест-Индией. Прочие жители — матросы, рыбаки, плотники, канатные и парусные мастера — также тесно связаны с морем. Оно не видно из города, но дыхание его чувствуется на всех улицах — и в богатых и в бедных кварталах.

Мальчик вырос на острове Фейдо, расположенном на середине реки. Остров был похож на огромный каменный корабль, плывущий вниз по Луаре, между набережными, носящими имена адмиралов, мореплавателей, корсаров и полководцев. В «носовой» части этого плавучего острова зеленел крохотный садик, называвшийся «Маленькая Голландия», где росли все тропические растения, которые могли выдержать влажный и ветреный климат Нижней Луары. На «корме» разместился небольшой рыбный рынок. С углового балкона дома, где жила семья Жюля, выходившего на главную улицу острова, — Рю Кервеган — можно было видеть весь «корабль», четыре горбатых моста, соединяющих его с материком, городские кварталы на севере и зеленые луга заречья. Из слухового окна на чердаке вид был еще более широким, и мир казался безграничным.

В просторном восьмиугольном зале первого этажа мальчик видел два больших портрета, висящих по бокам камина: Франсуа Гильоше де Лапейрера, нормандского навигатора, и Александра Аллот де ля Фюйе, судовладельца из Нанта, — своих предков. И снова они напоминали ребенку о широком море, о безбрежном океане, разделяющем и соединяющем далекие материки.

Для мальчика, уроженца большого портового города, Рю Кервеган, идущая вдоль всего «плавучего острова», казалась капитанским мостиком, а позиция у слухового окна — «вороньим гнездом» на вершине мачты. Со сладким шуршанием протекали вдоль каменных бортов «корабля» воды Луары, медленно проплывали рыбацкие лодки с квадратными парусами; вдали виднелись океанские корабли, уставшие от плаваний в дальних морях и ошвартовавшиеся прямо у набережных...

Веснушчатый мальчик, русый и светлоглазый, сын

адвоката мэтра Пьера Верн и Софи Верн, урожденной Аллот де ля Фюйе, с детства любил наблюдать жизнь большого порта. На набережной де ля Фосс, усаженной магнолиями, разгружались океанские парусники, совершавшие рейсы в Вест-Индию и на гвинейский берег. В те годы целый флот в две с половиной тысячи судов был приписан к Нантскому порту. На пристани горами возвышались бочонки с ромом, мешки с кофе и какао, связки сахарного тростника. Бородатые матросы продавали любопытным горожанам ананасы и кокосовые орехи, торговали канарейками, попугаями, обезьянами. Маленький Жюль читал названия кораблей: «Сирена», «Милая Роза», «Павлиньи перья», «Морская раковина», «Чудесные яблоки»...

Мальчик был предприимчив. Он исчезал из дому, чтобы, смешавшись с группой рыбаков, слушать с широко раскрытыми глазами старые нантские легенды: о бретонском мальчике Жаке Кассаре, ставшем великим мореплавателем, или о Жиле де Лаваль — Синей Бороде, который за преступления был сварен в масле вблизи своего замка, расположенного в окрестностях города. Лето маленький Жюль проводил на даче в Шантеней, пригороде Нанта. Океанские парусники, отчаливавшие от пристани, беззвучно проплывали мимо. Иногда мальчик видел таинственные «пироскафы» — паровые корабли, которые мчались против течения и ветра, словно катясь на своих огромных колесах...

Первое самостоятельное путешествие будущий писатель предпринял очень рано: в одиннадцатилетнем возрасте.

Летним утром 1839 года, сложив в маленький парусиновый мешок немного одежды, несколько книг и две пригоршни сухарей — «настоящих морских галет», — Жюль прокрался через спящий дом и кружным путем выбрался на большую дорогу. У харчевни, под названием «Человек, приносящий три несчастья», уже толпились бородатые рыбаки, матросы в полосатых фуфайках, морские офицеры в мундирах и фуражках с золотым шитьем. Несколько часов подряд юный мечтатель, теребя фуражку, предлагал свои услуги боцманам и офицерам, шкиперам и командирам. Мальчик был коренаст и хорошо знал морской жаргон. Поэтому капитан

Кур-Гранмезон, шкипер трехмачтовой шхуны «Корали», критически осмотрев смелого подростка, наконец кивнул головой и молча указал трубкой на свой корабль, стоявший невдалеке от берега.

Шхуна снялась с якоря в полдень, чтобы отплыть в Индию. Исчезновение мальчика заметили дома не сразу. Тем не менее немедленно был снаряжен паровой катер, новинка и гордость Нантского порта, который, чудовищно дымя, помчался вниз по Луаре. Через несколько часов, уже в устье, на пороге океана, корабль был достигнут, и юный путешественник водворен в отчий дом.

Отец будущего писателя готовил своего старшего сына Жюля к профессии адвоката, наследственной в их семье. Софи-Антуанетта Верн, наследница славного рода мореходов и кораблестроителей, хотела сделать Поля, младшего сына, моряком. В 1828 году братья поступили в «Малую семинарию Сен-Донатьен». География и книги, на которые они набросились с необычайной жадностью, открыли перед мальчиками карту огромного мира, который они до сих пор знали лишь по рассказам. Путешествия в дальние страны овладели их воображением.

В 1844 году, когда Жюлю исполнилось шестнадцать лет, а Полю пятнадцать, братья поступили в Нантский королевский лицей. Систематический ум и превосходная память позволили старшему брату очень скоро занять в лицее одно из первых мест. В 1846 году он был удостоен второй премии по риторике, искусству красноречия, для родных и друзей верный признак того, что Жюль твердо и неуклонно идет вперед по пути, намеченному отцом. Через год или два он должен был отправиться в Париж, чтобы завершить там свое образование и занять место в маленькой конторе отца как его помощник и компаньон.

В апреле 1847 года Поль Верн отплыл на шхуне «Лю-тэн» («Домовой») на Антильские острова, в свою первую навигацию. В том же месяце Жюль Верн выехал в Париж держать первый экзамен для получения адвокатского звания. Пироскаф доставил его до Тура, где он пересел на поезд. В те годы железная дорога еще не доходила до Нанта. Юноше было девятнадцать лет; он первый раз в жизни покидал родной город.

Что ждало Жюль Верна в Париже? Об этом он не мог не думать, раскачиваясь в полудреме на неудобной скамейке крохотного вагончика, похожего на дилижанс, поставленный на рельсы. За окнами бежали тучные поля, пышные зеленые рощи, вдали синели холмы с мягкими очертаниями и, как серебро, сверкали светлые реки Турени, Орлеанэ, Иль-де-Франса. Это было сердце Франции — той Франции, которую он так любил и... так мало знал.

Юность Жюль Верна совпала с удивительной эпохой — Сорок восьмым годом, годом первого в мире восстания пролетариата и национальных революций во многих странах Европы. Это был рубеж великого века, ставшего непосредственным предшественником нашего времени. Пока юный Жюль Верн нараспев читал стихи своих любимых писателей — Корнеля, Расина, Мольера — или мечтал, склонившись над географическими картами далеких стран, вокруг него зрела революция, бушевала Франция — молодая, борющаяся, яростная, но... еще не понятая мечтателем из Нанта. Ведь для того чтобы понять, нужно было раньше увидеть и узнать свою страну.

Воспитанный в маленьком мирке острова Фейдо и провинциального Нанта, сын строгого монархиста и ревностной католички, молодой Жюль Верн ничего не знал о великой революции, которая потрясла мир несколько десятков лет назад и чье эхо еще звучало во Франции. Да и откуда он мог что-либо узнать о революции 1789 года? Об этом молчали его воспитатели и учителя, об этом ничего не говорили его учебники, об этом не принято было упоминать в кругу его семьи.

...Юному мечтателю открылся Париж, казалось, живущий только вчерашним днем, навеки застывший в своем ветхом величии. Таким, по крайней мере, его увидел Жюль Верн за короткие пятнадцать дней своей столичной жизни.

Жюль Верн, занятый экзаменами, не успел даже осмотреть город. В памяти остался лишь туман, обволакивающий остроконечные кровли домов с высокими фронтонами и башнями, вросшие друг в друга крыши,

ажурные решетки, увитые плющом балконы, позеленевшие статуи в нишах, таинственные изображения на гербах... Все это дышало прошлым, которое молодому Жюлю Верну казалось таким живым, таким могущественным! Мог ли он подумать, что королевская Франция доживает свой последний год?..

В феврале 1848 года весь Нант был потрясен известиями из Парижа: на улицах столицы баррикады, король бежал в Англию, во Франции провозглашена республика!

С лихорадочным возбуждением юноша следил за событиями этого великого года—по доходящим в Нант столичным газетам, по слухам, по рассказам приезжающих из Парижа. Все, что узнавал он, было смутно и неопределенно и не умещалось сразу в его сознании.

Он приехал в новый, республиканский Париж в ноябре, в день торжественного провозглашения республиканской конституции. Но это не была конституция французского народа: еще в июне буржуазия расправилась с восставшим парижским пролетариатом. Гражданская война была жестокой. Рабочие Парижа с величайшим мужеством в течение пяти дней дрались на улицах столицы, но восстание народа было подавлено буржуазией со свирепой жестокостью: не считая убитых на баррикадах, было предано безжалостному избиению три тысячи пленных. Молодой Жюль Верн ничего этого не знал.

В первые же дни пребывания в Париже юноша буквально набросился на газеты, журналы и памфлеты великого революционного года, чтобы восстановить всю его историю, весь путь революции, лишь эхо которой доносилось в родной ему Нант. И события, о которых он не знал, заново прошли перед его глазами.

...22 февраля возмущенное и доведенное до отчаяния политикой королевского правительства парижское население вышло на улицы, могучая демонстрация народа прошла по городу. К вечеру на некоторых окраинах, где ютились рабочие и ремесленники, стихийно выросли баррикады.

Но даже и тогда король Луи-Филипп, лицо которого было похоже на сгнившую грушу, а карикатуристы изображали его не иначе, как в нижнем белье и с боль-

шим зонтиком,— даже тогда король не понял; что это не мятеж группы недовольных, а восстание французского народа против ненавистного ему королевского правительства.

— Вы называете баррикадами опрокинутый кабриолет? — иронически спросил он своего министра полиции.

Но это не был мятеж, это была революция. 23 февраля в Сент-Антуанском предместье, населенном рабочим людом, прогремели первые выстрелы: на провокационный выстрел человека, оставшегося неизвестным, королевские солдаты ответили залпом. И этот залп опрокинул французскую монархию.

На парижскую мостовую пролилась первая кровь: пять парижан пожертвовали жизнью за торжество республики.

Трупы были подняты на телегу. Она медленно двинулась по бульварам при свете факелов. На телеге стоял рабочий; он показывал на труп молодой женщины, залитый кровью, и кричал:

— Мщение! Убивают народ!

— К оружию! — грозно отвечала толпа.

Над Парижем, как грозное облако, висел набат, зовущий строить баррикады. Улицы были перекопаны и усыпаны битым стеклом. Неумолчный барабанный бой призывал всех к оружию...

...После бегства короля народ ворвался во дворец. Двое рабочих сели на трон, на спинке которого чья-то рука вывела надпись: «Парижский народ ко всей Европе: свобода, равенство, братство. 24 февраля 1848 года»

Затем трон вынесли на улицу. Торжествующая толпа пронесла его по всему городу, на каждой баррикаде организовывался летучий митинг, причем трон павшего короля превращался в трибуну народных ораторов. Потом трон был сожжен под ликующие клики толпы, пляшущей карманьолу.

Свобода, равенство, братство! Молодому Жюлю Верну казалось, что эти слова имеют магическую силу: достаточно провозгласить их, чтобы мгновенно исчезли ненавистные королевские троны, сословия, церковь, голодные получили хлеб, безработные — работу, чтобы бесследно пропали нищета и эксплуатация человека человеком.

Разве не введена всеобщая подача голосов? Разве не уничтожено рабство во французских колониях? Разве не французская революция послужила примером для восстания других народов — немцев, итальянцев, поляков?

Но как со всем этим вязалось второе восстание парижского пролетариата в июльские дни и кровь народа, пролитая республиканским правительством, Жюль Верн не мог понять.

3

Вселенная будущего писателя расширялась очень медленно. Сначала это был маленький остров Фейдо, потом — Нант и его окрестности. Должно было пройти немало лет, пока горизонт Жюль Верна охватил Париж, Францию, весь мир, прошлое и будущее. А в первые годы своего ученичества (ведь для того, чтобы стать писателем, недостаточно одного таланта) — в эти первые годы Жюль Верн был всего-навсего молодым провинциалом, с жадно раскрытыми глазами прибывшим завоевать Париж.

По приезде он с товарищем из Нанта, Иньяром, поселился на левом берегу Сены. Из окна маленькой комнатки, обстановку которой составляли допотопная кровать, стол, два стула и комод, открывался вид на городские крыши и великое разнообразие печных труб.

В этом районе, на Левом берегу, как называют его парижане, человека с воображением легко может охватить иллюзия, что он живет в большом приморском городе. Шумные кофейни, угловые здания с острыми фасадами, похожими на носы кораблей, в вечерние часы — туман и людские толпы на улицах. Иногда ветер доносит пронзительный вой сирены и влажное дыхание Сены. Для молодого провинциала это был иной, не королевский Париж, но город, живущий идеями великого Сорок восьмого года.

Жизнь, кипевшая вокруг, казалась Жюлю смутной и неопределенной. Борьба партий для его незрелого ума была хаосом, лепетавшим в уши невнятные слова, из которых лишь слово «свобода» казалось ясным и простым.

...Мысль стать писателем созрела у юноши давно — с тех пор, когда он, сидя в библиотеке на площади Пиллори в Нанте, писал при свечах длиннейшие поэмы, которые друзья именовали «торжественной замазкой», или когда он каждый вечер украдкой исчезал из дому, чтобы посмотреть спектакль кукольного «Театра Рикики». И первое, что он хотел сделать по прибытии в Париж, — встретиться с кумирами своей юности: Виктором Гюго и Александром Дюма.

Великий Гюго той зимой жил в доме № 37 на улице де ля Тур д'Овернь, идущей вверх по высокому откосу, поднимающемуся над бульваром Бон Нувель. Когда в назначенный день Жюль, одетый в свои воскресные брюки и лучший сюртук соседа по комнате и вооруженный взятой взаймы дядиной тростью с серебряным набалдашником, поднимался в гору, его сердце трепетало, он был испуган и счастлив. Дверь открылась. Он ожидал увидеть огромный салон, переполненный людьми. Но перед ним была небольшая гостиная, отделанная в мавританском стиле, с широкими окнами, выходящими на Сену. У одного из окон стоял Виктор Гюго, рядом с ним — мадам Гюго. Немного поодаль красовался в ярком жилете поэт Теофиль Готье — знаменосец «священного батальона» французских романтиков.

Хозяин был величественно любезен: «Садитесь, поговорим о Париже». Только позже Жюль узнал, что эта фраза, особенно запомнившаяся ему, была лишь формулой, с которой Гюго обращался к посетителям, когда не знал, о чем с ними говорить. А знал ли юноша, что сказать полубогу? Мог ли он, начинающий провинциальный поэт, нигде не печатавшийся, рассказать о своих мечтах, о литературных планах? Или прочитать свои стихи, которые даже друзья называли «торжественной замазкой»?..

Дюма был вторым человеком в Париже, которого Жюль Верн мечтал увидеть. В одном литературном салоне Жюль встретился с кавалером д'Арпантиньи, хиромантом, прославленным во всем аристократическом Париже, любимцем Дюма. «Александр Великий» — так звали восторженные поклонники автора «Трех мушкетеров» — увлекался хиромантией, графологией, медиумами и верчением столов, как называли парижане спиритизм. «Кавалер» охотно согласился захватить с собой

молодого студента, когда в следующий раз поедет в Сен-Жермен.

На этот раз Жюль не испытал разочарования, как при встрече с Гюго. Даже сама внешность Дюма как бы свидетельствовала о том, что он человек необыкновенный.

Перед молодым провинциалом стоял сказочный великан с курчавыми волосами и лицом бегемота, где человеческими были лишь маленькие глазки — светлые, хитрые и зоркие. В его бесконечных рассказах воскресала тысячелетняя история Франции и возникала созданная воображением писателя целая Вселенная, в которой он смело вел в бой за справедливость и славу родины тысячи людей.

Жюль Верн навсегда запомнил владельца замка «Монте-Кристо» именно таким, каким увидел его в первый раз: руководителем и вождем всех своих героев и повелителем слов. Приехавший только с визитом, Жюль Верн с трудом вырвался от гостеприимного хозяина лишь через несколько дней. За эти дни он завязал много новых интересных знакомств и подружился с сыном писателя — молодым Александром Дюма.

17 февраля 1849 года Исторический театр Дюма снова открылся спектаклем «Юность мушкетеров». Александр Дюма пригласил Жюля Верна, который эту зиму не раз побывал в фантастическом доме в Сен-Жермене, в свою ложу. Молодой человек был в восторге: рядом с ним сидели поэт Теофиль Готье, критик Жюль Жанен, журналист Жирарден. Молодой Александр Дюма показывал сидящих в партере знаменитостей: политических деятелей, писателей, критиков, актеров. Жюль чувствовал себя настоящим парижанином.

4

Сдав свой последний экзамен и получив ученую степень лиценциата прав, Жюль Верн, однако, не возвратился в Нант, чтобы занять место компаньона своего отца в маленькой адвокатской конторе на набережной Жан Бар.

«Судьба меня приковала к Парижу,— писал Жюль

Верн в Нант.— Впоследствии я смогу стать хорошим литератором, но никогда не сделаюсь ничем, кроме плохого адвоката... Единственная карьера, которая меня увлекает и к которой я стремлюсь,— литература».

В ответном письме Пьер Верн выражал свою любовь и понимание и соглашался с тем, что его сын должен иметь свою собственную судьбу и... собственные доходы.

Юноша перестал получать те сто франков, которые до сих пор ежемесячно высылал ему отец. Он остался без поддержки, совершенно одиноким.

Молодой Верн начал свою первую самостоятельную службу сверхштатным писцом в конторе некоего Гимара. Он должен был являться в нее в семь утра и покидать лишь в девять вечера. Вдобавок контора помещалась вблизи Биржи, на правом берегу Сены, и Жюль приходилось каждое утро и каждый вечер пересекать почти весь Париж—то в часы рассвета, то в ореоле газовых фонарей. Вознаграждение сверхштатного писца равнялось шестистам франкам в год и по закону не могло быть увеличено в ближайшие восемнадцать месяцев.

Шестьсот франков в год, пятьдесят франков в месяц,— всего лишь половина студенческой ренты, которую посылал отец! Этого не хватало даже на обед. Но и это было бы пустяком, и не для того Жюль переменял судьбу компаньона мэтра Пьера Верна в Нанте на положение скромного писца в Париже, чтобы жаловаться на лишения. Самое худшее состояло в том, что на литературу, ради которой он отказался от тихого довольства провинциального адвоката, не оставалось времени! Очень скоро Жюль отказался от своей скромной службы писца, променяв ее на нищету интеллигентного пролетария.

В эти годы он очень много писал. Из-под его пера появлялись торжественные трагедии, написанные классическим александрийским стихом, почти обязательным во французской литературе, веселые комедии, фарсы, сценарии оперетт. Далеко не все его произведения проникали на сцену, и молодой писатель влачил полуголодное существование. После государственного переворота, который совершил президент республики принц Луи Бонапарт, ставший императором Наполеоном III, Жюль Верн снова был вынужден поступить на службу. Он стал

секретарем Лирического театра, где проработал три года. В 1857 году, после женитьбы, устроился мелким служащим на Парижскую биржу — сделался «финансистом», шутили друзья.

Но все же эта едва обеспеченная, а иногда и голодная жизнь была счастливой и наполненной до краев. Первые годы по воскресеньям Жюль Верн встречался со своими друзьями на веселых пирушках «одиннадцати холостяков», как именовали эти сборища сами участники: молодые поэты, музыканты, художники. В его маленькой квартирке на бульваре Бон Нувель постоянно появлялись новые знакомые: ученые, путешественники, изобретатели. И, кроме того, он ухитрялся находить время для работы в читальном зале Национальной библиотеки, посещать музеи и выставки. Он сумел стать одним из самых образованных людей своего времени.

В эти годы было написано и напечатано пять рассказов: «Первые корабли Мексиканского флота», «Путешествие на баллоне» (позже автор переименовал его в «Драму в воздухе»), «Мейстер Захариус» — фантастическая средневековая легенда о безумном женевском часовщике, продавшем душу дьяволу, «Зимовка во льдах» и, наконец, «Мартин Пас» — из жизни южноамериканских пастухов-индейцев. В них уже были видны зародыши и полусформировавшиеся образы того собственного стиля, что позже так пышно расцвел во всемирно прославленной серии «Необыкновенных путешествий»; как далекий замысел, в мучительном труде она уже создавалась в его воображении.

И, наконец, была еще одна неистребимая страсть — путешествия.

Первое путешествие Жюль Верна в Индию, предпринятое им в возрасте одиннадцати лет, закончилось, как мы знаем, весьма плачевно. Но второе — на север, — совершенное через двадцать лет, оставило глубокий след в его биографии.

Конторский писец, каким он был в то время, и одновременно начинающий писатель, он совершил на грузовом пароходе рейс по маршруту: Сен-Назер, Ливерпуль, Гебридские острова, Эдинбург, Лондон, Сен-Назер. Это плавание по трем морям, через три пролива, вокруг всего Великобританского острова, было настоящим морским

крещением Жюля Верна. Впервые он увидел океан с палубы настоящего корабля!

Бурное Бискайское море было по-летнему великолепным. Жюль Верн больше половины времени проводил не на палубе, но внизу, с командой. Он задавал офицерам и матросам один вопрос за другим. В какое время года бывают бури на Ламанше? Плавал ли кто-нибудь из экипажа в открытом океане? А в Арктике? Нападают ли киты на большие суда? Узнав, что одному седобородому матросу «посчастливилось» потерпеть кораблекрушение, Жюль весь день ходил за ним с карандашом и записной книжкой. Где это произошло? От какой причины погиб корабль? Каким образом людям удалось достигнуть земли? О чем думаешь, когда считаешь гибель неизбежной?..

Когда Жюль Верн вернулся из путешествия, его записная книжка была переполнена заметками и очерками. Больше всего его поразили лондонские доки, верфи Темзы и строящийся там корабль «Грейт Истерн» — величайшее в то время судно мира. «Когда-нибудь я совершу путешествие на нем», — написал он жене из Лондона.

Через три года ему удалось совершить еще более романтическое путешествие вместе со своим неизменным другом композитором Иньяром. Молодые люди по протекции устроились бесплатными пассажирами на маленький угольщик, на котором была одна незанятая каюта. Корабль отправлялся в плавание на целых три месяца. Он должен был посетить множество мелких портов Норвегии, Швеции и Дании.

Скандинавские страны всегда привлекали Жюля Верна. Он любил читать о плаваниях норманнов, побывавших в Северной Америке за пять столетий до Колумба, интересовался географией Севера, когда-то мечтал о плавании к Северному полюсу. И, несмотря на то что его жена ждала ребенка, он принял заманчивое предложение.

15 июня маленькое суденышко, казалось, до самых верхушек мачт нагруженное углем, отплыло из Сен-Назера. Как зачарованные, друзья любовались берегами Скандинавии, изрезанными глубокими фиордами, восхищались холодными островами, омываемыми печальным морем. Невольно в воображении вставала Исландия,

остров огня и льда, родина первых открывателей Америки... Подножия гор, выбегающих к самому берегу, были подернуты мягкой дымкой зелени: потемнее там, где сосны и ели, и серовато-зеленого цвета там, где березы. Дома каждой деревни были выкрашены в какую-нибудь одну краску: зеленую, розовую, желтую, ярко-красную. Крыши из березовой дранки, проложенной дерном, цвели, как крошечные луга... Это был Телемарк, захолустье Норвегии, но для Жюля Верна этот край был как бы всем миром, увиденным через «бэконовский кристалл» — волшебное стекло, о котором мечтали средневековые алхимики, где можно сразу видеть весь мир — чудесный и малый, как драгоценность. Здесь были горы и глетчеры, как в Швейцарии, грандиозные водопады, как в Америке, крестьяне одеты в национальные костюмы былых веков, как в Голландии... И как бы ни мелькали эти пестрые картины, всегда неизменным оставалось море, которое гудело, и ревело, и лизало борта корабля.

Но, пожалуй, самым главным событием в жизни Жюля Верна в эти годы, определившим его мировоззрение и весь дальнейший творческий путь, было появление на его письменном столе книг социалистов-утопистов: Сен-Симона, Фурье и Кабе, и знакомство с теми, кто позже стал руководителями и участниками первого в мире пролетарского государства — Парижской коммуны.

5

Как часто биограф, замечающий только мелочи, выискивающий только факты и не видящий великого труда писателя, собравший, казалось бы, все крохи, оставшиеся от жизненного пира знаменитого человека, останавливается в недоумении перед рождением шедевра, перед подвигом ума, похожим на ослепительную вспышку никем не ожидаемого взрыва! До этого где-то под землей тлел бикфордов шнур, таился взведенный на боевую готовность взрыватель, но кто теперь по их обугленным останкам, разлетевшимся, как брызги, восстановит всю историю этого события!

Разве мало мальчиков, родившихся на острове Фейдо, бродили в детстве по Кэ де ля Фосс, мечтали о море и

дальних странствований, а затем уезжали в Париж изучать юриспруденцию? Но Жюлем Верном, мечтателем и путешественником в неизвестное, стал только один.

А между тем достаточно было бы обратиться от личных писем и дневников Жюля Верна к газетам и политическим памфлетам его времени, чтобы перед нами сразу раскрылась иная, высшая реальность — огромный и тревожный мир, в котором жил писатель Жюль Верн. Эта биография, полная движения и скрытой жизни, для нас важнее всего, так как именно она вошла как составная часть в сто томов его сочинений.

Подлинную биографию Жюля Верна нужно начинать с 1848 года, с его второго приезда в Париж. В этот год Париж господствовал над Францией, а Франция возвышалась над Европой и всем миром. Голос Парижа звучал во всех углах земного шара. Парижское восстание нашло себе отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина, — вся Европа вплоть до русской границы была вовлечена в движение. И для зоркого наблюдателя не могло быть сомнения в том, что началась великая решительная борьба, которая должна была составить один длинный и богатый событиями революционный период, могущий найти завершение лишь в окончательной победе народа.

Жюль Верн стоял на самом ветру эпохи. Но был ли он таким зорким наблюдателем? Будем к нему справедливы и не станем награждать его врожденной гениальностью политического мыслителя. Для юноши двадцати лет, провинциала, впервые попавшего в Париж, естественно быть полным иллюзий и рассчитывать на скорую и окончательную победу «народа» над «угнетателями». Кто в его представлении были эти угнетатели? Король, аристократия, церковь. А народ? Все остальные...

Столетие, прошедшее над Францией после революции Сорок восьмого, было заполнено жестокой борьбой антагонистических сил, которые таились как раз в этом самом «народе»: буржуазии, крестьянах, ремесленниках, рабочих. Но Жюль Верн всю жизнь не хотел этого видеть. Весна его, его молодость удивительно совпала с пробуждением его родной страны. Пусть революция раздавлена, затоплена в крови, — он мог сказать: «Я дышал воздухом республики, она была возможна!»

То было время быстрого развития промышленности, расцвета техники. Еще недавно, в 1838 году, первый пароход пересек Атлантику, и то проделав часть пути под парусами, а в шестидесятые годы железные паровые суда установили регулярные рейсы, соединяющие Францию со всем светом, и гигантский «Грейт Истерн», 19 тысяч тонн водоизмещением, проложил первый телеграфный кабель между Европой и Америкой.

Жюль Верн в 1848 году приехал в Париж на почтовых лошадях, а через пятнадцать лет в Лондоне появился первый метрополитен и сквозь горный проход Мон-Сенис была начата прокладка туннеля, соединяющего Францию с Италией.

Открытие в 1831 году Фарадеем электромагнитной индукции стало для электротехники началом новой эры. Все глубже опускались еще неуклюжие подводные лодки, и все выше поднимались аэростаты, движением которых в воздухе пытались управлять их изобретатели.

В 1881 году «русский свет» инженера Яблочкова залил всю территорию Парижской всемирной выставки. Это было целое море света — почти полмиллиона электрических свечей, больше, чем во всем остальном Париже со всеми его восковыми, сальными и стеариновыми свечами, керосиновыми лампами и газовыми фонарями.

И, наконец, сами машины — грандиозные паровые молоты, гидравлические прессы, мощные токарные станки — стали производиться при помощи машин. Наступила последняя фаза промышленного переворота.

Все это создало питательную почву для бурного взлета науки, которая во второй половине XIX века переживала удивительно счастливый период своего развития. Это был период великих побед не только частных теорий, но и могучего синтеза, начавшего объединять воедино разрозненные прежде науки.

Майер, Джоуль, Гельмгольц завершили доказательство всемирного закона сохранения энергии, впервые высказанного еще Ломоносовым. Бертоло окончательно изгнал из химии понятие жизненной силы. Менделеев обосновал единство всех химических элементов. Пастер опроверг теорию самозарождения. Дарвин воздвиг гигантское здание теории эволюции и посягнул на божественное происхождение человека.

Наука в эти годы вооружила человечество возможностью видеть будущее. Леверье «на кончике пера», сидя за столом и вычисляя, открыл новую планету Нептун, невидимую простым глазом. Менделеев с поразительной точностью описал свойства еще не найденных элементов. Гамильтон чисто математическим путем обнаружил существование конической рефракции, открытой значительно позже. Максвелл на языке дифференциальных уравнений предсказал существование и свойства электромагнитных волн, обнаруженных лишь после его смерти... И Жюль Верну казалось, что весь облик грядущих дней можно увидеть сквозь волшебную призму науки!

Знаменитый художник-фотограф, журналист, авиатор Надар, ставший в эти годы близким другом Жюль Верна, незадолго до этого был секретарем Фердинанда Лессепса, знаменитого строителя Суэцкого канала. Лессепс был страстным последователем Сен-Симона, и его взгляды разделял и Надар. Сен-симонистом был и второй друг писателя, композитор Алеви. Они-то и ввели молодого неопита в светлый мир утопического социализма.

Неизгладимое впечатление на Жюль Верна произвели идеи Сен-Симона. Вероятно, от него писатель заимствовал великую веру в науку, способную, как ему казалось, изменить весь политический строй человечества.

Фурье открыл писателю радость творческого труда, освобожденного от принуждения и эксплуатации и воедино слитого с творческой мыслью. Роберт Оуэн, отправившийся за океан, чтобы основать там социалистическую колонию, стал для Жюль Верна прототипом его будущих героев.

Но политические идеи Жюль Верна не были зрелыми и четкими: он был писатель, а не политический мыслитель, и художественный образ действовал на него сильнее, чем отвлеченная идея. Поэтому наибольшее впечатление произвела на него книга Кабе «Путешествие в Икарию».

В ней перед писателем предстало светлое видение будущего мира, свободного не только от политического, но и от экономического угнетения.

В сложной политической обстановке того времени Жюль Верн обрел свой светоч в лице науки: в ней он нашел ту романтику, которой ему не хватало в окружаю-

щей его жизни, в ней он нашел содержание и своей собственной жизни.

Так он пришел к той Франции, к которой стремился, но которой до этого не знал.

Местом, где встретились две Франции — Наполеона Малого и французского народа, — была Всемирная выставка 1855 года — великий праздник человеческого труда...

Это было какое-то государство машин, страна, населенная тысячами механизмов. Гремели паровые молоты, жужжали веретена текстильных машин, работали токарные станки, вертелись исполинские мельницы, тяжело дышали медлительные и шумные насосы, пыхтели трудолюбивые локомобили. Паровые автомобили, паровозы-великаны, готовые ринуться в путь по всем дорогам и путям земного шара, говорили, казалось, о полной победе над природой. Гигантские паровые машины бились, как металлические сердца, дающие жизнь современной промышленности, душой которой был пар.

Много лет назад, еще при посещении местечка Эндре, где он впервые увидел заводы, маленького мальчика поразила бездушная мощь паровых механизмов. Теперь Жюль Верн видел воочию, что с помощью этих слуг человек может стать великаном, шагать через моря, пробивать дороги сквозь горы и прокладывать пути через пустыни. Но пар вдруг показался ему детской романтикой перед другим миром, заманчивым и таинственным. Это были несовершенные проекты газовых двигателей, мечты о применении недавно открытого керосина, грубые чертежи фантастических летательных машин тяжелее воздуха и удивительные электрические приборы и механизмы. Жюлю Верну казалось, что в этих смутных набросках он может прочесть будущее человечества: здесь спала та волшебная куколка, что обещала вылететь когда-нибудь ослепительной бабочкой, способной подняться до самых звезд...

Идея романа нового типа, «романа о науке», как сам Жюль Верн называл его в письмах к отцу, вынашивалась очень долго. Молодой писатель не раз делился

своими мечтами с Александром Дюма-отцом, который нашел замысел Жюль Верна «необъятным». Действительно, мечта была грандиозной: подобно тому как сам Дюма взял материалом для своих романов почти всю историю Франции, так Жюль Верн намеревался взять в свое владение громадный материал науки—в ее прошлом, настоящем и в предстоящих ей открытиях. Он хотел соединить воедино науку и искусство, технику и литературу, найти реальность в фантастике, одухотворить новый жанр небывалыми героями.

Долгожданный день наконец настал: 1 января 1863 года роман «Пять недель на воздушном шаре» как новогодний подарок появился на прилавках книжных магазинов Парижа и провинции.

Первое впечатление читающей Франции? Изумление. Успех? Да, это был настоящий успех и даже нечто большее, непохожее на удачу обычного литературного произведения.

Дело в том, что в этой книге Жюль Верн напал на тему, волновавшую в то время весь читающий мир, вернее, на две темы: писатель смело объединил и облек в художественную форму две важнейшие научные проблемы — управляемое воздухоплавание и исследование Центральной Африки.

Серьезным тоном Жюль Верн рассказал читателям о том, что втайне от всех Лондонским географическим обществом была организована под руководством доктора Фергюсона воздушная экспедиция на управляемом аэростате «Виктория», которая проникла в неисследованные районы Африки и, пересекши весь материк, достигла Атлантического океана.

В те годы таинственная пелена, многие тысячелетия покрывавшая Черную Африку, казалось, начала рассеиваться.

Одна за другой отправлялись научные экспедиции, стремящиеся, преодолев пустыни, тропические леса с хищными зверями, проникнуть в сердце материка, где находились никому не ведомые истоки Нила.

Многоводный Нил был колыбелью одной из величайших цивилизаций древности. Но его истоки терялись далеко на юге, куда не могли проникнуть египтяне. И вопрос о том, откуда Нил берет свои воды, оставался в те

чение нескольких тысячелетий предметом бесплодных размышлений и туманных догадок.

Древнегреческий историк Геродот, который в V веке до нашей эры поднимался вверх по Нилу до его первых порогов, считал, что Нил начинается далеко на западе, где-то в области озера Чад. Александрийский ученый Эратосфен через два века после Геродота рассказывал о двух озерах близ экватора, питающих великую реку. Спустя еще два столетия Птолемей приводил рассказ о том, что воды Нила вытекают из озера, лежащего на западе, что они двадцать пять дней текут под землей и выходят на поверхность только в Египте. Арабы, завладевшие в средние века всей Северной Африкой, утверждали, что Нил падает с неба: «истоки его — в раю»...

Во второй половине XIX века европейцы начали длинное «открытие Африки»: развивалась европейская промышленность и нужны были новые рынки и новые источники сырья. Если на первую половину столетия падает всего двадцать одно путешествие европейцев в Африку, то во второй половине состоялись двести две экспедиции. В неисследованную и никем еще не завоеванную часть света устремились колонизаторы, торговцы, миссионеры, авантюристы, но среди путешественников были и ученые, бескорыстно преданные интересам науки.

В 1849—1854 годах к истокам Нила пытался проникнуть доктор Генрих Барт, первый настоящий ученый, посетивший дебри Африки. Он шел с севера. С юга, навстречу ему, в 1854 году вышел доктор Давид Ливингстон. С востока, имея опорной базой Занзибар, в 1857 году отправилась экспедиция Лондонского географического общества, во главе которой стояли Ричард Бартон и Джон Спик. На скрещении путей этих трех экспедиций лежала неведомая страна, где не бывал ни один европеец,—сердце Африки с таинственными истоками Нила. Но ни одной экспедиции не удалось достигнуть желанной цели — трудности были слишком велики: спутники Барта умерли в пути, а сам он едва не был убит враждебными туземцами; силы Ливингстона истощили тропическая лихорадка и цинга; Бартон и Спик страдали от голода, жажды и едва не ослепли от болезни глаз.

Доктор Фергюсон, герой Жюль Верна, вместе с двумя спутниками совершил за несколько недель то, на что его действительным предшественникам потребовалось много лет мучительного труда. Его экспедиция отправилась из Занзибара 18 апреля 1862 года, 23 апреля была у истоков Нила, а 24 мая, пересекши всю Африку, достигла французских владений на реке Сенегале.

Это, конечно, была фантастика, но не уводящая читателя в отдаленное будущее или на другие планеты, а фантастика научная, реалистическая мечта того самого дня, когда вышла в свет книга «Пять недель на воздушном шаре».

В описании Африки Жюль Верн следовал запискам путешественников, в описании воздушного шара «Виктория» и его эволюций — истории воздухоплавания, которую хорошо знал.

Удивительное путешествие оказалось возможным благодаря управляемому воздушному шару — фантастическому изобретению доктора Фергюсона. Мечта писателя воплотилась в жизнь через два десятилетия, когда появились первые управляемые воздушные корабли — дирижабли, могущие летать против ветра.

В годы, когда писался роман Жюль Верна, внимание Франции было приковано к воздухоплаванию. Изобретатель Гюйтен-Морво предложил особые весла и руль для управления воздушными шарами; Петен, для той же цели, — четыре шара, соединенных воедино и снабженных горизонтальными парусами; Анри Жиффар еще в 1852 году показывал парижанам свой «летающий пароход» — продолговатый аэростат с длинной гондолой, снабженный паровой машиной. Но — увы! — ни один аэронавт не мог справиться с ветром. Поэтому, вместо того чтобы бороться с ним, появилась мысль использовать ветер: поднимаясь и опускаясь, отыскивать в атмосфере воздушные потоки нужного направления.

Но как заставить шар подниматься и опускаться, не расходуя газа и не тратя балласта? Менье стремился достигнуть этого, накачивая в оболочку шара сжатый воздух, Ван-Гекке проектировал вертикальные крылья и винты. Но все было безуспешным. Решить эту задачу — в плане фантастики, конечно, — удалось только Жюлю Верну.

Идея его температурного управления воздушным шаром, подробно описанная в романе, чрезвычайно проста и технически совершенно правильна, за исключением лишь одной «мелочи»: разложение воды в нужном количестве потребовало бы таких огромных батарей, которые шар не смог бы поднять в воздух.

Об этом, конечно, хорошо знал сам Жюль Верн. Но это фантастическое допущение ему было нужно для того, чтобы его мечта стала реальностью — хотя бы на страницах романа. А то, что мечта эта имела огромную силу, говорит биография К. Э. Циолковского, который, как он сам признавался, заимствовал у Жюля Верна идею температурного управления и применил ее для своего цельнометаллического дирижабля, но, конечно, на базе совсем другой техники, техники XX века.

За исключением фантастической горелки, Жюль Верн в остальном почти не отклонялся от реальной действительности того времени: «Виктория» объемом 3300 кубических метров даже меньше, чем «Гигант» объемом 6000 кубических метров, который строил в то время Надар.

Географическая фантастика Жюля Верна обогнала реальную жизнь лишь на один год. В 1863 году Спик и Грант, вышедшие из Занзибара в конце 1860 года, достигли того места, где Нил вытекает из озера Виктория, образуя ряд водопадов — совсем так, как это описано в романе. Однако позже выяснилось, что это не настоящие истоки Нила: подлинной родоначальницей великой реки оказалась речка Кагера, открытая и исследованная Генри Стенли в 1875 году.

Окончательно проблему водораздела главных африканских рек — Нила, Конго и Нигера — решил русский путешественник В. В. Юнкер, пробывший в Восточном Судане, над которым пролетели герон Жюля Верна, в общей сложности десять лет — с 1875 года, когда он отправился в свою первую экспедицию, и кончая 1887 годом, когда он прибыл в Петербург, где все друзья Юнкера давно считали его погибшим.

Жюль Верн сумел буквально загипнотизировать своих читателей, заставив их поверить в свою мечту. И не случайно многие были убеждены в реальности этого фантастического путешествия и в существовании доктора

Фергюсона. Под поистине волшебным пером романиста карта Африки ожила на глазах читателей, а подробности ее исследования, казавшиеся в подлинных записках африканских путешественников такими скучными, стали увлекательнейшими подробностями романа.

Нужно было удивительное сочетание фантазии и трудолюбия, чтобы освоить огромный материал, собранный писателем, превратить эти отдельные детали в однородный сплав.

Читатели полюбили этого бескорыстного путешественника за великое изобретение, открывающее перед человечеством новую эру, за смелую мечту, за великую веру в науку, которая, по мнению Жюль Верна, разрешит в будущем все социальные противоречия и даст людям свободу и изобилие.

Образ Фергюсона потому и покорял сердца читателей, что он был первой — пусть робкой — попыткой воплотить черты человека завтрашнего дня...

Но если успеху романа в момент появления способствовала злободневность, то в чем тайна его успеха в наши дни, почти через столетие, когда Африка изрезана железными и автомобильными дорогами и воздушные линии связывают между собой Занзибар и Сенегал — начальный и конечный пункты путешествия воздушного шара «Виктория»?

Успех этот — не только успех одной книги, но победа созданного писателем нового литературного жанра. Впервые в литературе Жюль Верн сумел технические и научные проблемы сделать не только фоном или деталью, но основным материалом и темой произведения. Это — торжество новых героев, впервые введенных в литературу Жюлем Верном.

Что означают слова «тип настоящего путешественника», которыми охарактеризован доктор Фергюсон? Всем романом Жюль Верн отвечает на этот вопрос. Доктор Фергюсон — не купец, не миссионер, не завоеватель и не колонизатор. Он — путешественник-ученый. Он — один из тех бескорыстных героев, что проложили человечеству дороги в суровые неисследованные страны. «Мы не затем сюда отправились», — просто отвечает он на предложения своих спутников нагрузить воздушный корабль слоновой костью и золотом.

В те дни, когда воздушный шар «Виктория» и роман о нем завоевывали мир, Жюль Верну, как и его герою, только что исполнилось тридцать пять лет.

7

О первом романе Жюль Верна из серии «Необыкновенные путешествия» рассказано столь подробно лишь потому, что эта книга открыла собой новое направление в литературе, новый жанр, который сейчас мы называем научной фантастикой.

Но этот роман одновременно был и географическим, открывшим читателям новый огромный мир — Черную Африку, — известный до сих пор читателям не больше, чем повернутая к нам видимая сторона Луны. Это была новая Вселенная — и для самого писателя, и для французских читателей, и для молодежи всего мира: юношей и девушек, раскрывавших книги Жюль Верна, как распахивают дверь в завтрашний день.

Словно какая-то волшебная сила владела его пером. За четыре года он опубликовал четыре первоклассных романа: «Пять недель на воздушном шаре», «Путешествие к центру Земли», «Приключения капитана Гаттераса» и «От Земли до Луны»; четыре путешествия: в дебри неисследованного материка, в недоступные недра нашей планеты, в ледяные пустыни Арктики, к еще не открытому полюсу, и в ужасную бездну космоса.

В эти годы смутные и неопределенные мечты о грядущем освобождении человечества связывались в уме Жюль Верна с образом ученого, изобретателя или инженера, человека-творца, подчиняющего природу. Такого строителя близкого будущего писатель и стремился изобразить в своих первых произведениях.

Бескорыстный открыватель тайн Черного материка доктор Фергюсон, капитан Гаттерас, посвятивший все свои помыслы, самую жизнь одной мечте — достижению полюса, доктор Клаубонни, спутник Гаттераса, полный веры в науку и бесконечное могущество человека, профессор Лиденброк, без страха отправляющийся к центру Земли, чтобы проверить свои научные теории, Барбикен, Николь, Масто́н — герои романа «От Земли до Луны»,

в прошлом участники войны за освобождение негров, с энтузиазмом превращающие смертоносную артиллерию в орудие науки, в средство для завоевания космоса, и, наконец, лишенный страха Мишель Ардан — вся эта галерея героев определила успех первых романов французского писателя.

Муза Жюль Верна с простертыми вперед руками, как Самофракийская победа, уже летела над городами Франции и над другими странами и материками. Но не стояло и время: оно двигалось вперед и несло писателя на своем гребне.

Во второй половине шестидесятых годов во Франции повеяло новым ветром. Сильный рост общественной оппозиции, активизация борьбы рабочего класса, развитие революционного движения создали опору для писателей-демократов и возможность смело высказывать свои заветные освободительные идеи.

Это не могло не отразиться на творчестве Жюль Верна, живо интересовавшегося общественной жизнью своей страны и внимательно следившего за освободительными движениями в других странах.

В эти годы прекращается вынужденное одиночество, на которое он сам себя обрекал, стремясь убежать от ненавистной ему действительности в иные миры — неисследованную Африку, полярную пустыню, подземный и надзвездный миры. Теперь Жюль Верн уже не скромный служащий биржи, лишь на досуге занимающийся литературой. Теперь он — знаменитый писатель, один из властителей дум молодого поколения. Необыкновенно расширяется круг его знакомств, он впервые воочию сталкивается с той молодой Францией, в которую верил, еще не зная ее.

Он покидает маленькую квартирку в две комнаты на бульваре Бон Нувель. За четыре года он четыре раза меняет адрес — Маджента, Монмартр, Ля Круа Руж, Рю де ля Севр, — пока наконец не оседает в тихом аристократическом пригороде Отейль, в небольшом уютном особняке, где хозяйка дома, Онорина Верн, может наконец устраивать пышные обеды для амьенских знакомых, а сам хозяин — принимать своих новых друзей.

Паскаль Груссе с темными мечтательными глазами и шелковистыми усами, в модных клетчатых панталонах,

оливковым сюртуке, с галстуком, всегда завязанным пышным бантом, стал завсегдатаем в отейльском особняке. Он был очень молод — на двенадцать лет моложе Жюль Верна, — но уже успел завоевать видное место в журналистике. Его пламенные статьи, направленные против всякого рода тирании и защищавшие свободу, часто появлялись в радикальных газетах. Он был фанатически предан идеям Фурье, но утопический социализм, который казался в изложении друзей Жюль Верна — Лессепса, Алеви и даже Надара — далеким видением, в устах Груссе становился воинствующей доктриной сегодняшнего дня. Это был не мир будущего, приходящий неминуемо, как неминуемо наступает новый год, или достигаемый добрым согласием всех, но крепость, которую необходимо завоевать.

Груссе не меньше, чем свободу и грядущий сверкающий мир, любил романтику путешествий и дальних стран и не раз мечтал не только о славе политического деятеля, но и о жизни искателя приключений, полной тревог и опасностей (в те годы он никак не мог предвидеть, какие приключения ему придется пережить на островах Океании). Многие сближало молодого журналиста с писателем, за исключением пристрастия Груссе ко всему таинственному и ужасному, которого никак не разделял Жюль Верн.

Элизе Реклю с кроткими голубыми глазами ребенка и львиной гривой, падающей на воротник, тоже был частым посетителем особняка в Отейле. Выходец из народа, Реклю хорошо понимал душу простых людей разных стран. Он рассказывал о дикой и прекрасной природе Южной Америки, по которой он недавно путешествовал, о великих и грозных явлениях природы — смерчах, ураганах, опустошительных наводнениях, горных лавинах. Но с наибольшей страстью он говорил о так называемых «дикарях», слывущих людоедами, которые радушно принимали одинокого путника, приходящего к ним безо всякого оружия. Элизе Реклю был первым географом, который ввел в эту великую науку человека. Недаром свои поэтически написанные книги он озаглавил «Земля и люди» и «Человек и земля».

Но Элизе Реклю был не только ученым, путешественником и писателем. Он был также фанатиком свободы,

отрицавшим всякую власть. Он страстно ждал всеобщего восстания народов против тиранов и угнетения. Так же как и Груссе, он был связан с революционными кругами французских рабочих, ремесленников, интеллигентов, был членом Интернационала и в годы своей лондонской эмиграции принимал участие в работе его Генерального совета и встречался с Марксом.

В эти же годы Жюль Верн познакомился со скромной учительницей Луизой Мишель. В школе одного из парижских предместий она учила детей бедняков революции — так, как другие учат закону божьему. В ее крохотной квартирке на Монмартре, обставленной более чем со спартанской простотой, словно вечно тлело скрытое пламя, готовое вырваться наружу. Луиза Мишель не была красива — с большим носом, с прямыми, как палки, черными волосами, которые она постоянно забывала причесать. Дурно одетая, с резкими мужскими манерами, она казалась непривлекательной мало знакомым с ней людям. Но когда она говорила о неминуемой очистительной революции, о мести тиранам, о фантастической технике будущего, то в ее расширявшихся серых глазах, занимавших, казалось, все лицо, горело такое пламя, что прозвище «Красная дева», данное ей позже, в дни Коммуны, становилось не только понятным, но и единственно возможным.

На стыке всех этих влияний, на скрещении всех ветров эпохи формировался новый замысел писателя. Это был план огромной трилогии, которой суждено было стать вершиной творчества Жюль Верна. Первые две части — «Дети капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой» — вышли в свет в 1867 и 1870 годах; третья — «Таинственный остров» — в 1874 году.

Герои его первых романов ни на кого не опирались, кроме маленькой кучки единомышленников или друзей. Они предпринимали необыкновенные путешествия на свой страх и риск и были такими же одиночками, как сам Жюль Верн в те годы.

Герои трилогии отличаются существенно новыми чертами. Если это путешественники — они уже остро протестуют против различных форм встречающегося им национального и колониального гнета. В своих скитаниях они видят множество примеров могущества, одаренности

и трудолюбия человека любой нации, с любым цветом кожи и выражают сочувствие его борьбе за свободу.

Если это изобретатели или люди науки, то их творческая деятельность направлена не на достижение счастья человечества в отдаленном будущем, а служит непосредственно насущным задачам трудового человеческого коллектива или делу освобождения угнетенных, борьбе против ненавистного Жюлю Верну колониального гнета, делу свободы.

Свобода! Как часто встречается это слово на страницах книг французского писателя! «Море, музыка и свобода — вот все, что я люблю», — сказал однажды Жюль Верн своему племяннику...

Трилогия открывает новый период в творчестве Жюль Верна. Его корабль из Моря Неизвестности выходит на простор земных океанов. Элементы реализма, которые так отличали романы Жюль Верна от всех других книг этого жанра, крепнут. Отныне вся пестрая жизнь мира бьется в тесных рамках его «Необыкновенных путешествий». На смену одиноким героям приходят целые народы.

Это уже не фантастические миры — заоблачный, подземный и межзвездный, — это та реальная жизнь, что окружала писателя.

8

В маленькой рыбацкой деревушке Ле Кротуа, лежащей в устье Соммы, в пяти километрах от открытого моря и в пятидесяти от Амьена, ранней весной 1866 года появился новый обитатель. Это был статный мужчина небольшого роста, похожий на капитана дальнего плавания, светлоглазый и светловолосый. Вместе с четырехлетним сыном Мишелем незнакомец поселился на самом берегу, в крохотном домике — не больше фургона для перевозки мебели. Из окон этого жилища открывался широкий вид на песчаные дюны, покрытые редкой травой, маленькие лодочки рыбаков, вытасканные на прибрежный песок, и холодное зеркало Ламанша.

Незнакомец очень скоро подружился с двумя рыбаками, пенсионерами французского военного флота. Александр Лелонг, или просто Сандр, бывший боцман, был

участником крымской и итальянской кампаний. Биография Альфреда Берло была более запутанной: по его словам, он объехал весь свет — все известные и неизвестные его части, сражался с дикарями и даже побывал в плену у кананов, которые собирались его съесть...

Новые друзья учили Мишеля ловить креветок и рассказывали его отцу нормандские легенды и старинные матросские небылицы о морском змее. Они показывали ему то место, откуда отправился в свое последнее плавание амьенский инженер Пети, построивший подводный корабль и погибший на нем в 1850 году.

Рыбаки называли свои лодки с открытой кормой и широким корпусом «кузнечиками». Одна из таких шхун стояла на якоре, недалеко от берега, а на рее у нее красовалось объявление: «Продается. Спросить у мсье Рене».

Незнакомец заинтересовался лодкой. Старый Сандр был призван в качестве советчика и консультанта, и после тщательного и придирчивого осмотра и долгой торговли сделка была совершена. С помощью местного плотника — единственного в Ле Кротуа — меньше чем за месяц рыбацья лодка была превращена в некоторое подобие яхты. В честь небесного покровителя нормандских рыбаков суденышко получило имя «Сен Мишель», чему немало радовался маленький сын нового хозяина, и на первой странице судового журнала корабля гордо красовалась надпись: «Судовладелец и капитан — Жюль Верн».

Писатель в это время находился на вершине своей славы. Его герои уже совершили путешествие на воздушном шаре в Центральную Африку, побывали в центре Земли, облетели вокруг Луны. Вместе с капитаном Гаттерасом они открыли Северный полюс и в поисках капитана Гранта объехали вокруг света. Теперь писатель стал капитаном, и, может быть, это звание в иные минуты было для него дороже его литературной славы.

Его корабль представлял собой удивительную смесь яхты и рыбацкой лодки. Если для жителей Ле Кротуа «Сен Мишель» все еще оставался «кузнечиком», то для нового владельца яхты «Сен Мишель» это была реализация многолетней мечты, воплощение грез детства и юности.

Восемь тонн водоизмещения, впереди кубрик — вер-

нее, дыра — для команды, на корме — каюта для капитана и пассажиров высотой и шириной меньше полутора, длиной около двух метров, — разве этого мало для человека с воображением? Правда, обставлена каюта была не слишком роскошно: две лавки с тюфяками из морской травы — сиденья днем и спальные койки ночью, доска на шарнирах, заменяющая письменный стол, и висячий шкаф, где хранились судовой журнал и «корабельная библиотека», состоящая из астрономического альманаха, морских карт и нескольких географических словарей...

В матросском берете и простой блузе из толстого синего сукна или в вязаной фуфайке в ясные дни, в непромокаемом плаще и клеенчатой рыбацкой шляпе в непогоду, «капитан Верн» вел журнал плавания, определял по солнцу местоположение судна и наносил его на карту, следил за «хронометром» и, стоя на крохотном мостике, с достоинством командовал своим экипажем, состоящим все из тех же двух рыбаков — Лелонга и Берло, молчаливо взирающих на мир с флегматичностью истых морских волков.

Очень часто встречаемые корабли первые салютовали маленькому паруснику, храбро пробирающемуся между волнами, а капитаны пакетботов выкрикивали в рупор слова приветия. Эти знаки внимания относились, конечно, не к «Сен Мишелю», а к его владельцу. И капитан Верн неизменно вежливо отвечал им, салютуя своим собственным флагом — трехцветным, со звездой.

Порядок на судне царил образцовый, матросы беспрекословно исполняли приказания своего командира, но лишь до поры до времени. Стоило разразиться шторму, как седой Сандр брал на себя команду, а разжалованный капитан вместе с Берло крепил паруса, тянул снасти, становился у штурвала, подчиняясь всем приказаниям, произносимым хриплым голосом старого морского волка...

Когда наступала осень, писатель с помощью экипажа и местных рыбаков вытаскивал свою яхту на берег и отправлялся в Париж. Но каждую весну он неизменно возвращался в Ле Кротуа.

«Сен Мишель» обычно крейсировал вдоль побережья, от берегов Бретани на юге до северных берегов Франции, заплывая иногда в бельгийские и голландские воды. Из-

редка он даже отваживался пересекать пролив и посещать меловые берега Англии. Однажды во время подобного рейса у устья Темзы мимо них промчалось чудовищное виденье — корабль с пятью трубами и шестью мачтами, знаменитый и несравненный «Грейт Истерн».

Во время этих летних плаваний на любимой яхте Жюль Верн, сидя в своей тесной, похожей на карцер каюте, много работал. Ясными утрами, когда первый луч солнца, пронизывающий толщу океана, окрашивает все в зеленый цвет, прозрачными вечерами, свежими от берегового бриза, короткими летними ночами, украшенными жемчужной лентой Млечного Пути и вышитыми созвездиями, и в долгие дни — одни лишь моряки знают, какими длинными они кажутся, — писателя посещали мечты.

О чем мог он думать, лежа на палубе рядом с маленькой медной пушкой, предметом любви и гордости его сына Мишеля? Что чудилось ему, когда он пристально всматривался в зеленые волны? Видел ли он в глубине моря необыкновенный подводный корабль в ореоле электрического сияния? Проносились ли над его головой чудесные воздушные и межпланетные корабли? Или он рисовал в своем воображении идеальный остров — кому-ну где-то в Тихом океане, или преобразенный мир будущего?

9

«Когда-нибудь я совершу путешествие на нем», — написал Жюль Верн, увидев в Лондоне строящийся корабль «Грейт Истерн». Прошло восемь лет. Он уже был капитаном и судовладельцем, но его мореходный опыт ограничивался лишь прибрежными морями. А мечта о кругосветном путешествии? Она все еще оставалась мечтой.

Но Жюль Верн был упрям и умел ждать. И наконец настал день, когда он отправился в заокеанское плавание — самое большое путешествие в своей жизни, — на самом большом в мире корабле.

27 марта 1867 года в лондонском «Таймсе» появилось следующее сообщение:

«Грейт Истерн» отправился из устья Мерсей в Нью-Йорк вчера в полдень... На борту его находится значи-

тельное число пассажиров, среди которых мистер Сайрес Филд и мистер Уоррен Барбер, директора «Грейт Истерн Стимшип Компани».

Чопорная английская газета считала достойными внимания читателей лишь лиц, занимающих официальное положение. Она не сообщила, что в числе тысячи трехсот пассажиров гигантского корабля был всемирно известный писатель Жюль Верн.

«Грейт Истерн», настоящее чудо техники своего времени, сделал всего лишь двадцать рейсов между Англией и Америкой. Невозможно было набрать на каждый рейс три тысячи пассажиров, составляющих комплект этого огромного плавающего города, и корабль был заброшен. О нем вспомнили только тогда, когда начались неудачи с прокладкой подводного телеграфного кабеля между Старым и Новым Светом. Девять лет инженер Сайрес Филд, главный организатор и вдохновитель работ, терпел неудачи. И тут он подумал о «Грейт Истерн»: лишь он один мог вместить 3400 километров проволоки, весившей 4500 тонн. На корабле были поставлены огромные резервуары с водой, где проволока предохранялась от доступа воздуха, и прямо из этих плавучих озер поступала в океан. В 1866 году кабель наконец был проложен, и президент Соединенных Штатов Эндрью Джонсон послал английской королеве Виктории первую телеграмму с текстом из Евангелия: «Слава в вышних богу, и на земли мир, в человецех благоволение»...

В следующем, 1867 году в связи с открытием новой Всемирной выставки «Грейт Истерн» был переоборудован и отделан с небывалой роскошью; он превратился в плавучий дворец для предполагаемых заокеанских посетителей. Первый его рейс после ремонта превратился в настоящее событие.

В эту зиму Жюль Верн очень много работал. Кроме очередного романа из серии «Необыкновенные путешествия», он взялся за очень крупное предприятие: он должен был закончить огромную «Иллюстрированную географию Франции», которую не успел завершить умерший географ Теофиль Лавалле. Труд был тяжелый, ремесленный, но он сулил в будущем независимость. «Эта дополнительная работа даст Онорине несколько тысяч франков, необходимых для того, чтобы нанять новый дом и

немного приодеться, — писал он отцу, — мне же позволит совершить вместе с Полем путешествие на «Грейт Истерне», о котором я последнее время прожужжал тебе все уши...»

Маленький пароходик, предназначенный для перевозки пассажиров, принял наконец братьев Верн на борт и ровно в семь утра отчалил от берега.

«Грейт Истерн» стоял на якорях почти в трех милях от Ливерпуля вверх по реке — так рассказал об этой памятной встрече Жюль Верн. — С набережной Нью-Принса его не было видно. Только когда мы обогнули берег в том месте, где река делает поворот, он появился перед нами. Казалось, что это был небольшой остров, наполовину окутанный туманом. Сначала мы увидели только носовую часть корабля, но, когда пароход наш повернул, «Грейт Истерн» предстал перед нами во всю свою величину и поразил нас своей громадностью. Около него стояло три или четыре угольщика, которые ссыпали ему свой груз. Перед «Грейт Истерном» эти трехмачтовые суда казались небольшими баржами. Трубы их не доходили даже до первого ряда бортовых отверстий, а брам-стенги не превышали его бортов. Гиганту ничего не стоило взять их в качестве паровых шлюпок. Тендер наш все приближался к «Грейт Истерну» и наконец, подойдя к бакборту корабля, остановился около широкой лестницы, спускавшейся с него. Палуба тендера пришлась в уровень с ватерлинией «Грейт Истерна», на два метра поднимавшейся над водой вследствие его неполной загрузки».

Поль, для которого само путешествие по морю было скучными буднями, ухаживал за красивыми пассажирками, организовывал игры, эксцентрические концерты и танцы с переодеваниями, принимал участие в любительских спектаклях... Жюль же был озабочен поисками среди команды людей, принимавших участие в прокладке кабеля. Он хотел знать все о жизни в морских глубинах, о течениях, проливах и тайфунах. Он добился интервью у самого Сайреса Филда, хотя трудно сказать, кто из двоих больше восхищался своим собеседником: создатель ли «Необыкновенных путешествий» или знаменитый автор «длинного кабеля».

Вечерами писатель отправлялся на «бульвар» — так он шутливо называл палубу, он кичился, что, как истый

парижанин, не мыслит жизни без бульваров, — и, опершись на поручни, глядел на безбрежное море...

«В воздухе чувствовался острый запах морской воды, волны были покрыты пеной, в которой в виде радуги отражались преломленные лучи солнца. Внизу работал винт, разбивая волны своими сверкающими лопастями.

Море казалось беспредельной массой расплавленного изумруда. Бесконечный след корабля, беловатой полосой выделявшийся на поверхности моря, походил на громадную кружевную вуаль, наброшенную на голубой фон. Белокрылые чайки то и дело проносились над нами...»

Когда открылись американские берега, пассажиры стали ожидать лоцмана. Начались безумные пари американцев, возвращающихся на родину:

— Десять долларов за то, что лоцман женат!

— Двадцать — что он вдовец!

— Тридцать — что у него рыжие бакенбарды!

— Шестьдесят — что у него на носу бородавка!

— Сто долларов за то, что он ступит на палубу правой ногой!

— Держу пари, что он будет курить!

— У него будет трубка во рту!

— Нет, сигара!

— Нет!.. Да!.. Нет!.. — раздавалось со всех сторон.

Наконец столь нетерпеливо ожидаемый лоцман появился. Он был маленького роста и совсем не походил на моряка. На нем были черные брюки, коричневый сюртук с красной подкладкой и клеенчатая фуражка. В руках он держал большой дождевой зонтик.

Его встретили радостные приветствия выигравших и крики неудовольствия проигравших.

Оказалось, что лоцман был женат, что у него нет бородавки и что усы у него светлые.

На палубу прыгнул обеими ногами.

За его спиной — там, совсем рядом, лежал Новый Свет.

Корабль ошвартовался у нью-йоркской набережной 9 апреля. Братья остановились в отеле «Пятое Авеню». Им предстояло осмотреть Америку в одну неделю.

Дни эти пролетели как феерия. Путешественники посетили Албани, Рочестер и Буффало и пересекли канадскую границу. В общем, они сделали за эту неделю боль-

ше километров, чем многие нью-йоркские жители за всю жизнь. Они успели даже посмотреть в театре Финеаса Барнума сенсационную драму «Улицы Нью-Йорка». В четвертом акте ее был изображен пожар, который тушили настоящие пожарные с применением парового насоса. «Этим, вероятно, и объясняется успех пьесы», — иронически записал Жюль.

Но зато Ниагара привела его в восторг:

«Эта местность одна из прекраснейших в целом мире; тут природа соединила все, чтобы блеснуть своей красотой. На повороте Ниагара отличается удивительно разнообразными оттенками. Около острова вода покрыта белой пеной, похожей на снег; в центре водопада она зеленого цвета морской волны, что доказывает значительную глубину ее в этом месте, около же канадского берега она имеет вид расплавленного золота. Внизу, сквозь тучи брызг, можно рассмотреть огромные льдины, похожие на чудовищ, в раскрытой пасти которых исчезает Ниагара. В полумиле от водопада река опять спокойна, и поверхность ее покрыта льдом, не успевшим еще растаять от первых лучей апрельского солнца».

В полдень 16 апреля «Грейт Истерн» отправился в обратный путь. К величайшему неудовольствию компании, на борту его находился всего лишь сто девяносто один пассажир.

Через две недели корабль ошвартовался в Бресте, а еще через два дня Жюль уже был в Ле Кротуа, где его ждали Онорина с детьми и «Сен Мишель» на якоре — блестящий новой краской и готовый к новому плаванью.

Капитан Верн ступил на мостик своего корабля походкой старого морского волка — шутка ли, он за месяц два раза пересек океан и сделал много тысяч миль на самом большом судне в мире... Но, когда он поднял на мачте свой флаг — трехцветный, со звездой, — он вдруг почувствовал, что «Сен Мишель» не может сравниться ни с одним парусником или пароходом земного шара, потому что это был *его* корабль.

«Теперь, когда я сижу за своим письменным столом, — записал он, — мое путешествие на «Грейт Истерне» и дивная Ниагара могли бы показаться мне сном, если бы передо мною не лежали мои путевые заметки.

Нет на свете ничего лучше путешествий!»

Империя доживала свои последние дни. Гнев народа, как бушующее пламя, охватывал Париж и всю Францию. Любой внешний толчок мог опрокинуть картонную постройку, которую бездарный император возводил двадцать лет.

...Германские войска, вооруженные до зубов, ворвались во Францию, грабя и убивая на своем пути мирное население. Французская армия в 250 тысяч человек, плохо вооруженная, руководимая неспособными генералами, с бездарным императором во главе, должна была остановить прусскую военную машину, насчитывавшую 600 тысяч солдат.

В соответствии с обычным порядком, принятым в империи, в первые дни войны все поражения именовались победами. Однако очень скоро Франция узнала правду...

Все вокруг стало иным, и писателю казалось, что он сам стал другим человеком. В эти страшные дни далекими и смешными показались его наивные мечтания о счастье всего человечества, о машинах — верных слугах человека, облегчающих его труд, о науке, бесконечно движущейся вперед, о братстве великих народов. Кончалась эпоха безумия и позора Франции — годы империи. Но что ждало французский народ в будущем?

В свои сорок два года Жюль Верн, не проходивший военной подготовки, не подлежал призыву в действующую армию. Зачисленный в резерв, он был направлен в береговую стражу и получил назначение командиром военного корабля «Сен Мишель», базирующегося на порт Ле Кротуа.

Да, это был его старый «Сен Мишель», реквизированный правительством и превратившийся ныне в боевой корабль! А его база, «порт Ле Кротуа», была все та же рыбацья деревушка, где он знал в лицо каждого жителя! Но теперь он был не капитан, а «командан Верн», стоящий во главе грозного экипажа из двенадцати ветеранов Крымской войны, вооруженного тремя кремневыми ружьями и медной пушкой «величиной с пуделя». И на него, на его корабль и экипаж была возложена важная стратегическая задача: охранять побережье Нормандии

и Фландрии и защищать бухту Соммы от нападений прусских рейдеров...

Жюль Верн слёдил за событиями молниеносной войны с яростью и тоской в сердце. Косоглазый император позорно капитулировал при Седане вместе со всей своей армией и пушками. Париж, осажденный немцами, после пяти месяцев героической обороны, не получая помощи извне, был сдан командованием. Одна из крупнейших битв разыгралась под стенами Амьена, где немецкий генерал Мантейфель разгромил французскую Северную армию, вновь сформированную для освобождения Парижа. Наконец пришла весть, что город, где укрылась от бедствий войны семья писателя, пал; только старая цитадель с одиннадцатью офицерами и четырьмястами солдат несколько дней оказывала героическое сопротивление сорокатысячной прусской армии.

Да, писатель любил свою страну, ее лазурное южное побережье, ее туманный север, любил Париж — сердце Франции, где он провел свою молодость и где стал знаменитым писателем. Любил шумный Нант с лесом корабельных мачт в порту, любил тихий старый Амьен, широко раскинувшийся в прекрасной долине Соммы. Теперь Франция — униженная, но не сломленная, проданная, но не побежденная — стала ему еще ближе, еще дороже. Две цветущие французские провинции, Эльзас и Лотарингия, перешедшие под власть Германии, контрибуция в пять миллиардов франков — вот плата за слабость и неспособность правительства, за предательство генералов и министров, за годы империи... Пять миллиардов! Сколько добра можно было бы сделать на эти деньги, даже на одну десятую этой суммы!

Только весть о перемирии освободила Жюля Верна от плена береговой стражи. Она застала его все там же, в Ле Кротуа, но лишь 10 декабря ему удалось пробраться на несколько дней в Амьен, успокоить напуганную Онорину и отправить ее вместе с детьми в Нант. Через два дня после заключения перемирия Жюль Верн прибыл в Париж. Ведь в Париже были его друзья — Груссе, Реклю, Мишель, а их жизнь в этот великий и страшный год была неразрывно связана с Парижем и Францией...

Жюль Верн видел немецкие войска, вступившие в Париж 1 марта и занявшие Елисейские Поля и простран-

ство от правого берега Сены и улиц предместья Сент-Оноре до площади Согласия. Но ему довелось присутствовать и на другой церемонии — на этот раз торжественной и великой.

...Утром 28 марта 1871 года Париж проснулся в ярком сиянии солнца. На улицах колыхались знамена и двигался океан людей под ружьем. На древках знамен были надеты красные фригийские шапочки, символизирующие свободу, а ружья солдат увиты красными лентами.

На Гревской площади, перед зданием парижской городской думы, была возведена эстрада, на которой был водружен бюст Республики, украшенный красной перевязью. Сто батальонов Национальной гвардии выстроились на площади, а за ними колыхались бесчисленные толпы парижан. В воздухе развевались шелковые знамена — красные и трехцветные, но все перевязанные красными лентами, символизирующими победу народа. Глухо били барабаны; среди них выделялся бой двух больших барабанов Монмартра — тех, что выбивали тревогу в ночь вступления немцев в столицу и утром 18 марта, в день восстания пролетариата, будили парижан.

Затем на трибуны вышли избранники народа, члены совета Коммуны, все тоже с красными шарфами через плечо, чтобы принять на себя власть, переданную им Коммуной города Парижа. Заиграли рожки, когда они приносили присягу на верность народу. Тяжелый рев пушек приветствовал революцию. Не было речей — только крик: «Да здравствует Коммуна!», да «Марсельеза», которая, как птица, летела над Парижем...

Как не походили эта церемония, эти флаги, освещенные солнцем, эта поющая толпа на провозглашение Второй республики, которое Жюль Верн видел в день своего приезда в Париж четверть века назад! Неужели его сердце могло не дрогнуть в эту минуту? Понял ли он, что на мгновение перенесен в будущее, о котором мечтал, что присутствует при рождении первого в мире государства освободленного человечества?

«Если вы хотите описать жизнь великого человека,— начинает сам Жюль Верн биографию капитана Кука,— вы хорошо сделаете, если не будете обходить и мельчайшие черточки, которые вообще, может быть, лишены всякого интереса. Однако они нередко приобретают важ-

ное значение, потому что обнаруживают следы бессознательных стремлений и бросают яркий свет на характер героя, жизнь которого вы описываете».

Сейчас, когда еще не опубликован архив писателя, не собраны его письма и воспоминания о нем современников, мы можем только по каким-то мелким штрихам, отдельным словам, по биографиям его друзей восстанавливать подлинные факты — ту подлинную жизнь, которую он целиком вложил в свои произведения. Мы почти ничего не знаем об этом годе его биографии, но он был подготовлен всем предыдущим периодом, начиная с Сорок восьмого года, и наложил отпечаток на его творчество. Иные страницы его книг, даже отдельные фразы вдруг открывают нам жизнь его сердца в эти дни — так иногда при мгновенном блеске молнии можно разглядеть очень мелкие подробности, невидные даже в яркий полдень.

Встречался ли он в это лето со своими друзьями? Мы не знаем этого. Но бесспорно одно: их всех объединял Париж.

Паскаль Груссе занял руководящую роль в новом правительстве. Он был делегатом внешних сношений, то есть ведал всеми иностранными делами Парижской коммуны.

Элизе Реклю, отрицавший всякую власть и верный своим убеждениям, отказался быть делегатом Коммуны. Но он был предан ей до конца: сначала помогал Надару организовывать воздухоплавательный парк, а потом сражался как простой солдат с версальцами.

Луиза Мишель с первого же дня стала рядовым бойцом Коммуны — в солдатском мундире, с ружьем в руках.

...Один из биографов Жюль Верна, Шарль Лемир, рассказывает, что в 1875 году в жалкой хижине «поселенцев Новой Каледонии» он обнаружил на стене портрет писателя, по-видимому вырезанный из какого-то журнала.

Лемир не говорит, что это за хижины, но мы знаем, что это поселок сосланных коммунаров. И ясно становится, что Жюль Верн был дорог героям первой в мире пролетарской революции, что они любили его как близкого по духу человека и не забывали о нем в горчайшие годы каторги и ссылки.

— Дом мсье Верна? О, это совсем близко от вокзала! Вы пойдете налево, вдоль железнодорожной выемки, до второго перекрестка...

— Жюль Верн? Кто же не знает самого знаменитого гражданина Амьена! Он живет близ вокзала, на Больших бульварах, что проложены вокруг города на месте снесенных укреплений...

— Адрес Жюля Верна? Лонгевилльский бульвар, дом номер сорок четыре, на углу улицы Шарля Дюбуа...

Да, знаменитый писатель, находившийся в зените своей славы, вдруг неожиданно для всех покинул Париж и поселился в глухом провинциальном городке. Он купил дом — первый собственный дом в его жизни! Теперь только для жителей Амьена он был живым, реальным человеком с плотью и кровью; для всего же мира он стал Великим Неизвестным, или Великим Мечтателем, путешествующим где-то по стране Необыкновенного.

В самом деле, почему живой, общительный балагур внезапно превратился в затворника, живущего в провинциальном Амьене, как на необитаемом острове?

Переселение Жюля Верна в Амьен было бегством от Третьей республики, которая оказалась еще более реакционной, чем наполеоновская империя, «республикой без республиканцев». Это бегство было, во всяком случае в первые годы, чем-то вроде внутренней эмиграции на необитаемый остров.

Идеи великого 1848 года были идеями его юности. Переворот и тирания Наполеона сделали его фанатическим поборником свободы, врагом всего старого, поработившего человечество, тянущего его назад: монархии, сословий, милитаризма.

Его знаменем стали Наука и Техника с большой буквы, которые по его убеждению, сами собой, преодолевая косные силы природы, создадут мир будущего. Писатель еще не знал и не видел других сил для его завоевания.

Первые годы пребывания Жюля Верна в Амьене были для него временем подавленного настроения, разочарований и горестных раздумий.

В его памяти вставал Сорок восьмой год, расцвет его творчества, полного, быть может, и наивного, но такого

радостного оптимизма; Коммуна, возникшая на черном фоне реакции как великолепная вспышка пламени...

Весь этот свет, огонь и радость ушли вместе с ветром, который, как холодный борей древних греков, оледенил мир вокруг писателя.

Где-то далеко были его друзья, унесенные этим ветром. Элизе Реклю, великий ученый, прославленный во всем мире, скитался где-то на чужбине. Луиза Мишель томила в смертельной ссылке в Новой Каледонии. Паскаль Груссе, бежавший с каторги, поселился в Англии. Далеко был Надар. И еще дальше — юность, полная веры и прекрасного энтузиазма.

Что оставалось ему? Только работа, которая с этого времени и стала главным содержанием его жизни.

Весь нерастратенный жар души, все накопленное за многие годы, все мысли, которые он хотел передать будущим поколениям, писатель вкладывал в свои книги.

В эти годы Жюль Верн писал необыкновенно быстро, словно боясь утратить какой-то найденный секрет. Нередко он начинал сразу несколько романов, бросал один, переходил к другому, снова возвращался... Все это походило иногда на поиски утраченной молодости...

Франко-прусская война и Парижская коммуна были теми событиями, которые всколыхнули Жюля Верна и заставили его пересмотреть свое мировоззрение. Война развеяла его пацифистские иллюзии об интернационале ученых, без помех и борьбы создающих светлый, справедливый мир. В дни Коммуны он увидел гигантские силы, таящиеся в народе. И писатель понял несбыточность своих наивных утопических упований на возможность мирного разрешения социальной проблемы.

Вот почему среди многочисленных романов, написанных Жюлем Верном после отъезда в Амьен, почти нет романов научно-фантастических. Романы географические сохраняют свое место, но к ним теперь присоединяются в значительном числе социальные и историко-социальные романы. При этом элементы социальной сатиры становятся порою весьма заметной стороной произведений Жюля Верна. Из-под его пера появляется роман-памфлет.

Слово «утопия» по-гречески означает: «место, не существующее нигде». Так назвал свой роман-трактат об

идеальном государстве Томас Мор. Это слово сделали своим знаменем социалисты-утописты. Под этим знаменем всю жизнь сражался с жестокой действительностью Жюль Верн.

Современной утопией можно назвать роман «Таинственный остров», завершающий его знаменитую трилогию, первую и вторую части которой составляют «Дети капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой».

В этой книге рассказано об идеальной трудовой коммуне на неизвестном острове Тихого океана, которую основала группа потерпевших крушение, давших острову славное имя «Остров Линкольн» и принявших гордое название колонистов — колонистов нового мира будущего.

Трилогия — вершина творчества Жюль Верна. В ней он достиг наивысшего художественного мастерства, создал яркие образы положительных героев, наиболее ясно выразил свое мировоззрение, полное социального оптимизма.

В первом романе Жюль Верн показал мир колониального угнетения, во втором — борца против этого гнета, капитана Немо, в третьем — воплощение своей мечты о будущем. В единстве этих трех тем и содержится секрет единства трилогии.

Не раз возвращался Жюль Верн к этой, быть может, наиболее любимой им теме: идеальному городу-государству, воплощающему в себе самые затаенные мечты писателя.

Но опыт Коммуны показал Жюлю Верну, что не может быть идеального строя, пока существует капитализм, готовый с самым свирепым ожесточением обрушиться на любую попытку народа осуществить социалистические идеалы.

Наиболее полно свое гуманистическое, быть может, несколько наивное мировоззрение Жюль Верн выразил в романе, написанном в 1879 году, — «Пятьсот миллионов бегумы».

Роман этот — воспоминание о франко-прусской войне и в то же время картина будущего.

Героями своего нового романа Жюль Верн сделал мечтателя-ученого доктора Саразена и его антагониста — ученого-капиталиста профессора Шульце.

Вдали от европейских бурь, в Соединенных Штатах, где когда-то Роберт Оуэн и икарійцы создавали свои коммуны, на берегу Тихого океана, доктор Саразен, наследник миллионов индийской княгини, строит идеальный город Франсевилль. «Мы сделаем гражданами нашего города честных людей, которых душит нужда и безработица,— говорит он.— У нас же найдут убежище и те, кого чужестранцы-победители обрекли на жестокое изгнание. У нас изгнанники, добровольные и невольные, найдут применение своим способностям, своим знаниям; они внесут в наше дело духовный вклад, более драгоценный, чем все сокровища мира. Мы построим прекрасные школы, которые будут воспитывать молодежь, руководствуясь мудрыми принципами высокой морали, умственной и физической культуры, и это обеспечит нам в будущем здоровое, сильное и цветущее поколение».

План этого идеального города принадлежит самому Жюлю Верну, воплотившему в нем самые гуманные, самые передовые идеи Сен-Симона, Фурье, Кабе о городах будущего. А в словах его об изгнанниках «добровольных и невольных» легко угадать затаенную мысль о судьбе мучеников Парижской коммуны. Ведь среди четырнадцати тысяч заключенных и изгнанных коммунаров были его друзья.

Второй герой романа, профессор Шульце,— олицетворение свирепых сил, которые Жюль Верн не мог назвать, сил, которые мы именуем капитализмом. Урвав половину наследства Саразена, профессор Шульце рядом с Франсевиллем строит «идеальный город» капитализма — чудовищный военный завод с тюремной дисциплиной, где все поставлено на службу разрушению. С какой ненавистью говорит Шульце о строителях утопического города, с какой жестокой радостью мечтает он о массовых убийствах ни в чем не повинных мирных жителей, женщин и детей! В своих арсеналах он накапливает невиданные снаряды — своего рода атомные бомбы XIX века, «способные охватить пожаром и смертью целый город, объять его со всех сторон бушующим неугасимым огнем». И в самом сердце своего Стального города, на вершине циклопической Башни Быка, словно символ «творческих сил» капитализма, он ставит чудовищную пушку, направленную на Франсевилль. Один ее выстрел должен наполнить

город огнем и смертью и превратить в трупы сто тысяч человек!

Но центральная фигура романа не Саразен и не Шульце. Ведущий образ книги — молодой француз, инженер-эльзасец Марсель Брукман. Марсель — это мечта Жюль Верна о поколении завтрашнего дня. Недаром он сделал его ровесником своего сына Мишеля. Смело, бесстрашно проникает Марсель в самое логово зверя, чтобы выведать страшные тайны Стального города. Но он думает не о том, чтобы уничтожить город капитализма, а мечтает овладеть им, сочетать мирные стремления жителей Франсевилля с промышленным могуществом Стального города, изготовлять на его заводах не пушки и другие орудия истребления, а сельскохозяйственные машины и промышленное оборудование.

Будущий мир должен опираться не на мечту, а на реальное могущество техники и промышленности капитализма, утверждает Марсель Брукман.

И Жюль Верн всем ходом событий в романе подтверждает: да, он прав! «Франсевилль благоденствует и процветает. У него нет завистников, ибо он наслаждается заслуженным счастьем, а его сила внушает уважение всем любителям бряцать оружием на чужой территории», — эта фраза заключает книгу.

12

В эти же годы Жюль Верн написал свой, быть может, лучший географический роман — «Вокруг света в восемьдесят дней». Главу за главой, по мере того как они появлялись из-под его пера, писатель печатал отдельными фельетонами в газете «Тан» с начала 1873 года. Писатель не придавал большого значения своему новому произведению: он не ставил и не решал в нем никаких новых проблем, не пытался создать необыкновенных героев, не покорял, хотя бы и в воображении, непобежденные стихии. Для него это был еще один роман-путешествие.

Но неожиданный успех романа нарастал, словно снежная лавина. Парижане спорили о будущих приключениях Филеаса Фогга, а корреспонденты американских газет посылали на родину каблограммы с маршрутом

путешественников. Эксцентричный Филеас Фогг (Филеас — великий путешественник Древней Греции, а Фогг — по-английски «туман», символ Британии), великолепный Паспарту (по-французски «пройдет повсюду», пройдоха), глуповатый, но исполнительный сыщик Фикс стали всеобщими любимцами. Когда путешественников отделяла от цели только Атлантика, ажиотаж достиг апогея: Американские пароходные компании засыпали автора романа телеграммами, предлагая огромные суммы только за то, что Филеас Фогг выберет для своего последнего рейса судно их компании. Это поставило Жюль Верна в такое затруднительное положение, что он вынужден был заставить своего героя купить корабль, чтобы не быть обязанным своим успехом никому!

Параллельно с опубликованием романа Жюль Верн вместе с драматургом Адольфом д'Эннери переделывал его в пьесу. Занавес театра «Порт Сен-Мартен» взвился 8 ноября 1874 года. Взорам изумленных зрителей представило феерическое зрелище — поистине постановщики не стеснялись расходами: по сцене шествовал слон, плясали на хвостах ядовитые кобры, бегали краснокожие, потрясая револьверами, и, наконец, — верх эффекта! — индийская красавица готовилась взойти на костер!..

Правда, спектакль слишком явно напирал на внешние эффекты, но зато какой успех! Любой капиталист мог быть уверенным в художественных достоинствах спектакля, давшего в первый день 8037 франков, а за пятнадцать дней обеспечившего сбор в 254 019 франков!

Отныне популярность Жюль Верна перехлестнула границы литературы. Еще бы, ведь он сравнился в славе с министрами. За него принялись карикатуристы. Его старый друг карикатурист Жилль в журнале «Эклипс» изобразил его в виде повара, вращающего земной шар на вертеле наподобие цыпленка. В «Шаривари» Жюль Верн был превращен в акробата, жонглирующего глобусом.

— Между нами, скажи: это успех? — спросил Жюль одного своего друга.

— Успех? — гласил саркастический ответ. — Нет, это просто счастье.

Наряду с этим внешним взрывом популярности можно проследить, как ширилось всемирное признание замечательного писателя. Если бы Жюль Верн был пол-

ководцем, то мог бы на карте полушарий отмечать одну за другой завоеванные им страны, начиная с России и кончая Персией и Аргентиной. Французская академия работает медленно, но и она наконец заметила роман «Двадцать тысяч лье под водой». В августе 1872 года Жюль Верн получил извещение, что его «Необыкновенные путешествия» удостоены Большой премии Французской академии. Это была высшая награда, за которой могло следовать только «бессмертие». Не то бессмертие, которое завоевал сам писатель, но избрание его в число «бессмертных» — членов академии. А ведь со дня выхода в свет первого романа серии «Необыкновенные путешествия» не прошло и десяти лет!

Герои Жюль Верна странствовали по всему земному шару, а слава их создателя шествовала за ними по пятам. Герои эти были не завоевателями, колонизаторами или торговцами, но смелыми открывателями, вдохновленными учеными, борцами против тирании и всяческого угнетения — национального, расового, социального — и фанатическими апостолами свободы. Они были близки простым людям всего мира.

В эти годы бесконечно расширяется вселенная писателя. В книгах, написанных после падения Второй империи, мы встретимся с изображением венгерской революции 1848 года, тайпинского движения в Китае, восстания индийского народа против английского владычества, с мятежом Джона Брауна и войной Севера против Юга в Америке за освобождение и равноправие негров. Жюль Верн рассказал о колониальном рабстве в Африке и Южной Америке и о нравах миссионеров, о захватнической войне Англии против народа Новой Зеландии, о восстании греков против турецкого ига, о русском революционном движении... Такова была широта кругозора французского писателя и тематика его «Необыкновенных путешествий»!

Сейчас, по прошествии многих десятилетий, нам приходится с большим трудом расшифровывать разбросанные по страницам книг Жюль Верна намеки, говорящие о его политических взглядах, о его мечтах о светлом будущем освобожденного от всех цепей человечества. Но современники писателя, близкие к революционному движению, мечтавшие о социальном равенстве, принадле-

жавшие к лагерю демократии и ненавидевшие, как и сам Жюль Верн, корыстный и жестокий буржуазный строй, отлично понимали его с полуслова. Вот почему писательская слава Жюля Верна выросла так стремительно, подобно вспышке электрического света.

13

В глазах всего мира Жюль Верн, добровольно похоронивший себя в амьенской глуши, очень скоро превратился в «путешественника, который никогда не покидает своего кабинета». Сам писатель охотно поддерживал эту легенду. И все же каждую весну в нем просыпалась неукротимая тоска по морю, и каждое лето он покидал свое почти отшельническое уединение и отправлялся в Ле Кротуа.

Маленький «Сен Мишель», превратившийся в грозный военный корабль, покинул своего хозяина: он был сожжен пруссаками во время перемирия. После войны усилиями Сандра, Альфреда и все того же старого плотника из Ле Кротуа был рожден новый «Сен Мишель», получивший, как коронованная особа, прозвище «Второй». Он так же верно служил своему хозяину, каждый год храбро отправляясь в открытое море.

Но Жюль Верна обуревали гордые замыслы. Он мечтал уже не о каботажных плаваниях, но о далеких путешествиях. Наряду с людьми, такими же героями его романов все чаще становились корабли: яхта «Дункан» лорда Гленарвана, «Форвард» капитана Гаттераса, «Наутилус», шлюп «Благополучный», построенный колонистами острова Линкольн своими руками, даже «Анриетта», купленная Филеасом Фоггом, — сколько любви вложил Жюль Верн в описание этих — таких различных — кораблей! Ведь каждый из них был его собственным судном, хотя бы в мечтах, и каждым из них командовал капитан Верн.

И когда грянул час славы и золотой дождь обрушился на плечи писателя, сделав возможными самые затаенные мечты, только одно магическое слово «корабль», как и в детстве, волновало его. Ведь в своем кабинете он бережно хранил потрепанный журнал, где на первой странице

каллиграфическим почерком было выведено: «Судовладелец и капитан Жюль Верн».

Жюль был терпелив: он ждал, он присматривался, он выбирал. И случай наконец представился — и какой случай!

...Это была одна из лучших в мире яхт, построенная по заказу бельгийского короля Леопольда I и только из-за его смерти перешедшая в другие руки. Корабль был настоящим красавцем. Построенный в Нанте, родном городе Жюля Верна, прославленными инженерами-судостроителями, он имел железный корпус длиной в 53 метра, а его водоизмещение равнялось 67 тоннам. Белая, сильно наклоненная назад труба и две мачты придавали ему необыкновенное изящество. Паровая машина мощностью 25 сил позволяла развивать скорость 9—11 узлов — 17—20 километров в час. Кают-компания была отделана красным деревом, остальные каюты — светлым дубом.

— На этом судне мы сможем совершить путешествие вокруг света, — сказал Жюль своему брату, когда они осматривали новое приобретение. Жюль Верн вступил во владение кораблем в 1876 году и дал ему название «Сен Мишель III». Первые годы корабль капитана Верна делал только каботажные рейсы. Позже, когда место на мостике занял капитан Олив, старый земляк писателя, плавания стали более далекими. «Сен Мишель» крейсировал у берегов Португалии, Испании, Бельгии, Голландии, Англии, Шотландии, Ирландии, Дании, Швеции, Норвегии, даже Исландии.

«Великий романтик на море», обычно писали газеты, и каждый маленький порт надеялся, что корабль Жюля Верна его непременно посетит...

Когда-то писатель использовал морские путешествия для работы. Теперь на борту своей яхты он лишь отдыхал и мечтал, зная, что в тишине кабинета его ждет старая конторка, стопка аккуратно нарезанной бумаги и связка тонко очиненных карандашей.

В 1884 году Жюль Верн впервые почувствовал себя очень усталым. Нужно было сделать большой перерыв в работе. Прогулка вдоль побережий не казалась уже достаточной, большие моря и дальние страны снова, как в юности, стали манить стареющего писателя. Ему только

что исполнилось пятьдесят шесть лет; еще не поздно было совершить кругосветное путешествие.

Плавание это превратилось в ряд триумфов. В честь знаменитого писателя местные власти устраивали приемы и чествования, высылали за ним экипаж, украшенный цветами, говорили речи и произносили тосты. Изрядно утомленный путешественник спешил к Суэцкому каналу, но каждый город Европы и Африки желал его видеть. Пройдя через Гибралтар, корабль долго блуждал по средиземноморским портам, пока наконец не добрался до Италии. В Чивита-Веккья писатель решил на время покинуть свой корабль и побывать в Риме, Флоренции и Венеции. Венецианцы устроили ему встречу, похожую на фантасмагорию. Город был иллюминирован, балконы и карнизы украшены светящимися транспарантами. «Эввива Джулио Верне!» — кричала толпа. Маленькая девочка поднесла герою праздника лавровый венок...

Однако внезапно заболела жена писателя, сам он чувствовал себя очень плохо, и муж и жена решили возвратиться в Амьен по железной дороге. Путешествие было прервано — на время. Писатель никак не предполагал, что это его плавание будет последним...

...8 февраля 1885 года, в день рождения Жюль Верна, в доме на Лонгевилльском бульваре был устроен костюмированный бал. У входа висела большая афиша «Гостиница для путешественников вокруг света. Разрешается бесплатно пить, есть и танцевать». Хозяин был одет трактирщиком, хозяйка — трактирщицей; они несли огромный котел с вареными овощами и большими ложками раздавали угощение желающим. На галерее был организован настоящий великолепный буфет. Гости были одеты китайцами, русскими, неграми, американцами, шотландцами, турками, арабами, испанцами, индийцами... Все народы мира окружали творца «Необыкновенных путешествий»!

И, однако, Жюль Верн не чувствовал себя счастливым. «Моя жизнь заполнена,— писал он в одном письме,— для скуки не остается места. Это почти все, чего я желаю». Что означает это загадочное «почти»?

Это написано в разгар суматохи, последовавшей за постановкой пьесы «Вокруг света в восемьдесят дней». Видимо, не так легко давалось «амьенскому отшельни-

ку» его вынужденное одиночество. И если Амьен был для него необитаемым островом, где он хотел укрыться от бушующего океана реакции, то рев этой свирепой бури все время стоял у него в ушах...

Конечно, Жюль Верн не остался тем прекраснодушным мечтателем, каким был четверть века назад. Он мог еще сказать: «Добро уже не безоружно, за него сражалась Парижская коммуна!» Но он помнил: мертвые коммунары молча спят во французской земле, а живые гибнут в Новой Каледонии или изгнаны из родной страны и рассеяны по всему свету...

Что мог он сделать один в этой «республике без республиканцев»? Что он противопоставит программе победившей буржуазии, откровенно провозгласившей: «Обогащайтесь, господа!»

Слово «республика» было запретным. Даже когда в конституции было записано, что Франция является республикой, этот параграф прошел большинством лишь в один голос. Президентами были монархист Мак-Магон, бывший маршал Наполеона III, и республиканец Карно, торговавший орденами и вынужденный вследствие этого выйти в отставку. За власть боролись три монархические партии: легитимисты во главе с графом Шамбор, внуком Карла X, орлеанисты, выдвигавшие своим претендентом на трон графа Парижского, внука Луи-Филиппа, и бонапартисты. Их влияние оспаривала партия людей, гордо именовавших себя «оппортунистами». В эти годы на весь мир прогремело слово «панама» — скандальная спекуляция акциями Панамского канала, в которой оказались замешанными министры, сенаторы, депутаты и другие высокопоставленные деятели Франции, уличенные во взяточничестве, мошенничестве и воровстве...

В эти годы Жюль Верн пишет три романа: «Матиас Шандорф» — о венгерском революционере, борющемся за свободу своей родины, «Север против Юга», посвященный междоусобной войне в Соединенных Штатах за освобождение негров, и «Путь во Францию».

Наталис Дельпьер, герой последней книги, простой французский солдат. Но он не только патриот своей родины. Подобно Лафайету, герою Великой французской революции, он сражался в Америке на стороне восставших, «видел генерала Вашингтона — гиганта ростом в

5 футов 11 дюймов, с большими руками, большими ногами, в голубом мундире с лосиными отворотами и черной кокардой на шляпе», как с величайшим уважением к герою освободительной войны рассказывает сам Дельпьер. Он участвовал в бою при Иорктауне, где лорд Корнуэлс, английский главнокомандующий, сдался Вашингтону вместе со всей армией. Позже Наталис Дельпьер, уже в рядах французской армии, принимал участие в знаменитой битве при Вальми, решившей судьбу молодой республики...

Разве мог Жюль Верн в эти тяжкие годы яснее выразить свои политические взгляды, чем он сделал это в своих книгах?

В эти же годы вспыхнула ослепительным светом звезда прославленного генерала Буланже.

«Бравый генерал» — звали его солдаты, среди которых он был популярен за то, что, будучи военным министром, улучшил питание армии, запретил смотры по воскресеньям и разрешил праздничные отпуска. Во французской энциклопедии он очень деликатно характеризуется несколько иначе: «всеобщий любимец, и французских женщин в особенности». Но слишком бравым генералом он не был, хотя участвовал в нескольких колониальных войнах и во время франко-прусской войны был в войсках, оборонявших Париж. Зато он был хорошим администратором и укрепил французскую армию, введя усовершенствованные лебелевские винтовки и мелинитовые снаряды.

Все недовольные существующим порядком объединились, сделав его политической фигурой. По всей стране распространялись портреты Буланже и стихи, написанные в честь «генерала-рыцаря». В нем видели «мстителя немцам за поражение Франции» и «спасителя отечества». Обманутые его громкими фразами, к буланжистам, его сторонникам, примкнули даже некоторые крайне левые. Но на самом деле Буланже втайне готовил на деньги крайней монархистки герцогини Юзес восстановление режима Наполеона III, с графом Парижским в качестве президента.

«Любезному рыцарю» очень нравилась отведенная ему роль, которую он играл несколько театрально. Тайно он посещал Париж, где появлялся в синих очках, сильно

прихрамывая и опираясь на суковатую палку... Но генерал был боязлив: он не решался открыто объявить свою политическую программу, остерегался решительных действий и не смел произвести государственный переворот. Больше того — он не отличался и личной храбростью: когда премьер-министр Флоке, глубоко штатский человек, вызвал его на дуэль и тяжело ранил воинственного «бравого генерала», не умевшего даже держать в руке шпагу, вся популярность Буланже исчезла, растаяв словно туман под лучами утреннего солнца!

И вот в эти смутные дни, наперекор темным закулисным махинациям прожженных парламентских дельцов, Жюль Верн впервые вступил на политическую арену, выдвинув свою кандидатуру в муниципальные советники города Амьена, ставшего его второй родиной!

Какую политическую программу мог выдвинуть знаменитый писатель, которому исполнилось шестьдесят лет? И читатели его книг, и избиратели — а они тоже были его читателями — знали, что он не с монархистами и не с оппортунистами. Но выборы не были национальными: это были выборы в «коммуну города Амьена», по французской терминологии. И Жюль Верн выступил со своей собственной политической платформой, которую он озаглавил: «Амьен — идеальный город»...

За несколько лет до этого Жюль Верн напечатал брошюру под тем же названием. Это был доклад, сделанный им в Амьенской академии — старейшем научном обществе Пикардии. Позже все свои идеи о городах будущего он изложил в романе «Пятьсот миллионов бегумы», где в образе города-сада Франсевилля он воплотил свои самые затаенные мечты.

«...Утопая в зелени олеандровых и тамариндовых деревьев, город живописно раскинулся у подножия Каскад-Маунта, купая свои одетые в мрамор набережные в мягко набегающих волнах Тихого океана... Путешественника, очутившегося в этом городе, вероятно, поразили бы необыкновенно цветущий вид жителей и какое-то праздничное оживление, царящее на улицах...

...Для получения права жительства в Франсевилле необходимо представить рекомендацию или отзыв, иметь любую полезную профессию, связанную с какой-либо областью промышленности, науки или искусства, и дать

обязательство соблюдать законы города. Праздное существование в Франсевилле не допускается...»

Со скрупулезной точностью, столь характерной для французских утопистов, Жюль Верн в десяти параграфах формулирует основные принципы, по которым создан этот город будущего. Он регламентирует разбивку цветников и газонов перед домами, число этажей, материал (полый кирпич, бывший новинкой в те годы), устройство крыш и фундамента, расположение кухни и хозяйственных помещений, число лестниц и лифтов, планировку и отделку комнат (керамическими плитками), даже мебель, драпировки и постельное белье...

Столь же тщательно разработана и общая планировка города — ширина улиц и бульваров, расположение скверов, «украшенных копиями скульптур великих мастеров, пока художники Франсевилля не создали своих произведений, достойных этих великих творений», музеи, библиотеки, школы, спортивные площадки, городские прачечные, больницы, профилактические медицинские пункты.

«Нет нужды говорить, — утверждает писатель, — что дети с четырехлетнего возраста в обязательном порядке приучаются к физическим и умственным упражнениям, которые развивают их телесные и духовные силы. Их приучают к такой безукоризненной чистоте, что пятно на платье считается у них настоящим позором...»

В романе «Пятьсот миллионов бегумы» годом основания Франсевилля назван 1872 год, хотя писалась книга в 1879 году. Если бы осталась жить Парижская коммуна и Франция превратилась в федерацию коммун, как мечтали друзья писателя Паскаль Груссе, Луиза Мишель, Элизе Реклю, подобными Франсевиллю городами расцвела бы родина писателя в следующем же году после великого семьдесят первого...

Все это были лишь утопические мечты. Могли ли они стать политической программой в захолустном Амьене, живущем еще монархическими традициями королевской Франции, в городе, где решающую роль играли буланжисты, открыто готовящиеся к въезду в столицу графа Парижского на белом коне? Кто из землевладельцев, фабрикантов, торговцев, имевших избирательные права в Амьене, мог поверить в политическую программу, ставя-

шую перед народом задачу построить Город Солнца?

Жюль Верн был живой достопримечательностью Амьена. Но как политический деятель?.. У него не было ни врагов, ни даже противников. Над ним просто смеялись. И на муниципальных выборах в мае 1888 года шестидесятилетний писатель потерпел поражение. Но, может быть, это было к лучшему? Это было крушение еще одной, и, вероятно, последней иллюзии...

Амьенская жизнь Жюля Верна была совсем иной, чем в столице, где он знал весь Париж. Стареющий писатель жил очень уединенно, вдали от центра, на самой окраине.

Массивный двухэтажный дом выходил своим фасадом на широкий двор. Позади дома лежал сад, тянувшийся вдоль Лонгевилльского бульвара. Высокая каменная стена отгораживала сад от взоров прохожих. Для того чтобы попасть в дом, нужно было или позвонить в большой медный колокол у главного входа, или войти в маленькую калитку со стороны улицы Шарля Дюбуа.

Посетителю, входящему со двора, нужно было пройти через большую оранжерею и через просторную гостиную с широкими окнами, чтобы попасть в кабинет писателя.

Кабинет этот помещался во втором этаже большой круглой башни, возвышавшейся над одним из углов дома. Обстановка его была простой: узкая железная кровать, тяжелое кожаное кресло, большой круглый стол и старенькая конторка, за которой были написаны почти все романы Жюля Верна. Украшением комнаты были два бюста на каминной полке: Мольера и Шекспира.

Дверь налево вела из кабинета в библиотеку. На простых полках теснились тысячи книг, на стенах в строгом порядке были развешаны портреты знаменитых ученых и путешественников, а в отдельном шкафу помещались переводы сочинений Жюля Верна: сотни томов разного формата на многих языках мира. У окна стоял очень старый рояль, ровесник дней Великой французской революции.

День старого Жюля Верна был строго размерен, и раз заведенный порядок никогда не нарушался. В пять часов утра — и летом и зимой — он уже был на ногах. Легкий завтрак, всегда один и тот же: немного фруктов, сыр, чашка шоколада — и писатель уже за своей старой конторкой. В восемь часов в первом этаже начиналось

движение — это вставала жена писателя. В девять часов супруги садились за утренний завтрак. После завтрака Жюль Верн уже не писал ничего нового, лишь начисто переписывал свои черновики, отвечал на письма, принимал посетителей.

Когда морской колокол на дворе отбивал восемь склянок, сигнализируя о наступлении полудня, Жюль Верн брал шляпу и, какова бы ни была погода, выходил на прогулку.

Он шел, сильно хромя, тяжело опираясь на палку — тоже своего рода достопримечательность: это был подарок группы английских школьников, поклонников его «Необыкновенных путешествий», вырезавших на ней свои имена. «Мы очень счастливы, что можем послать Вам эту палку с подписями, которые покажут Вам, каким уважением Вы пользуетесь со стороны многих тысяч мальчиков Великобритании, — писали они в своем письме старому писателю. — У нас, конечно, никогда не бывает денег в кармане. Вы это знаете. Но наш подарок не должен быть оценен по его стоимости. Мы знаем, что для Вас дороже всего большое количество участников нашей складчины...»

От перекрестка писатель поворачивал на улицу Порт-Пари, где некогда находились Парижские ворота средневекового Амьена; затем следовал новый поворот, на улицу Виктора Гюго, и перед ним открывался великолепный силуэт Амьенского собора, чуда готического искусства XIV века. А далеко внизу, как серебро, блестела Сомма, вместе с притоками Арне и Селль образующая многочисленные каналы в нижней части города.

Ровно в половине первого Жюль Верн появлялся в большом зале библиотеки Промышленного общества.

Тут на столе уже лежали приготовленные свежие газеты. И большое кресло, которое никто не смел занимать, было подвинуто: летом — к окну, зимой — к камину.

С карандашом и записной книжкой в руках писатель просматривал газеты, журналы, бюллетени и отчеты разных научных и географических обществ. Иногда раньше, но никогда не позже пяти часов он захлопывал свою записную книжку и кружным путем возвращался домой.

Два раза в неделю Жюль Верн посещал заседания Амьенской академии, действительным членом которой он

был. Иногда писатель вместе с женой ходил в театр, но это бывало редко: в пять часов для него уже начинался вечер, в восемь он уже спал.

Эта размеренная жизнь, которая иному показалась бы скучной, была идеальным условием для работы, а работа для Жюль Верна была жизнью.

«У меня потребность работы,— говорил Жюль Верн посетившему его итальянскому писателю де Амичису.— Работа — это моя жизненная функция. Когда я не работаю, то не ощущаю в себе никакой жизни».

Да, работа была для него не только необходимостью, она была его основной жизненной страстью. Именно она и составляет подлинную биографию писателя.

Анекдоты и легенды окружали писателя при жизни, заслоня от читателей его подлинное лицо. Но он не сердился, не протестовал, только улыбался. Скромный, пожалуй даже скрытный, он никогда не говорил о себе.

Одни считали его неутомимым путешественником, суровым капитаном дальнего плавания. Другие утверждали, что он никогда не покидал родного города и все его романы списаны с книг знаменитых географов и исследователей. Третьи уверяли, что Жюль Верн никогда не существовал, что это просто коллективный псевдоним, под которым пишет целое географическое общество.

И постепенно в умах современников укоренялась легенда о писателе, который только по книгам изучает другие страны и совершает необыкновенные путешествия лишь в мечтах.

После смерти Жюль Верна торопливые биографы из этих легенд сложили историю его жизни.

Каждая страна создала своего собственного Жюль Верна: Франция — легкомысленного балагура, Германия — добросовестного популяризатора, дореволюционная Россия — прекраснодушного мечтателя, Италия — двуличного, хитрого интригана, искателя приключений. Наконец, в последнее время появился предприимчивый делега — американский Жюль Верн.

И, однако, помимо их всех, существует подлинный Жюль Верн, проживший уже больше столетия (его первое произведение было опубликовано в 1851 году), тот самый, кого Менделеев назвал «научным гением», а Лев

Толстой «удивительным мастером», тот, кого десятки ученых, изобретателей, путешественников считали своим вдохновителем.

Путешествие по Средиземному морю было последним плаванием Жюль Верна: случайная рана, сделавшая его калекой, тяжелая болезнь, постепенное ослабление зрения приковали писателя к его кабинету в высокой башне. Ему не удалось закончить кругосветное путешествие, но он продолжил его в своих книгах.

Даже совсем ослепнув, Жюль Верн продолжал работать. Чаще всего он диктовал своим внукам, иногда писал сам при помощи особого транспаранта, позволявшего ему ощущать расположение строк. И когда 20 марта 1905 года смерть остановила перо писателя, количество его произведений превысило сто томов.

Но читателям казалось, что старый писатель жив и продолжает работать: ведь каждый год выходили по два тома новых, уже посмертных произведений Жюль Верна. Больше того: он жив для нас и сейчас — ведь его наследство далеко еще не исчерпано и его с гордостью принимают все свобододолюбивые люди мира.

Несмотря на то что прошло больше полувека со дня смерти писателя, мы еще мало знаем его творчество, еще не расшифровали до конца глубокий смысл многих его произведений, которые недавно, подобно его французским издателям, считали лишь детским чтением, где «развлечение» соединено «с пользой».

Еще не прочитан по-настоящему поздний Жюль Верн, особенно его посмертные романы. А это важно для того, чтобы развеять еще один миф.

В 1908 году, уже после смерти Жюль Верна, вышел в свет роман «Дунайский лодочник». Герой его, болгарский патриот Сергей Ладко, скрывается от полиции, которая преследует его как участника освободительной борьбы народа против угнетателей. Переодетый Сергей Ладко на одном пароходе с преследующим его полицейским совершает путешествие по Дунаю — от истоков до устья — и вновь встает во главе отряда повстанцев.

Значит, до самого конца жизни старый писатель верил в то, что только активная борьба за свободу даст народам полное освобождение, что нет места в будущем национальному угнетению.

В том же 1908 году был опубликован другой его посмертный роман — «Охота за метеором». В нем Жюль Верн далеко заглянул в будущее, опираясь на великие взлеты науки конца XIX — начала XX века: открытия радиоактивности, рентгеновых лучей, распада атомов, давления света. И он увидел наш день — зарю атомного века.

«Энергия наполняет Вселенную, — писал он в начале 1905 года, — и вечно колеблется между двумя пределами: безусловным равновесием, достигаемым только при однородном рассеянии энергии в пространстве, и безусловным сосредоточением ее в материи, которая в этом случае была бы окружена абсолютной пустотой. Так как пространство бесконечно, то оба эти предела одинаково недостижимы. Вследствие этого энергия мира находится в состоянии вечного движения... Вещество же вечно уничтожается и вечно восстанавливается. Каждое такое изменение сопровождается излучением энергии и исчезновением соответствующей массы...

Уничтожение материи не обследовано, не выяснено, но тем не менее оно существует. Звук, теплота, электричество, свет косвенно подтверждают это. Все они — лишь следствие освобожденной энергии, рожденной внутри-атомными силами.

Установивши все это, стоит лишь освободить небольшое количество энергии, содержащееся внутри вещества, и направить ее в избранную точку в пространстве. Тогда мы получим возможность...»

Мы получили эту возможность, которую Великий Мечтатель видел в своем воображении, только через сорок лет после его смерти.

В романе «Крушение Джонатана» рассказывается история свободной коммуны Либери, основанной на острове Гост, где-то около мыса Горн, переселенцами, спасшимися после кораблекрушения. Руководитель этих коммунаров, Коуджер, человек необыкновенной энергии, проходит через все стадии иллюзий, которые переживал сам Жюль Верн, и видит их крушение. Но он не теряет веры в будущее, в грядущую победу социализма. Этот

герой, развитие характера которого как бы повторяет историю жизни Жюль Верна, в конце перечисляет тех мыслителей, которые оказали огромное влияние на формирование его идей. Это Сен-Симон, Фурье, Оуэн, Кабе. Последним в этом списке стоит имя Маркса. Это имя встречается в книгах французского писателя только один раз и только в произведении, опубликованном посмертно. Обстановка, в которой жил и работал писатель, была такой тяжелой, что он вынужден был подвергать самоцензуре и зашифровывать свои произведения, чтобы передать народу и грядущим поколениям самые заветные мысли.

Жюль Верн не видел путей к достижению того светлого идеала человеческого братства, о котором он мечтал всю жизнь. Оторванный от реального борющегося мира, он не видел тех сил, которые могли бы сломить ненавистный ему капитализм. Но он страстно верил в эту грядущую победу и своими уже незрячими глазами видел смутные очертания блистающего мира грядущего.

15

Жюлю Верну выпало на долю редкое счастье прожить не одну, а три жизни: одну в действительности, вторую — в воображении современников, третью — в мечтах, воплотившихся в его произведениях.

На библиотечных полках теснятся тысячи книг его предшественников и современников: пергаментные рукописи средних веков, огромные, переплетенные в кожу фолианты XVI и XVII веков, изящные томики XVIII века — «века разума», книги эпохи Жюль Верна. В них рассказано о полетах на крыльях, управляемых аэростатах и воздушных кораблях тяжелее воздуха, о путешествиях по подводным лугам и в недрах нашей планеты, об открытии полюсов и неизвестных стран, об исследовании Луны и других заоблачных миров, населенных странными народами. Но эти книги и манускрипты покрыты вековой пылью, которую очень редко тревожит рука историка литературы или случайного любопытного...

А славы Жюль Верна и в наши дни хватает на то, чтобы отблеск ее озарял оба полушария. Он переведен почти

на все языки мира, и его читают, вероятно, больше, чем любого другого писателя.

Творчество французского писателя было очень разнообразно: меланхолическая песня «Марсовые», ставшая на его родине матросской песней, и многотомные научно-популярные сочинения по географии, фарсы и водевили в стихах и утопии о будущем мире, шуточные романы-путешествия, политические памфлеты и лирические дневники. Но в центре внимания читателей стоит, конечно, серия его «Необыкновенных путешествий» и особенно те четырнадцать романов (из шестидесяти восьми), которые объединяются под рубрикой «научно-фантастические».

...Осенью 1881 года в Париже открылась Первая Всемирная электротехническая выставка.

Каждый вечер с наступлением темноты словно беззвучный взрыв потрясал огромное здание Дворца промышленности, и целый ливень огня обрушивался на выставку. Вспыхивали ряды и гирлянды ламп, зажигались бесчисленные люстры, ослепительным, нестерпимым блеском загорались дуговые фонари, и высокий маяк в центральном зале начинал вертеться, бросая вокруг снопы цветных лучей. Это было целое море света.

Жюль Верн проходил по выставке не как парижанин, но как путешественник, прибывший из другой страны. Когда-то, в годы одиночества, каждый вечер он в воображении сталкивался лицом к лицу с впечатлениями дня, которые словно поджидали его толпой, безмолвно требуя, чтобы он пережил их снова. Теперь все повторялось в обратном порядке: его обступали замыслы, фантазии, мечты — дети его воображения, создания ума, внезапно материализовавшиеся и ставшие весомыми и видимыми. И порой писателю казалось, что он превратился в своего собственного героя и блуждает по страницам своих романов — страницам, выросшим внезапно до размеров целой Вселенной.

Генераторы электрического тока теснились вдоль южной стены дворца. Они приводили в движение бесчисленные механизмы, восхищавшие и изумлявшие зрителей. В центральном зале, где посредине бассейна стоял маяк, по воде плавала электрическая лодочка, делая круги. Небольшая модель аэростата, снабженная аккумуляторами, плавно поднималась и опускалась с помо-

щью электричества. Работали электроплуги, электроводоканчки и электрифицированные станки. На видном месте красовался «прибор для сверления подземных галерей». Посетители могли узнавать время по электрическим часам, танцевать под звуки электрического фортепьяно «мелограф» и при помощи специальных наушников слушать певцов, выступающих в Большой опере, за несколько километров от выставки. У маленькой будки теснились любопытные, жаждущие «поговорить через проволоку», а в другом углу желающие могли осмотреть целую «квартиру будущего» — с электрическим освещением, телефоном, электрокамином и даже... электрическим утюгом.

Но ведь почти двадцать лет назад доктор Фергюсон зажигал над Африкой свою дуговую лампу, а профессор Лиденброк во время подземного путешествия пользовался портативным электрическим фонарем! И разве в романе «Двадцать тысяч лье под водой» не было двенадцатой главы «Все посредством электричества» — вдохновенного гимна великой силе природы?

«Есть двигатель могучий, послушный, быстрый, легкий, поддающийся всевозможным применениям и который неограниченно господствует на моем судне. Все совершается посредством него. Он меня освещает, согревает меня, дает жизнь моим механическим аппаратам. Двигатель этот — электричество...»

Да, задолго до их появления Жюль Верн предсказал электрический мотор и трансформатор, дуговую лампу и лампу накаливания, электропечь, электрические часы, кухню, согреваемую электричеством, электрическое телеуправление, электрозащиту при помощи высокого напряжения — вспомните дикарей в Торресовом проливе, пытавшихся атаковать «Наутилус»...

Но значит ли это, что Жюль Верн был чем-то вроде пророка, предсказывающего будущее и указующего на целое столетие пути науке и технике? Значит ли это, что научная фантастика представляет собой не один из разделов литературы, но особый вид научного творчества, способ заглянуть далеко в грядущие дни?

Внимательный анализ творчества Жюля Верна, его научных и технических идей дает нам очень ясный ответ на эти важные вопросы.

Самые удивительные для его века изобретения Жюль Верна созданы вовсе не его необычайной фантазией, но взяты из окружающей его действительности: они лишь дальнейшее смелое и вдохновенное развитие тех идей, которые уже существовали в его время — в замыслах, проектах, чертежах. Именно поэтому так реальны подробности его романов, несмотря на фантастическую обстановку.

Конечно, за истекшее столетие наука неизмеримо выросла: были открыты новые, неведомые раньше области; то, что во времена Жюль Верна было страной Неизвестного, ныне застроено величественными зданиями научно-исследовательских институтов и лабораторий. Жюль Верн был одним из самых образованных людей своего времени, но он был сыном своего века, и поэтому так легко критиковать его тем, кто не понимает художественного замысла многих его романов,—вспомним намеренную цепь ошибок в романе «Таинственный остров».

Научная фантастика только тогда и сильна, когда, выражая идеи своего века, видит их уже воплощенными в действительности. Но писатель не может указать пути конструктору к конечной цели, которую он сам увидел в воображении уже ожившей. Торопясь в будущее, писатель поневоле перескакивает через какие-то этапы работы инженера, как прием вводит фантастические и даже совсем «ненаучные» подробности, чтобы сконцентрировать в смелом художественном образе мечту своего времени.

Строго разбирая роман «Пять недель на воздушном шаре», можно сказать: разложение воды требует такого расхода электроэнергии, что самая сильная батарея не сможет сдвинуть шар с места. На это, конечно, можно возразить, что в ту эпоху, когда писался роман, идея сохранения энергии не имела еще той ясности и всеобщности, какую приобрела в наши дни, и что Жюль Верн был вполне на уровне научных знаний своего века... Но весь этот спор, по счастью, не имеет никакого отношения к замыслу писателя.

Жюль Верн мог, согласно с идеями своего времени, недооценить несоответствие затраченной и полученной энергии, но мог также и просто умолчать об этом несоот-

ветствии. Важно было то, что он сумел загипнотизировать читателей и заставить их поверить в его мечту. А что это так, доказывает жизнь К. Э. Циолковского, который не раз признавался в том, что его собственные идеи рождены под влиянием идей Жюль Верна.

Верил ли сам Жюль Верн в то, что в глубинах земли обитают давно вымершие животные, что по подземным переходам можно проникнуть к самому центру планеты? Очень и очень сомнительно. Неужели он не знал, что люди, заключенные в пустотелом ядре, не смогут выдержать толчок при выстреле? Поверим диплому консультировавшего этот роман профессора Гарсе, который не мог этого не знать. Но тогда, значит, Жюль Верн сознательно допустил в своих романах такие грубые, с точки зрения науки, промахи и просчеты?

Да, предположение о том, что внутри Земля полая, ошибочно. Но достаточно принять эту гипотезу, и постепенно, шаг за шагом, с железной убедительностью перед читателем разворачивается фантастическая картина скрытой жизни нашей планеты.

Да, артиллерийский снаряд — плохой межпланетный корабль, смертельный для пассажиров. Но для середины XIX века это единственное средство преодолеть тяжкое ярмо земного тяготения. А когда мы выходим на космический простор — какой необычайный мир открывается нашему несовершенному зрению! Какие тайны природы становятся ясными пытливому уму!

Жюль Верн знал очень хорошо о невозможности полета в пушечном ядре, но ему нужно было указать на мирное применение артиллерии, превратить ее из орудия уничтожения в средство транспорта. А о том, что он догадывался и о других формах движения в пустоте, говорит применение ракет для изменения движения ядра колумбиады.

Нет, будущее лишь незримо присутствует в романах Жюль Верна, действие же их всегда начинается в ту эпоху, когда они написаны и опубликованы. Это легко проверить, так как Жюль Верн всегда был очень пунктуален и очень точен во всем, что касалось времени и места действия его произведений. Сюжеты его — мечта его времени, воплотившаяся в жизнь, ставшая реальностью. И ему совсем не было важно, такими ли будут воз-

душные, подводные и межпланетные корабли будущего; он знал только, что люди *будут* летать и спускаться на морское дно и проложат дорогу к звездам.

Шестидесятые годы XIX века были удивительной эпохой, когда то, что в мире идей долгие годы накапливалось понемногу, словно прорвав плотину, хлынуло в мир действительности. Этим широким умственным движением были в той или иной степени охвачены многие страны. В нем сочетались все идеи этого замечательного времени: веяние свободы, материализм, реализм. Этим воздухом дышал Жюль Верн в лучшие годы жизни.

Великое счастье родиться в ту эпоху, которая нуждается в тебе. Мало иметь крылья — нужно иметь воздух, о который они могут опереться. Эпоха, прогремевшая бурей над Европой, подняла в воздух — к солнцу и свету — многих, чья жизнь в других условиях прошла бы незаметно. Чтобы стать наравне с этой эпохой, мало было своевременно родиться, — нужно было еще иметь крылья.

У Жюль Верна были крылья.

Еще при жизни писателя многие его фантастические проекты стали уходить в прошлое и действительность стала перерастать его мечты.

Первая в мире электрическая подводная лодка русского изобретателя Джевецкого на деле доказала всему миру преимущества нового, небывалого до тех пор вида энергии. Бельгийский рабочий Грамм построил первые в мире динамо-машину и электромотор. Профессор Московского университета Жуковский уже создал теорию полета, и юные, еще неуклюжие воздушные корабли тяжелее воздуха русских, французских, английских и американских авиаконструкторов делали первые попытки взлететь к небу. Созданный гением Александра Столетова фотоэлемент открывал дорогу новому веку — веку телемеханики и автоматики. Петербургский профессор Попов не только передавал телеграммы без проводов, но и намечал пути для радиолокации при помощи электромагнитных волн. И в далекой Калуге Константин Эдуар-

дович Циолковский уже проектировал первые в мире межпланетные корабли...

И тем не менее книги Жюль Верна продолжали владеть тысячами и десятками тысяч умов и сердец. Больше того: его слава все возрастала, и целый дождь писем падал на специальный стол его кабинета, расположенного в уединенной башне, пролетев множество зеленых лье и темно-синих миль.

После смерти писателя прошло больше шестидесяти лет. Свыше столетия отделяет нас от дня опубликования его первого произведения. Над обоими полюсами проносятся огромные воздушные корабли, ввысь поднимаются вертолеты, в темные пучины океана опускаются подводные лодки и батисферы, за пределы земного тяготения взлетают гигантские ракеты и космические корабли, ведомые рукой человека, но уже не тысячи, а миллионы читателей все с тем же волнением раскрывают книги Жюль Верна, чтобы следовать по ледяной пустыне к полюсу за капитаном Гаттерасом, лететь вокруг земного шара на «Альбатросе» инженера Робура, бродить по подводным лесам вместе с капитаном Немо и стоять рядом с Мишелем Арданом в гигантском алюминиевом ядре, летящем в межпланетном пространстве.

Читателей книг Жюль Верна влекли к ним — и продолжают увлекать и в наши дни — не «Наутилус», потому что подводные лодки существовали и до него; не «Альбатрос» — ведь в эту эпоху все, кто интересовался техникой, знали и проект «аэродромической машины» Ломоносова, и чертежи helicopters Коссю, Лаланделя и Понтон д'Амекура; и даже не межпланетный корабль пушечного клуба: в старых книгах, которые сам Жюль Верн читал в детстве, можно было узнать по крайней мере о двух десятках вымышленных путешествий на Луну и другие планеты.

Читателей больше всего влекли к себе люди — те, кто создал все эти чудесные машины, и вдохнул в них жизнь: ученые, изобретатели, инженеры, полные веры в науку и безграничное могущество человека, не выдуманные идеальные, положительные герои, но живые люди, которым можно и должно было подражать!

Своей долгой жизнью книги Жюль Верна обязаны не только его литературному таланту. Нет, это победа соз-

данного им нового литературного жанра, торжество новых героев, воплотивших в себе многие черты человека завтрашнего дня.

Ушли в прошлое фантастические проекты Жюль Верна, и действительность переросла его мечты, но живы по сей день его герои, и до сих пор они волнуют читателей.

Юноши, девушки, дети, раскрывая книги Жюль Верна, входят, как сквозь широко распахнутую дверь, в великолепный мир, полный красок, движения и жизни. В его чистых, бескрайних далях они видят сразу все страны света и все человечество, борющееся с силами зла и всегда их побеждающее, завоевывающее подземные, подводные, заоблачные и надзвездные края, неудержимо стремящееся вперед, в еще более великолепный мир победоносного будущего.

Греческое слово «география» буквально значит «описание Земли». Сто томов сочинений Жюль Верна — это тоже география, но ожившая, одухотворенная обаятельными героями, которые идут по земному шару не как каталогизаторы или собиратели коллекций, но как открыватели и завоеватели Вселенной, которую они отдают во владение освобожденному человечеству. И эта география никогда не устареет, как бы ни изменилось лицо Земли за истекшие годы, как никогда не стареет история подвигов человеческого ума.

Мы любим живой и легкий язык французского писателя, полный юмора, блестящих сравнений и чудесных лирических отступлений. Мы никогда не устаем следить за необычайными приключениями его героев — находчивых, бесстрашных и благородных.

И каждый раз, закрывая его книгу, мы чувствуем, что он вдохнул в нас оптимизм и веру в беспредельное могущество человека.

Мы любим Жюль Верна за то, что он был первым, кто открыл читателям поэзию науки, романтику и героизму научных подвигов, кто повел читателей в творческую лабораторию ученого, изобретателя, кто позвал людей завоевывать будущее.

Патриот, считающий Францию вождем мирового прогресса, Жюль Верн в то же время был чужд национальной и расовой ограниченности. Ему мало было Франции и Европы, ему нужен был весь земной шар, чтобы пока-

зять могущество и труд человека — любой национальности, с любым цветом кожи.

Охотник-готтентот Мокум, рабыня Зерма, негр Геркулес, австралийский туземец Толине, индианка Ауда, турок Керабан, действующие лица романа «Треволнения одного китайца» — все они стоят наравне с европейцами и американцами. А индеец Немо и негр Наб поставлены даже выше: один — как великий борец за свободу, другой — как участник утопической коммуны на Таинственном острове. И мы любим Жюль Верна за его гуманизм, за его патриотизм и интернационализм.

В литературе и раньше существовали книги, герои которых летали на управляемых воздушных кораблях, путешествовали в глубинах Земли, плавали на чудесных подводных лодках и посещали другие планеты.

Но вся эта фантастика была не более чем игрой ума, чистым вымыслом, не опирающимся на реальные завоевания науки и техники. Жюль Верн первый создал реалистическую фантастику, вырастающую из успехов науки и завоеваний техники его времени, смело воплощая в живые художественные образы не мечту-сказку, но мечту научную и техническую, реальную мечту своего века. Вот почему его книги были первыми подлинными научно-фантастическими произведениями.

Красоту природы и искусства он дополнил новой красотой — красотой и романтикой творческого труда. То, что казалось другим серым, обыденным, слишком отвлеченным, он заставил стать необыкновенным, засверкать всеми красками, показал полным блеска и движения.

Романтика обыкновенного — вот постоянный, вечно меняющийся и всегда прекрасный пейзаж его «Необыкновенных путешествий».

Но что важнее всего — сюжет каждого романа рождается не из саморазвития технической идеи, но из целей и стремлений его романтических героев.

Успех лучших книг Жюль Верна — это победа созданного им и впервые введенного в литературу нового героя, воплотившего в себе многие черты человека завтрашнего дня.

На смену герою-аристократу, герою-мещанину, герою, не видящему, куда применить свои способности и силы, в произведениях Жюль Верна в литературу пришел но-

вый герой — инженер, изобретатель, борец за свободу угнетенного человечества. Сцена, где он действует, — не узкий домашний круг, не светский салон или придворное общество, но его мастерская, его лаборатория — воздушная, подземная, подводная, пусть даже межпланетная, и открываемый им заново огромный великолепный мир. Дело его жизни — вдохновенный творческий труд.

В нашей памяти живут и долго еще будут жить в памяти многих поколений гений моря, великий ученый и революционер Немо, Гленарван и его спутники, колонисты острова Линкольна во главе с инженером Сайресом Смитом, подлинным воплощением науки, делающей человека всемогущим, смелый разведчик Марсель Брукман, капитан Гаттерас, доктор Клаубонни, профессор Лиденброк, инженер Робур, ученый-географ Паганель, профессор Аронакс, Мишель Ардан — все эти герои, порой чудаковатые, но всегда лишенные страха, полные веры в человеческое могущество и в науку, которая для них поистине является волшебным философским камнем, открывающим дорогу в запретные, казалось бы, миры: подводный, подземный, заоблачный и межпланетный!

Все эти герои живы для читателей и по сей день.

Пусть образы этих героев по своей жизненности уступают героям великих писателей-реалистов XIX века. Но это хотя и схематическая, но все же попытка создать людей завтрашнего дня. Это то новое, что внес в литературу Жюль Верн! Новое в момент появления всегда бывает гораздо более слабым, чем старое, и в природе и в общественной жизни. Но оно принадлежит будущему и поэтому — непобедимо.

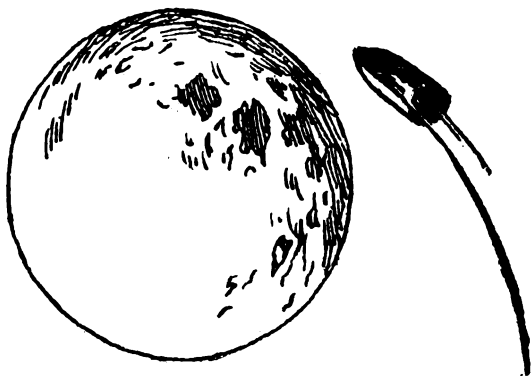
Как чужд созданный гением Жюль Верна молодой и широкий мир тесному миру современной научной фантастики буржуазного Запада, полному расовой ненависти, угнетения и уничтожения, живущему пафосом распада и смерти! Словно гора, освещенная солнцем, возвышается Жюль Верн над этим страшным болотом, дышащим зловонными, ядовитыми испарениями!

В своих романах Жюль Верн обращался преимущественно к молодежи и людям будущего, которые, как он верил, будут читать его произведения. Эти будущие поколения он хотел научить любить свободу и верить в грядущую победу освобожденного человечества над силами

зла и косной природой. Вот почему мы продолжаем и сейчас считать его великим воспитателем.

Многие ученые, изобретатели, путешественники, инженеры с гордостью признавали ту роль, которую сыграл Жюль Верн в формировании их мировоззрения, в выборе ими профессии. А сколько их, еще не вышедших на широкую арену жизни, еще сидящих за своими школьными учебниками и тетрадками, сколько их, чье творческое воображение впервые разбужено книгами Жюль Верна!

...Над его могилой воздвигнут памятник: высеченная из мрамора фигура Великого Мечтателя поднимает гробовую плиту и жадно протягивает правую руку вверх, к небу. «К бессмертию и вечной молодости» — гласит лаконичная надпись.

МОРЯК И ОХОТНИК С ХОЛМОВ

Э то был человек необыкновенной, страшной внутренней силы. Его жизнь была подвигом, так как рядом с ним всегда стояла беспощадная безносая Смерть — стоило лишь поглядеть через плечо, и он мог увидеть ее ненавистную щербатую улыбку. Но он не боялся ее так, как боялся ее Гамлет: «Умереть—уснуть. И видеть сны, быть может?..» Страшно видеть мучительные кошмары, но в конце концов человека ждет пробуждение. Мертвец же, объятый жестокими снами, не проснется никогда, никогда, никогда...

Но Роберт Луис Стивенсон, а речь идет о нем, не только не боялся смерти — он презирал ее. Однажды, посетив лепрозорий на Гавайских островах, где жили прокаженные, обреченные на медленную, мучительную, безобразную смерть, он попросил у одного больного, у которого руки уже превратились в чудовищные клешни, а лицо, покрытое струпьями, стало маской химеры, недокурную папиросу и докурил ее до конца. В этом, конечно, было поразительное бесстрашие — самое трудное

победить не страх, а боязнь оказаться трусом,—но в этом было и величайшее презрение к смерти: ведь он знал, что все равно не доживет до сорока пяти лет...

Он был романтиком в душе, и его привлекали синева моря, далекие страны, зеленые острова, крылатые корабли. Он писал об этом еще в своих детских стихах и часто видел все это во сне. Позже он увидел это наяву, но не потому, что в южные моря его привлекла страсть исследователя. Просто его гнала неумолимая смерть — от одного туберкулезного санатория к другому, с севера на юг: из Шотландии на южный берег Англии, потом на Лазурный берег Средиземного моря, позже — в Давос в Швейцарии, на горные курорты Америки и, наконец, на Гавайские острова. Свою вторую родину он нашел на островах Самоа, на юге Тихого океана. Там и окончилась его короткая жизнь, половину которой он провел в постели. До самого последнего дня он находил силы и мужество работать, сохраняя ясность ума, блеск и великолепие своего неповторимого стиля, яростную силу воображения... Только дышать становилось все труднее!

Больше всего на свете он любил свою родную Шотландию. И когда из высокого дома на острове Уполу, окруженного с трех сторон верандами, он выходил на прогулку, то гора Ваеа казалась ему Бальдьюддером, вздымающим зеленые склоны в тусклое шотландское небо. Он поднимался выше, и дышать становилось все легче — сюда не достигал влажный и неподвижный жар долин, здесь его овевал ветер бесконечного океана. Он не замечал ни домов с коричневыми кровлями, темных внутри, ярко освещенных тропическим солнцем снаружи, ни мужчин в зеленых венках, ни женщин в ярко-красных и голубых одеждах, ни равнодушного кипения джунглей. Ему казалось, что он поднимается на вершину Пентлендского холма у себя на родине, и он видел всю страну, расположенную на склоне до самого моря, а на длинном горном кряже — Эдинбург с его замком, воздвигнутым на скале. Несмотря на очень далекое расстояние, он мог даже ясно разглядеть суда, стоящие на якоре или плавающие по заливу, и различить флаг, развевающийся на башне замка. Вокруг него раздавались крики детей и свист тропических птиц, а он слышал девятичасовой сигнал горна со стен замка или песнь шотландской флейты

где-то на зеленых склонах Бальдзуддера. И ему казалось, что он идет об руку со своей милой молодостью. А внизу, в большом доме Вайлима, давно беззвучно лежали две флейты, но он никогда не брал их в руки: в больших легких не хватало воздуха...

Местные жители прозвали его «Тузитала», что означает: «Рассказчик историй». От них он слышал легенды южных морей — о волшебной бутылке, исполняющей все желания, об Острове голосов, о прибрежных раковинах, которые местные колдуны превращают в новенькие серебряные доллары, а он в ответ своим слабым, хрипловатым голосом пел шотландские песни и рассказывал о горных кланах, различающихся расцветкой шотландских пледов — тартанов, о вражде кланов, о хайлендерах и лоулендерах — жителях гор и жителях долин. Но все было понятно в этих рассказах большим детям островов Самоа, но они любили чудесного рассказчика и гордо именовали себя «кланом Тузиталы».

Врачи считали удивительным, что он дожил до тридцати лет, и чудом, что он перешагнул за сорок. Его жизнь, мучительная для слабого тела и блистательно яркая для его мужественного духа, длилась всего лишь сорок четыре года и один месяц. Он умер как солдат, не бросая оружия: с пером в руках.

Друзья похоронили его на труднодоступной вершине горы Ваеа и на могильном камне начертали строки из его «Реквиема», написанного еще в годы юности:

Здесь он лежит, где так страстно желал,
Домой вернулся моряк, домой с моря.
И охотник домой вернулся с холмов...

1

Английский художник Тернер всю жизнь мечтал нарисовать солнце, нарисовать так, чтобы его лучи освещали комнату, где висит картина, и его свет слепил глаза зрителю. Буря света бушует на его полотнах, где странные краски смешаны в неправдоподобном блёске. Но на одной картине господствует не солнце, а луна, чье волшебное сияние освещает высокую башню, которую обнимают три всплеска зеленой волны, будто притягиваемой

луной, и призрачный корабль, похожий на крыло чайки. Картина эта называется «Маяк Белл Рок».

Инчкарпский риф был одним из самых опасных мест на побережье Шотландии. Двенадцать футов воды покрывают его в прилив, а в отлив лишь адское кипение пены выдает его присутствие. Много кораблей нашли здесь свою гибель. Мечта воздвигнуть на рифе маяк казалась неосуществимой. И все же нашелся смельчак, который на скале Колокол, звучащей в бурю, как набат, построил высокую башню — маяк Белл Рок. Роберт Луис Стивенсон с детства привык считать эту высокую каменную башню одним из своих предков, потому что воздвиг ее его дед, инженер Роберт Стивенсон.

Предки будущего писателя со стороны отца были скромными фермерами-арендаторами из окрестностей Глазго; со стороны матери — священниками, адвокатами, врачами. Родословная отца насчитывала два, матери — четыре столетия. Но от всех их не сохранилось ни дат, ни характеристик. Только в доме деда мальчик мог видеть портреты своих предков — Бальфугов, лэрдов Пильрига, или по-английски лордов, в пудренных париках, с длинными овальными лицами и широко расставленными глазами.

Писатель очень интересовался своей родословной и за три дня до смерти писал двоюродному брату, требуя у него сведений о Мак-Грегорах и Стивенсонах. И не случайно в его книгах мы так часто встречаем Бальфуров: он брал для героев имена и характеры своих предков. Многие книги Стивенсона составляют нечто вроде биографии его рода, в котором воплотились лучшие традиции и характернейшие черты любимой его Шотландии.

Инженер Роберт Стивенсон, его дед, был одним из самых знаменитых людей своей страны. Он построил двадцать маяков, конструировал мосты и создал первый в мире мост, висящий на цепях. Он строил Восточную дорогу, был одним из основателей Королевской обсерватории Эдинбурга и членом Королевского общества Шотландии. Но самым гордым его творением был маяк Белл Рок. Сэр Вальтер Скотт, собирая материал для романа «Пират», в 1814 году посетил знаменитый маяк и познакомился со Стивенсоном. Великий шотландский поэт назвал знаменитого инженера «инспектор и вице-ко-

роль»: в те годы Роберт Стивенсон был неограниченным владыкой организованного им Управления северных маяков. У него было тринадцать детей. Его седьмой сын, Томас, ставший в двадцать восемь лет компаньоном отца, тридцати лет женился на девятнадцатилетней Маргарет Изабель Бальфур, тринадцатой дочери преподобного Льюиса Бальфура из Пильрига, настоятеля в Колинтоне. 13 ноября 1850 года в маленьком домике на Говард-Плейс под № 8 у них родился сын Роберт Луис Стивенсон.

Отец звал мальчика Смаут, что означало, если перевести буквально,— «Малёк». Все остальные звали его Лу. У мальчика было необыкновенно узкое лицо, удивительно широко расставленные глаза и длинные нервные пальцы художника или музыканта. Глаза его запоминались надолго, но никто не мог точно определить, какого они цвета. «Темные», говорили одни, «почти черные», спорили другие. Мать Лу записала в своем дневнике: «голубые сначала, они постепенно стали газельими».

Маленький двухэтажный дом из серого камня, очень шотландский, с двенадцатистекольными рамами, стоял на северной окраине Эдинбурга. Комнатики в нем были маленькие, но уютные. На стенах висели прекрасные гравюры Давида Юма. Перед домом был небольшой садик в девять футов шириной, отделенный от тихой улицы железной решеткой.

Лу был единственным ребенком в семье. Отец редко бывал дома: на своем боте «Фарос» он постоянно инспектировал «маяки Стивенсонов», как их называли в народе. Характер матери был неровным. В ней была примесь французской крови, и она то была очаровательно легкомысленной и играла с сыном, как девочка его возраста, то становилась недоступно чопорной светской дамой. Единственным неизменным и верным другом мальчика была его няня Алисон Каннингхем, которую он звал Камми. Ей он посвятил свою книгу «Детский мир стихов». Ее он любил больше всех и оставался ей верен всю жизнь.

Мальчик очень рано стал жить в воображаемом мире, который был улучшенной, но бесконечно маленькой копией мира реального. Он часто болел и целые недели проводил в Стране Кровати, как он сам ее называл. Он

любовался своими сокровищами: это были орехи, собранные у ручья, свисток из тростника, камень, «содержащий золото», и стамеска, которую ему подарил «настоящий столяр». Подлинный мир казался маленькому мальчику слишком громоздким; он предпочитал представлять себе, что диван — это горы, а ковер — глубокое море. Солдатики маршировали по одеялу, как по ущелью между гор, корабли плыли по простыням, подушки были айсбергами или снежными вершинами; он строил города из кубиков, а сам, как великан, возвышался над всей страной...

Когда приходило время спать, мальчик думал о том, что Солнце никогда не спит, что оно идет вокруг всей Земли, что в Америке сейчас рассвет. А когда наступало утро, он говорил, что сейчас на той стороне земного шара мать укладывает спать маленьких индейцев. За окном шел дождь — не тяжелый тропический ливень, а легкий и светлый шотландский дождь, падающий сквозь туман и бледные солнечные лучи, — и мальчик представлял себе, как струи воды стекают по зонтику, по кровле или падают на корабли в бушующем море.

Сквозь полудрему он всегда слышал музыку — ту музыку, что нельзя вспомнить, когда проснешься. Но он знал, что дрозд поет о яйцах и червях, матрос — о седом океане, о блеске южных звезд и о кораблях, и что шарманщик продолжает старческим дрожащим голосом петь свою песню и под дождем. И даже во время дождя ветер не перестает играть с деревьями.

А когда наступала зима, Камми читала ему сказки из старой книги с картинками, и он знал, что замерзли реки и ручьи в стране, но они живы в книге, погибли цветы в саду и поле, но ярко расцветают на цветной картинке. И он засыпал, улыбаясь, с ощущением счастья и видел во сне светлячков, похожих на цветы, и цветы, похожие на светлые детские глаза...

2

Семи лет маленький Лу стал ходить в приготовительную школу мистера Гендерсона, расположенную всего в ста ярдах от их нового дома на Хериот-Рау, куда недавно переехала семья Стивенсонов. Дом был светлый, окнами

на юг, а позади него лежало целое море садов — вплоть до Куинс-стрит. Атаки болезни постоянно отрывали мальчика от учения, и наконец он на два года должен был оставить школу. Но все же при помощи учительницы ему удалось открыть новый мир, еще более удивительный, чем Страна Кровати. Это была Страна Книг.

Его любимцами стали Робинзон и Кристиан из «Странствий паломника» Бениана — книги, известной в Англии и особенно в Шотландии не меньше, чем Библия. На чердаке Лу нашел пухлую книгу под названием «Арабские ночи». В его неукротимом воображении все прочитанные им истории — иногда жестокие или ужасные, но всегда полные приключений — о кораблекрушениях, о нарушителях закона, о высоких маяках, о диких кланах, живущих в зарослях вереска, об изгнанниках, тайно возвращающихся в родную Шотландию и прячущихся в скрытых убежищах, смешивались с рассказами Камми о храбрых конвенантерах, не раз восстававших против английского владычества, или о разбойнике Макферсоне, который шел к виселице, приплясывая и играя на гитаре...

Это был его собственный мир, куда не допускались взрослые. Пока старшие важно восседали за большим столом, мальчик прокрадывался тесной и глухой тропинкой, во тьме, как казалось ему, в свой маленький и огромный мирок, где все было настоящим и ненастоящим: и горы, и леса, и звезды, и пустыни, и львы, идущие на водопой ревущей стаей.

А весной, как только просыпались реки и ручьи, к дому подкатывал старинный семейный фазтон из Колинтона, где жил дед мальчика, преподобный Льюис Бальфур. Колинтон — живописная деревушка, расположенная на отмели у Лейса, у подножия Пентлендского холма. Там его встречало целое войско двоюродных братьев и сестер: сорок — со стороны Бальфуров и двадцать один — со стороны Стивенсонов, «Стивенсонов-маяков», как их называли. Многие именовались Льюисами, в честь деда, и, для того чтобы отличить их, к имени мальчика обычно добавляли название места, где он родился. Так появились Дели Льюис, Пуна Льюис и Кремонд Льюис. И всеми предводительствовала старшая сестра матери, Джейн, «вождь наших теток».

Почтенный седовласый настоятель Колинтона считал необходимым пичкать мальчика порошком Грегори и ячменным сахаром, которого Лу не выносил. Одна тетя Джейн понимала своего любимца. Как-то она показала ему кость из крыла альбатроса, который может спать в воздухе над океаном, и еще больше распалила его неукротимое воображение.

Фантазии Лу, несмотря на то что он был самым младшим, невольно заражали всех остальных. Он уверял, что в саду пасторского дома живут карлики, призраки и гномы, утверждал, что на отмели нашел кости древних викингов, и всем хотелось ему верить. Исследуя протекающий вблизи ручей, он храбро вошел в коричневую воду и открыл остров — бесспорно необитаемый!

Однажды он встретил на берегу незнакомого мальчика.

— Ты высадился на необитаемый остров? — строго спросил Лу.

Мальчик явно не читал «Робинзона» и не знал, что такое необитаемый остров. Поэтому он несколько неуверенно ответил:

— Нет...

— Посмотри на этот пустынный берег! — закричал Лу, сверкая глазами, охваченный азартом игры. — Представь, что ты на необитаемом острове, без пищи и без оружия. Что ты будешь есть?

— Рыбу, — робко ответил мальчик, по-видимому не очень ясно представлявший свое бедственное положение.

— Смешно! Как же ты сможешь поймать рыбу, плавающую в море, если у тебя нет никаких снастей?

— Может быть, креветок? — упавшим голосом предположил мальчик.

— Но они зарываются глубоко в песок, и их не так-то легко поймать. А потом, их нужно варить, а у тебя нет даже котелка.

Мальчик представил себе нежно-алый цвет маров и лангуст, поданных на блюде на стол, и покорно замолчал.

— Видишь ли, — сказал торжествующий Лу, — я давно все это обдумал. Папе перед обедом обычно подают устрицы, и я однажды попробовал съесть одну. Это не очень-то вкусно, зато очень питательно...

В день его рождения тетя Джейн подарила своему любимцу игрушечный меч, «недостаточно игрушечный», по мнению Камми, и достаточно серьезное оружие, чтобы удовлетворить страсть мальчика ко всему смелому и мужественному. Но, хотя он чувствовал себя сильным и хорошо вооруженным мужчиной, в туманные или холодные дни его пускали гулять только закутанным в огромную шерстяную шаль, которую он с горькой иронией именовал своим «тартаном».

Его самой любимой игрушкой был большой ящик с деревянными солдатиками, который тетя Джейн торжественно привезла в семейном фаэтоне с рынка.

Любопытно, что мальчишеская страсть к оружию, к игрушечным солдатам и игрушечным войнам сохранилась у Стивенсона на всю жизнь. Когда ему было двадцать девять лет, он с гордостью показывал Ллойд Осборну, своему пасынку, обыкновенную с виду тросточку, внутри которой был спрятан остро отточенный стилет, и они серьезно обсуждали преимущества дубинки, пистолета и туго свернутой полосы стали как личного оружия.

Один из друзей писателя рассказывает об обеде, на котором он присутствовал, длившемся бесконечно, потому что «войска генерала Стивенсона делали марши и контрмарши между банкой с горчицей и солонкой, пока не были сокрушены фланговым ударом со стороны блюда с маслинами». Луису было больше тридцати лет, когда миссис Дженкин, жена профессора Эдинбургского университета, застала в школьной комнате своего четырнадцатилетнего сына и Стивенсона. Оба лежали на полу, поглощенные ужасающим, хотя и миниатюрным сражением. Услышав ее шаги, Луис поднял голову и закричал: «Смотрите, это не по правилам! Что я могу сделать, когда он все время подкапывается под мои земляные укрепления?» Но нужно сказать, что, любя битвы и сражения, Стивенсон ненавидел их последствия: кровь, раны, трупы. Он предпочитал великолепные поединки и кровавые стычки в книгах действительным войнам. И достаточно ему было обрезать палец, как один лишь вид текущей крови заставлял его бледнеть и почти терять сознание...

Старый джентльмен с седыми волосами и красным лицом, восседающий в старинном кресле красного дере-

ва в саду, надолго остался в памяти мальчика. Он рассказывал внуку о подвигах миссионеров, путешествовавших по диким странам. Воображение мальчика сразу нашло себе пищу. Лу решил, что овцы и лошади не знают Библии, поэтому читал по воскресеньям проповеди лошади деда или рассказывал овцам о христианских мучениках...

После двухлетнего перерыва, вызванного болезнью, Лу снова пошел в школу. Оттуда он перешел в так называемую Эдинбургскую академию, где учились многие Бальфуры. Через год его отправили в Англию, в школу Торкуэй, так как его родители решили предпринять путешествие по Европе. Когда они были уже в Ментоне, Лу послал им жалобное письмо. Оно было начато на плохом французском языке — таком, какому учили в английских школах, — но, по мере того как мальчика охватывало отчаяние, он постепенно переходил на более близкий ему английский язык. Заканчивалось письмо грустными фразами: «Мой дорогой папа, ты просил меня сказать тебе, когда я буду чувствовать себя несчастным. Я чувствую себя плохо, и я хочу домой. Возьмите меня с собой...»

Томас Стивенсон и его жена не могли не внять мольбам своего единственного сына, и торжествующий Лу отправился в Ментону. Там они прожили несколько месяцев. С ним занимались частные преподаватели. Потом Стивенсоны совершили феерическое путешествие в Геную, Неаполь, Рим, Флоренцию, Венецию и вернулись обратно на пароходе вниз по Рейну. Роберт Луис Стивенсон возвратился в Шотландию повзрослевший, окрепший, с неплохим знанием немецкого, французского и итальянского языков — ведь он изучал их не в школе, а на их родине...

Отец часто брал мальчика в клуб, где он прислушивался к разговорам взрослых — о политике и теологии (он их не терпел) и об искусстве. Томас Стивенсон любил архитектуру и научил мальчика разбираться в стилях. А однажды он взял Луиса в свою инспекционную поездку по северным маякам, и тот наяву увидел мечту своего детства — топазовые и рубиновые вспышки на высокой башне Белл Рок...

В день своего рождения мальчик получил в подарок пони — маленькую, но выносливую и резвую лошадку.

Так как пони его двоюродного брата Боба назывался Ад, а у двоюродной сестры Кетрин, которую Луис именовал по-шотландски Катриона,—Небеса, то юноше ничего не оставалось, как назвать свою лошадку Чистилищем. Они устраивали веселые гонки по Королевской дороге и бродили вместе по суровым зеленым холмам своей милой Шотландии.

Тринадцати лет Луис стал редактором школьного журнала, а в пятнадцать лет написал первую книгу: «Пентлендское восстание. Страница истории 1666 года». Известный эдинбургский книгопродавец Эллиот издал ее в количестве ста экземпляров (конечно, на деньги Томаса Стивенсона). Эта книга в ярко-зеленом переплете ценой в четыре пенса ныне ценится дороже всех книг Стивенсона.

Курс обучения в Эдинбургской академии подходил к концу. Луис блистательно знал литературу и историю, но все остальные предметы были ему совершенно чужды. Правописание его казалось учителям несколько странным или, как они вежливо выражались, «забавным». Оно осталось таким до конца его жизни.

Где же теперь, по окончании школы, поселится на постоянное жительство Роберт Луис Стивенсон? Везде — и нигде! Слова «постоянное жительство» никак не соответствовали облику человека, чьи инициалы Р. Л. С. скоро стали известны всему миру.

3

В 1867 году, когда Луису было семнадцать лет, Томас Стивенсон купил Суонстон-коттедж, чтобы поселиться в нем навсегда. Каменный дом стоял на склоне Пентлендского холма, а перед ним зеленели пышные пастбища, простиравшиеся вплоть до Аллермюира, Казркеттона и Холкерсайда. Всего в получасе ходьбы лежал Эдинбург: из угла сада хорошо виден был Эдинбургский замок, а со стен замка можно было разглядеть зеленую крышу Суонстона. Это ее показывала прекрасная Флора французскому пленнику в романе «Сент-Ив», и в Суонстоне Флора и ее брат Рональд прятали шевалье де Сент-Ива после его смелого побега из Эдинбургского замка.

Семья собиралась в этом уютном старом коттедже лишь с мая по октябрь. Жестокая зима — такой она, по крайней мере, казалась больному Луису и изнеженной миссис Стивенсон — гнала их осенью на юг Франции, а стареющий Томас Стивенсон коротал свое одиночество в молчаливом пустом доме на Хэриот-стрит или в своей конторе на Джордж-стрит.

Но настоящим домом для Луиса был Суонстон. И в мае, открывая утром окно, выходявшее в заросший старый сад, Луис глядел на зеленые склоны холма, поросшего вереском, на овец, щиплющих траву и позвякивающих колокольчиками на лугах, на дымы любимого Эдинбурга, слушал журчание ручья, протекающего через сад, звуки шотландских флейт, чей чистый и светлый голос не мог забыть до конца жизни, песню далекой волынки, и его охватывало ощущение покоя и счастья: он снова дома, в своей милой Шотландии.

В годы юности Луис широко был известен в Эдинбурге под прозвищем «Бархатная куртка». Он был неутомимым пешеходом и исходил в сопровождении своего верного терьера Кулина все окрестности Суонстона и далекие холмы и изучил их кровавую историю, начиная со сражений римских легионов с раскрашенным, подобно индейцам, народом пиктов, населявшим тогда Шотландию, и кончая великим восстанием 1745 года, когда шотландцы поднялись против английских поработителей. Он шел, насвистывая песенку «Чарли, мой любимец, любимец, любимец! Чарли, мой любимец, юный шевалье». Эта песня сто лет назад была запрещенной, но достаточно было тогда просвистать хотя бы один куплет, и тайные сторонники изгнанного принца Чарли узнавали друг друга...

Ближайшими друзьями Луиса в эти годы были Роберт Юнг, старый садовник из Суонстона, и Джон Тодд, по прозвищу «ревуший» или «буйный» пастух, — такими же близкими, как позже короли и знаменитые писатели. Но он был знаком со всеми соседними фермерами, ухаживал за их красивыми дочками и старательно записывал все, что мог узнать: старинные песни, рецепты шотландской кухни, легенды о черном человеке и об оборотне из Диррисдейла, историю холмов и долин и повествования о бесконечных распрях шотландских кла-

нов — Кемпбелей и Стюартов, Камеронов и Мак-Грегоров, Синклеров и Бальфуров...

У него было большое сердце, но его хватало только на одну Шотландию, он не мог даже представить, что когда-нибудь полюбит какую-то другую страну. Но сердце Стивенсона было не только большим, но и очень нежным и легко ранимым. Когда умер его любимец Кулин, Луис рыдал, как мальчик. Он сочинил своему терьеру латинскую эпитафию и вырезал ее на деревянной доске:

«Кулину, благородному и благосклонному, который в полном расцвете старости из-за несчастной случайности встретился со своей смертью на перекрестке трех дорог, где обычно встречаются охотники. Этот камень воздвигнут здесь в его память его опечаленным другом. 1869. Р. Л. С.».

Правда, когда Кулин был еще жив, его хозяин писал о нем гораздо менее трогательно: «Кулин, во-первых, вор. Среди прочих грехов все задушенные им гуси и все искусанные им овечьи ноги лежат на его совести»...

Но дни лени и безделья должны были рано или поздно кончиться: пришла пора поступать в Эдинбургский университет.

Огромное серое здание Эдинбургского университета совсем не было похоже на разбросанные по зеленым лужайкам, осененным пышной листвой деревьев готические домики Оксфорда и Кембриджа. Здесь не было столь чтимых в этих университетах старинных обычаев: четырехугольных шапочек, длинных мантий бакалавров, магистров и докторов, чинных обедов и чаепитий в обитых резным дубом столовых с уходящими во тьму сводами, где вместе собираются студенты, их тьюторы — наставники — и профессора, сидящие на возвышении. Эдинбургский университет был совершенно современным учебным заведением, и, в отличие от Оксфорда и Кембриджа, в нем был даже инженерный факультет — гордость университета.

Луис поступил на факультет латинского и греческого языков, но через год, когда вернулся в университет после летних каникул, перешел на инженерный факультет: греческая и латинская литература были так далеки от его романтических интересов! Бесконечное восхищение своим дедом, знаменитым строителем маяков и мостов,

чей портрет висел в Национальной галерее рядом с портретом Джемса Уатта, возбуждало его гордость и влекло продолжать эту традицию; и, наконец, немалую роль играла здесь только что завязавшаяся дружба с профессором Флемингом Дженкином, недавно назначенным главой инженерного факультета.

Флеминг Дженкин был более чем университетским другом. Луис всегда чувствовал себя счастливым в доме этого молодого профессора. Они беседовали, спорили обо всем. Иногда Луис участвовал в любительских спектаклях, которые организовывала миссис Дженкин, очень способная актриса-любительница. Однажды, когда шла одна из трагедий Софокла, после того как занавес был опущен, двое молодых исполнителей решили импровизировать на сцене военный танец, состоящий из некоторых движений и положений, не совсем принятых в театре. Луис, который в этот день вел спектакль, был в хорошем настроении. За окном сквозь нежную зелень молодой листвы весело сияло солнце. И Луис снова поднял занавес. Зал ответил на это ревом и громким хохотом. Профессор Дженкин, режиссер спектакля, находился за сценой.

— Мистер Стивенсон,— сказал он мрачно,— я прошу вас на несколько минут пройти в мой кабинет.

Луис часто рассказывал после, что это были самые скверные минуты в его жизни!

По признанию самого Стивенсона, он был ленивым и мало популярным студентом. Первое увлечение инженерным делом быстро прошло, и он стал пропускать лекции — то по болезни, действительной или мнимой, то без всяких причин. Когда же он появлялся в стенах университета, то обычно садился на самых задних скамьях аудитории с записной книжкой в руках. Он казался погруженным в мир машин, мостов, кораблей и маяков, о котором рассказывал лектор, и его карандаш быстро бегал по бумаге. Но, когда его соседи, с почтительным удивлением взиравшие на этого высокого студента в бархатной куртке, с длинными черными волосами и блестящими глазами, украдкой заглядывали ему через плечо, они видели либо стихи, либо какие-то литературные записи, не имеющие отношения к лекции: беглые заметки, афоризмы, цитаты. Эта записная книжка, с кото-

рой он никогда не расставался, была озаглавлена: «Книга свежей чепухи»...

Томас Стивенсон не поощрял поведения сына. У него была мечта, что Луис будет наследником в славной семье смотрителей Северных маяков. Его гордость своим родом была вполне удовлетворена, когда единственный сын перешел с латино-греческого на инженерный факультет. В следующие каникулы он послал Луиса в Анстратер, на берегу Файфа, посмотреть на строительство новой гавани, а еще через год молодой Стивенсон отправился в экспедицию на Северные маяки вместе со всем классом профессора Дженкина. Вместо того чтобы поехать в Суонстон, где он мог предаваться лени, мечтам и поэзии, Луис попал в Вик, на штормовой северо-восточный берег, неподалеку от Оркнейских островов. Здесь он столкнулся с такой жизнью и такими людьми, которые впервые заставили его забыть свою тоску о родном доме.

Это был дикий, безлюдный край — ни деревца, ни травинки, только суровые утесы, скалы, пещеры и бесконечное серое море, потрясающее воображение. На верхней площадке высокой башни на юношу обрушились грозный и беспощадный ветер, дождь, туман, мрак и вспышки огромного фонаря, с легким скрипом вращающегося на хорошо смазанной оси. Летящий по воде по кругу свет, красный — белый, красный — белый, освещал на мгновение высоко взлетавшие волны, словно застывшие в своем величии, неподвижно летящую пену и будто остановившуюся в полете водяную пыль, то окрашивая этот бешеный и оледеневший мир в цвет крови, то отбрасывая на него лунные отблески...

В курс инженерного факультета входила как обязательный предмет практика не только маячной службы, но и водолазное дело. Луису, привыкшему к уюту Суонстона или изнеженной лени Лазурного берега на юге Франции, пришлось надеть тяжелый скафандр и башмаки со свинцовыми подошвами — каждая весом в двадцать фунтов! Только что соленый ветер овеивал его голову, а мгновение спустя она была закрыта тяжелым медным шлемом. Он хотел закричать, но понял, что слишком поздно. В его руках оказался сигнальный трос, и воздух засвистел в трубке. Он почувствовал себя человеком,

впавшим в каталепсию, и едва помнил, как опустился на холодное дно и снова поднялся по обледеневшей лестнице.

Во всем этом была подлинная романтика — романтика завтрашнего дня, поэзия фантастического и необыкновенного. Но она была чужда молодому Стивенсону: он чувствовал себя слишком слабым и слишком больным, чтобы как равный стать обитателем этого великолепного и недоступного мира.

Это были лучшие годы пребывания Стивенсона в университете. Луис был удостоен избрания в знаменитое «Умозрительное общество Эдинбурга», известное больше под названием «Спек», с превосходной библиотекой и залом для дебатов. Он был чрезвычайно горд этим избранием, не подозревая, что годы спустя его имя будет названо как имя второго знаменитейшего члена общества, вслед за именем сэра Вальтера Скотта. И когда девятнадцатилетний юноша произносил свою первую речь «Влияние преследований ковенантеров на умы шотландцев», освещенный красными отблесками камина и трепетным светом восковых свечей, он не мог сквозь непроницаемую завесу лет увидеть, что когда-нибудь на стене этой комнаты будет висеть щит с изображением флага яхты «Каско», на которой Роберт Луис Стивенсон совершил свое первое плавание по южным морям. Флаг этот впоследствии покрывал гроб, в котором местные вожди несли его тело на гору, где он нашел место своего последнего упокоения, — на островах Самоа...

4

Томас Стивенсон бесконечно любил своего безрассудного и своенравного сына и очень гордился им. Он не знал, что маяки, которые так нравились Луису, маяки, освещавшие переменчивым романтическим светом его детство и юность, стали для него символом рабства, что он давно писал, что ненавидит «эти серые, мрачные захолустные дыры». Далеко не сразу старый инженер понял, что Луис никогда не станет его компаньоном, не будет его преемником по профессии.

В один из приездов в Суонстон во время длительной

прогулки произошел решительный разговор отца с сыном. Луис впервые признался, что не хочет быть инженером и никогда не станет компаньоном фирмы, что он должен быть писателем и ничем иным — об этом он мечтает с пяти лет. Томас Стивенсон был очень любезен и снисходителен, не было ни молний, ни грома, как в тот ужасный день через год, когда он узнал, что его сын не верит в бога и не признает никакой религии. Отец сказал только, что быть писателем — это значит не иметь никакой профессии, и предложил компромисс: Луис бросит инженерное дело и займется адвокатурой в его конторе. Для этого ему нужно будет перейти на юридический факультет.

В английской и шотландской адвокатской корпорации имеется три градации: солиситоры — нечто вроде наших старинных ходатаев по делам или современных нотариусов, аттерни — полноправные адвокаты, которые ведут дела своих клиентов и готовят материалы для судебных дел, и барристеры — аристократы этой профессии. Они одни имеют право выступать в суде; обычно это первоклассные ораторы, из их числа назначаются судьи — самая уважаемая профессия в Англии, — они часто становятся членами парламента, а особенно выдающиеся награждаются высшим званием королевского советника и даже возводятся в сан лордов. Луис, несмотря на легкомыслие, безрассудство и своенравие, обладал огромной волей. И он решил победить себя самого и добиться почетного звания.

Три года спустя он стал полноправным барристером. После объявления экзаменационных результатов вся семья Стивенсонов торжественно возвращалась домой в наемной карете. Луис сидел на крыше кареты, свесив ноги, размахивал шляпой как безумный, приветствуя прохожих, и во весь голос отвечал на поздравления знакомых!

Однако все, что принесла ему адвокатура в этой высшей категории юристов, были четыре гиней — четыре золотые монеты, каждая стоимостью в двадцать один шиллинг, — которые ему подарила в этот день мать. Обычно на карманные расходы он получал от родителей один фунт в месяц — двадцать шиллингов. В этот же торжественный день он упросил, чтобы на каждый фунт

ему накинута по шиллингу — ведь барристеры получают гонорар только гинеями!

Чтобы сын смог хорошо отдохнуть после трудных экзаменов, Томас Стивенсон, с такой горечью переживший крушение всех своих надежд, но совсем не принадлежавший к числу суровых или даже строгих родителей, решил послать сына к английским родственникам в Суффолк. В старом ректорате, как называют в Англии дома священников, — обычно это древнее, похожее на замок здание, окруженное глухим старым садом, — Луис встретился со своим давним приятелем, двоюродным братом Бобом. По счастливой случайности, ему удалось познакомиться там с миссис Ситуэлл из широко известной семьи писателей и поэтов и ее другом, позже ставшим ее мужем, Сидни Колвином, профессором искусства в Кембридже. Они убедили Луиса, что он родился писателем, читали его наброски и очерки, давали ему советы и заставили побывать в Лондоне и посоветоваться о своем здоровье с врачом. Сэр Эндрью Кларк, ученый с мировым именем, нашел, что Луис страдает нервным истощением и неизлечимым туберкулезом. По его мнению, Шотландия навеки запретна для Луиса и продлить его жизнь может только Ривьера.

Это была самая жестокая зима в жизни Стивенсона. Он верил в свою звезду, но не верил в то, что будет жить. Он писал Колвинам эгоистичные интимные письма, но так болел душевно и физически, что ему казалось, что он уже старик. Он написал полную патетического отчаяния поэму «Обреченный югу» и любил повторять строчку оттуда: «О Медея, убей меня или верни мне мою юность!»

«Если бы вы могли видеть луну вчера ночью! — писал он из Ментоны. — Она была как преображенный солнечный свет — такая же чистая и зрелая. Каждая вещь в ее свете казалась преображенной... Первые фиалки — маленькие цветы, которые слаще для сердца и дыхания, чем все вина Европы. Они поют, как мартовский черный дрозд...»

В этот год Стивенсон начал свою героическую жизненную битву. Трудно поверить, что человек, проживший всего сорок четыре года и столько лет проведенный в постели, пораженный жестокой болезнью, оставил нам в

наследство собрание сочинений, состоящее из тридцати томов!

Проездом он задержался на несколько дней в Париже. В Эдинбург он вернулся в фантастическом синем плаще с застежкой в виде змеи — в стиле 1830—1840 годов. Он всегда был франтом, и не забудем, что ему было только двадцать три года! Он был весел и «беззаботен, как маргаритка». В Лондоне его избрали членом аристократического клуба «Севил» — «третьим шотландцем после Вальтера Скотта и Томаса Карлейла»! Некоторые его очерки и наброски были напечатаны, и он получил за них деньги — первые деньги, заработанные им в жизни. Он имел теперь полное право называть себя автором, хотя подписывался не полным именем, а тремя буквами: Р. Л. С.

У него не было ни братьев, ни сестер, и он бесконечно нуждался в друзьях, которые могли бы не только гулять с ним или плавать в байдарке — а это был его излюбленный вид спорта, — но и разделить литературные горести и радости. Профессор Дженкин, миссис Ситуэлл и Сидни Колвин были его первыми руководителями, но год спустя в эдинбургском госпитале он встретился с английским поэтом-романтиком Хенли, который стал его другом на всю жизнь.

Хенли был настоящим большим поэтом. Он потерял одну ногу, пораженную туберкулезом, и приехал в Эдинбург, надеясь, что всемирно известный врач Листер, позже получивший за свои заслуги перед народами всего мира титул лорда, поможет ему сохранить вторую ногу. Редактор журнала, он любил вводить в литературу молодых писателей, еще не имеющих громкого имени, и много помогал начинающим. Поэтому он очень обрадовался, когда Стивенсон навестил его в госпитале.

Войдя в палату, Луис увидел веселого рыжебородого гиганта, который приветствовал его ревом, похожим на львиное рычание. Завязался непринужденный разговор. В палате, кроме Хенли, лежали два мальчика. Каково же было их удивление, когда они услышали, что двое совершенно взрослых серьезных мужчин говорят о пиратах!

Хенли пробыл в госпитале восемнадцать месяцев, и все это время друзья не расставались. Наконец он смог вставать. Луис помог ему спуститься с лестницы и уса-

дил в коляску. Был самый разгар весны. Казалось, вся страна обезумела от зелени. Дороги были осыпаны вишневым цветом, а леса стали пестрыми; темные стволы старых елей и их зимние иглы сдавались под натиском неукротимых свежих побегов. Небо было неестественно синим, как на выставленных в окнах магазинов дешевых олеографиях, на которых были изображены древние шотландские короли.

Настала пора водного спорта. Группа мальчиков, собравшихся на острове Грамонд, на берегу Фирт-оф-Форта, видела в свои подзорные трубы, как две байдарки, попавшие в жестокие объятия ветра, безуспешно боролись с волнами около острова Грантон. Вода захлестывала утлые скорлупки, но их экипаж отличался неукротимым упорством!

Наконец байдарки вышли на чистую воду и пристали к берегу. Первым на берег спустился очень бледный, очень высокий, худой человек в бархатной куртке с длинными черными волосами и темными, широко расставленными глазами. Казалось, что он состоит из одного только профиля. Было удивительно, как это ветер не сорвал у суденышка парус, и невероятно, что экипаж смог провести его между кипящими рифами и черными скалами. У зрителей сердце замирало от ужаса, а высокий черноволосый человек весело спросил:

— Скажите, какие дикири населяют этот остров?

— Забудьте вашего Робинзона Крузо,— с важной рассудительностью ответил один из мальчиков.— На острове нет населения, а дикири только что прибыли сюда на байдарках! Здесь нет никаких диких, кроме вас!..

В это лето Луис вместе со своим двоюродным братом, с которым очень дружил, поселился в деревушке Барбизон в лесу Фонтенебло, вблизи Парижа. Они жили в «художественной казарме», которую содержал весельчак «папаша Сирон». Гостиница эта была открыта для странников в любое время дня и ночи. Утром кофе и молоко подавались прямо в лесу. Для желающих был погребок, где не переводились вино и пиво. В спальнях пахло травой и лесом, и голуби влетали в открытые окна. Рядом была река Луанг, вся в лилиях и кувшинках, поросшая по берегам ивами и тополями. Жили

дружной семьей с целой колонией молодых художников — англичан, американцев, французов, скандинавов, итальянцев, испанцев. Единственным шотландцем среди них был сэр Уолтер Симпсон, который учился в Эдинбургском университете вместе с Луисом, сын знаменитого врача Джемса Симпсона, подарившего миру хлороформ. Это было веселое, сумасшедшее лето. Молодежь устраивала карнавальные представления, танцы с маскарадами, факельные шествия...

Зима, проведенная в Эдинбурге, была посвящена литературе, а следующим летом Луис и Уолтер неожиданно решили совершить не совсем обычное путешествие: на байдарках они должны были проплыть по рекам и каналам всей Бельгии и Северной Франции и снова провести несколько месяцев в Барбизоне.

Друзья были полной противоположностью. Стивенсон — быстрый, порывистый, капризный, своенравный. Он плыл на байдарке «Аретуза». Симпсон — спокойный, осмотрительный, медлительный, сердечный. Он плыл на «Сигарете». Они удивительно дополняли друг друга... Об этом плавании по водяным дорогам Бельгии и Франции Роберт Луис Стивенсон написал свою первую книгу: «Путешествие внутрь страны».

Если бы Луис не вел дневника, то в памяти остались бы только нестерпимый блеск воды, похожий на кипящее, но холодное расплавленное золото, ослепительная зелень по берегам — то нежная, то суровая, — поразивший их воображение бык с совершенно белой головой... Французских крестьян и содержателей придорожных гостиниц немало удивляла эта странная пара. Живописные лохмотья, в которые картинно драпировался Луис, заставляли предполагать в путешественниках странствующих корабейников. В богатые гостиницы их обычно не пускали или кормили на кухне, куда они входили с черного хода. Но в бедных трактирах для крестьян и рабочего люда их встречали радушно, сажали, как иностранцев, за лучший стол и с деревенским гостеприимством подавали им все лучшее, что можно было найти в кладовой и погребе.

Возвращаясь, Луис немного отстал от своего товарища. В маленькой деревушке Грез, раскинувшейся на берегу небольшой речки, протекающей вдоль опушки ле-

са Фонтенебло, Стивенсон вытащил свою байдарку на берег, пересек сад, темнеющий в сентябрьских сумерках, и заглянул сквозь открытое окно в освещенную яркой лампой столовую. Его друзья художники теснились вокруг стола. Кроме мужчин, там были две женщины, вернее, женщина и юная девушка. Старшая, темноволосая, спокойная, красивая, вдруг повернула голову и взглянула на Лунса, стоявшего за окном. Мгновенно его охватило какое-то неукротимое безумие, и он всю жизнь не мог забыть этот пристальный темный взгляд...

5

Франсес Матильда Осборн, урожденная Ван де Грифф, которую с детства все звали просто Фанни, родилась в глухих лесах Индианы и провела там детство. У нее был характер мальчишки-сорванца, способного на любые шалости и приключения. Подобно Луису, она бунтовала против всего привычного и респектабельного, у нее был смелый ум и поражающая прямота суждений. Но она совсем не была изнеженной, как Стивенсон. Она сама ткала свои платья на домашнем станке в лесной хижине, готовила еду прямо на костре, собирала дикий мед и варила кленовый сахар. Рядом с их хижинкой бродили индейцы, похищающие детей. Лес пересекала «национальная дорога», по которой раз в сутки проходил грязный фургон — единственное средство связи с цивилизованным миром.

Когда она встретилась со Стивенсоном, ей было тридцать девять лет — на десять лет больше, чем ему. У нее была шестнадцатилетняя дочь Изабель — в просторечии Белла — и восьмилетний сын Ллойд. Фанни держалась в высшей степени сдержанно и строго, но в душе всегда оставалась все той же порывистой и непостоянной женщиной Дикого Запада.

Фанни Ван де Грифф понадобилась вся воля, которую она унаследовала от голландских и шведских предков, чтобы не только забыть свое трудное детство, но и прожить ту жестокую жизнь, которая выпала ей на долю. Семнадцати лет она вышла замуж за двадцатилетнего красавца Сэма Осборна. На невесте в день свадьбы

было подвенечное платье из белого сатина, богато украшенное кружевами, жених красовался в синем сюртуке с блестящими пуговицами, цветном жилете и высокой белой шляпе. Новобрачные «были похожи на двух детей»... Темноволосый юный Сэмюэл Осборн оказался игроком, пьяницей и развратником, свирепым мужем и бессердечным отцом...

Едва только пришла весть о начале гражданской войны в Соединенных Штатах, как Осборн бросил молодую жену и ребенка и ушел сражаться на стороне северян. Первое письмо от мужа она получила лишь после войны, из Калифорнии, где Осборн, вечный бродяга, пытался искать золото. На Дикий Запад еще не было тогда путей, и переселенцы в крытых фургонах должны были с битвой пробиваться к Тихому океану сквозь земли враждебных индейских племен. Фанни избрала путь через Панаму, где нужно было пешком пересечь перешеек, ведя за руку ребенка. Но, когда она добралась до Калифорнии, мужа там уже не было: он переехал в Неваду — искать счастья на серебряных рудниках. Храбрая женщина кое-как добралась до поселка Остин и шесть лет прожила в хижине на склоне горы в поселке, где было только шесть женщин, а мужчины, искатели приключений, храбрые, грубые, плохо одетые, день и ночь играли в покер...

После девяти лет замужества Фанни вновь оказалась в положении брошенной жены: Осборн ушел из дому, оставив письмо, где говорил о том, что она виновата во всех его неудачах. Фанни пыталась найти его в Калифорнии, но получила известие, что ее муж убит индейцами. На последние деньги она сшила вдовий наряд, но вдовство длилось недолго: снова появился беспутный Осборн, и они прожили несколько лет вместе — в жестокой нищете и еще более жестоких ссорах. Они жили в Бруклине, в коттедже, увитом розами, Фанни училась рисовать, ухаживать за цветами, занималась модным в те годы искусством фотографии... Бесконечные измены мужа положили конец ее терпению: с тремя детьми, не имея ни цента за душой, Фанни уехала в Париж.

Способная художница, она училась в студии Тони Флери, но жила с детьми в «мышинной бедности». Колесная селедка и черный хлеб — вот что подавалось

каждый день на обед. Ее сын Ллойд вспоминал позже, что он был «всегда голоден» и часами простаивал у витрин булочных, рассматривая хлеб. Маленький Херви, «золотокудрый мальчик», заболел и умер, и его не на что было похоронить, пока над несчастной матерью не сжалились соседи.

Теперь Фанни, жизнь которой, как она считала, была оконченной, оказалась в лесу Фонтенебло. Маленькая женщина, отважная и неукротимая, с массой вьющихся черных волос и сияющими темными глазами, вдруг увидела в рамке окна свою судьбу.

Бледный, очень серьезный и очень худой юноша — он ей показался мальчиком — глядел ей прямо в сердце своими внимательными, широко расставленными глазами...

Мы не знаем, как развивался этот стремительный роман, похожий на неизлечимое безумие, под флагом которого прошла вся жизнь Стивенсона. С точки зрения «света» она была совершенно неподходящей подругой для Луиса, изнеженного сына богатых родителей, принадлежащих к высшему обществу Эдинбурга: лишенная образования и светского лоска, замужняя женщина, значительно старше его... Но ни он, ни она никогда не думали об этом, встречаясь друг с другом!

Это лето в деревушке Грез запомнилось им навсегда. Белла и Ллойд были в восторге от своего нового товарища по играм, который проводил с ними все дни. Они восхищались его пылом и жизнерадостностью и совсем не чувствовали разницы в возрасте между собой и Луисом. Они играли на реке, купались, устраивали гонки на байдарках, которые постоянно опрокидывались. Но даже Белла, самая благоразумная из них, смотрела на это сквозь пальцы. Они постоянно ходили в мокрой одежде, не успевая ее высушить, но никогда не были так счастливы. Однажды, когда байдарка опрокинулась, Фанни притворилась, что не умеет плавать, и, уцепившись за борт, стала кричать. Луис самоотверженно спас ей жизнь, которой ничто не угрожало!

Пища в деревушке была простая, но французская кухня великолепна, и все походило на огромный бесконечный пикник.

«Каравай хлеба шириной в ярд,— писал домой Луис,— деревенский сыр, овощной салат, приправлен-

ный уксусом и чесноком, цыплята, зажаренные на вертеле над очагом, и все сопровождается бутылками доброго красного вина...»

Дождливыми вечерами они играли в шарады, сочиняли шутливые стихи и разрисовывали карикатурами все стены.

А когда Фанни и Луис со своими мольбертами, кистями, красками и ранцами, набитыми всякой снедью, уходили в лес, Ллойд часами сидел на мосту с удочкой, надеясь на свое счастье. Окрестные деревенские мальчишки прозвали его «Пти-фиш», потому что, когда крестьяне, проходящие мимо, приветствовали его неизменным французским «бонжур» — «здравствуйте», он, не зная языка и думая, что его спрашивают, чего он здесь ждет, отвечал односложным английским словом: «фиш» — рыбу.

Небольшая веселая компания собиралась в Грезе два лета подряд. Зимой же, когда Осборны уезжали в Париж, Луис не возвращался в Шотландию, а скитался по Франции и Англии, дольше всего задерживаясь в Париже, Лондоне или Грезе. За это время он написал несколько очень хороших рассказов и начал завоевывать себе имя. Опубликовав в 1878 году первую книгу «Путешествие внутрь страны», он решил в одиночку совершить двадцатидневную «прогулку» и пересечь Севенские горы. Однако на самом деле в этом путешествии он был не один, его сопровождал верный товарищ — маленький серый ослик Модестина. Ослик нес на своей спине спальный мешок из овечьей шерсти и пакеты с багажом... После опубликования книги «Путешествие с ослом через Севенны» Модестина стала одним из самых любимых героев читателей Стивенсона. И на анкету, проведенную среди английских школьников на тему «Ваш любимый герой в книгах Стивенсона», читатели ответили несколько неожиданно: первое место среди героев занял долговязый Джон Сильвер из «Острова Сокровищ», третье — Алан Брек из романа «Похищенный», а второе место между ними завоевала Модестина...

Чудесное безумие не оставляло Стивенсона ни на один миг. Но Фанни была более благоразумной. Она считала своим долгом отвезти Беллу и Ллойда домой, в Калифорнию. Луис не мог себе представить, как он

будет жить без нее. Ллойд, расставаясь, сказал, что его сердце разбито...

После безмятежного детства и пылкой счастливой молодости начинались жестокие годы, закалившие и без того неукротимую волю Стивенсона, но истерзавшие его тело и лишившие его нескольких, а может быть, и многих лет жизни!

Три года — 1877, 1878, 1879 — были решающими в формировании Стивенсона как писателя. Он колесил по стране и постоянно бывал во Франции и Германии. В Париже он встречался с Фанни и совершал с ней «па-ломничества» на Монмартр, с родителями он гостил подолгу в Барфорд-Бридж — здесь когда-то Китс написал своего «Эндимиона», здесь лорд Нельсон в последний раз простился с леди Гамильтон, здесь Стивенсон встретился и подружился с Джорджем Мередитом, известным и неогреченным у нас замечательным английским писателем. Затем беспокойство снова гнало его в Эдинбург, где барристеры в париках и мантиях собирались в огромном Парламентском холле — в просторечии «Ха», — тут когда-то заседал шотландский парламент. Но в чудесном зале с резными стенами и потолком из черного дуба, с расписными стеклами, изображающими последнего шотландского короля Якова V, он чувствовал себя неуместным — в разлетающемся плаще с серебряными застежками, в цветной французской куртке, расшитой шнуром, в галстук, завязанном пышным бантом, с недопустимым для англичанина, а тем более шотландца странным блеском в глазах... тот, кого уже вся страна знала по трем буквам, которыми он подписывал свои статьи: Р. Л. С.!

Куда ушла, куда исчезла юношеская лень, которой были окрашены его студенческие годы! Он работал много и серьезно, с неумолимой жестокостью по отношению к своим слабостям. За пять лет он написал двадцать восемь критических и социальных очерков, опубликовал две книги о своих путешествиях и стал профессиональным и признанным автором. «Новый художник первого ранга в современной английской литературе, — писала о нем критика, — но он еще больше обещает в будущем...» Его голос в хоре английских писателей того времени был похож на звук флейты, доно-

сящийся в момент пробуждения сквозь освещенные солнцем деревья...

Работа в журналах и даже книги не приносили никакого дохода. Пока был жив отец, молодой человек знал, что всегда будет жить в довольстве и даже комфорте. Но у него, уже известного писателя, не было ломаной монетки за душой, а он хотел помогать Фанни и ее семье. А смел ли он, не имея денег и не порывая с семьей, мечтать о женитьбе? Для его отца религия была верным маяком и ответом на все вопросы. И мог ли отец, строгий последователь пресвитерианской шотландской церкви, разрешить своему сыну, и без того, по его мнению, обреченному за свое безбожие аду, жениться на женщине старше его на десять лет, да еще разведенной жене?..

Целый год Луис провел в Лондоне. Он писал рассказы, но чувствовал себя бесконечно одиноким. Единственным его другом был Хенли, издававший в это время небольшой журнальчик «Лондон». Вместе они задумали серию рассказов под общим заголовком «Новые Арабские ночи». Реалистические и в то же время фантастические, они должны были быть посвящены всяким странным случаям, подобным тем, что приключались в Багдаде во времена славного Гарун-аль-Рашида, когда халиф и его великий визирь, переодетые, бродили по улицам столицы. Только у Стивенсона все должно было происходить в Лондоне и в его время: он уверял, что приключения ждут нас за каждым углом, и, как говорится в английской поговорке, «в каждом доме есть свой скелет».

Однако ни журнал, ни рассказы не имели успеха — очевидно, Хенли и Стивенсон были плохими журналистами. У Луиса была масса интереснейших идей, но все делалось в страшной спешке, кое-как. Раздраженные, огорченные, друзья часами бродили по улицам Лондона — то в тумане, в призрачном свете фонарей, то осыпаемые девственно чистыми, пышными хлопьями снега, то освещенные особенным лондонским солнцем, тусклым и красным, едва пробивающимся сквозь висящую в воздухе угольную гарь. Из-за столь странного света они казались покрытыми ржавчиной...

Может быть, работа не ладилась и потому, что мысли Стивенсона все время были далеко, за океаном.

Он получил из Калифорнии письмо от Фанни, в котором она писала, что очень больна и больше не может выносить разлуку. Непреклонный характер Стивенсона не знал колебаний. На следующий же день по получении письма он решил пожертвовать своей карьерой (довольно проблематичной), бросить своих друзей и почти без денег, совершенно больной, не предупредив родителей,— он знал, что они придут в отчаяние от его поступка,— отправился в Калифорнию. Только уже находясь на борту корабля «Девония», он написал отцу. Он не просил ни помощи, ни денег: ему хотелось только, чтобы он был предоставлен своей судьбе. Он знал, что судьба его будет тяжелой, что он обрекает себя на жестокие лишения и рискует не только здоровьем, но и самой жизнью.

В те годы плавание через океан, даже на пассажирском лайнере, было долгим и хлопотливым делом. Стивенсон же плыл на эмигрантском пароходе, затерянный в шумной, разноязычной толпе, расположившейся на нижней палубе вместе со своими нищенскими пожитками. Пища была скверная, воздух — спертый, наполненный испарениями нечистых тел, лекарств и несвежих продуктов. День и ночь — несмолкаемый шум вокруг и в то же время ощущение ужасного одиночества. Это было суровое испытание. Но нужно сказать, что Стивенсон выдержал это испытание с честью!

Нет, он не прогуливался с гордым видом по палубе, окидывая орлиным взором серые волны, вскипающие седой пеной! Он оставался на нижней палубе вместе с бедными эмигрантами, обремененными детьми, нянчил маленьких, играл со старшими, организовывал концерты и хоровое пение, не гнушаясь ни нищеты, ни грязных лохмотьев. Это был подвиг без славы, милосердие без свидетелей, величие, не замечаемое никем. Но с точки зрения самого Стивенсона самое худшее и страшное, что может сделать человек,— это оставаться равнодушным.

На море Стивенсон всегда чувствовал себя лучше, чем на земле, поэтому поездка из Нью-Йорка в Калифорнию на эмигрантском поезде показалась ему еще более ужасной.

Путешественникам уже не угрожали нападения индейцев, бывшие очень частыми двадцать лет назад, но их врагами были неумолимое солнце, пыль выжженных

прерий и время; поезд шел две недели, а Стивенсон был так слаб и болен, что у него уже не было сил выходить на остановках подышать свежим воздухом, как делали другие пассажиры. Он знал, что если выйдет, то не сможет забраться обратно в вагон.

Однажды мальчишка-газетчик, вбегавший в вагон и выпрыгивавший на ходу, чтобы вскочить в следующий, и громко восхвалявший свои товары (это был американский вариант газетчика того времени: кроме газет, он торговал бумагой, фруктами, леденцами, сигарами, мылом, полотенцами, консервированными бобами со свиной и кофе в жестянках), этот мальчишка увидел похожего на скелет человека с лихорадочно блестящими глазами, который сидел на площадке, свесив ноги наружу. Мальчик слегка тронул несчастного за плечо и вложил ему в дрожащую руку большую, сочную грушу...

Несчастья не кончились для Стивенсона, когда он высадился в Сан-Франциско. Он узнал, что Фанни стало лучше и она уехала отдыхать в Мексику, в Монтерей. Он знал твердо — это уже стало чем-то вроде мании, — что должен во что бы то ни стало ее найти, но у него не было в кармане даже медной монеты, его лихорадило и ноги так дрожали, что он едва мог стоять. Все же ему удалось получить работу: он нанялся ковбоем на одно мексиканское ранчо вблизи Монтерей. Оплата была столь нищенской, что ни один профессионал не хотел за нее браться, но для Луиса это было единственной возможностью приблизиться к Фанни.

Но его мужественный дух, ставший почти суровым после столь жестокой и беспощадной закалки, не мог победить тело, уже не подчинявшееся ему. В глубоком обмороке он упал с лошади и лежал в полубессознательном состоянии под деревом три дня и три ночи. Здесь, в горах Санта-Лючия, его нашел старый охотник на медведей и вынянчил, как ребенка, отпаивая овечьим молоком, которое бесплатно присылал соседний фермер. Наконец Стивенсон мог встать на ноги. Он пешком прошел двадцать миль до Монтерей и тут, уже в городе, снова упал в обморок у дверей кафе, которое содержал француз Жюль Симоно. И снова — в который раз! — Луис убедился в великодушии, отзывчивости и деликатности простых людей...

Монтерей когда-то был столицей Мексики. Город расположен на побережье Тихого океана и весь напоен дыханием моря и душистым запахом цветов. Узкие, кривые улочки одеты в пышное великолепие осенних листьев. Огромные волноломы, позеленевшие от тины, защищают от вечного прибоя обширные, никем не тревожимые пляжи, тянущиеся на много миль. Кое-где попадаются кости китов, выброшенные морем на песок подобно бесценным сокровищам подводных владык. Здесь Луис наконец встретился с Фанни...

Он слегка оправился от своей болезни, но был слаб, как ребенок. Доктора говорили, качая головой, что он должен жить «совершенно спокойной жизнью», но не было жизни менее спокойной, чем жизнь Стивенсона. Его финансы находились в совершенно расстроенном состоянии с тех пор, как он порвал со своими родителями, а он еще хотел помогать Фанни. Он не мог написать ни отцу, ни матери после того разрывающего сердце письма, которое послал с борта «Девонии». Он попытался вернуться к литературе и отрывки из своей новой очерковой повести «Эмигрант-любитель» послал Сидни Колвину с просьбой опубликовать. Колвин очень нетактично ответил ему, что это никуда не годная дрянь. Хенли, которого он сам бросил в беде, писал, что это совсем не то, что «Путешествие с ослом»...

Но Стивенсону нравился Монтерей, и он остался здесь на несколько месяцев. Здесь он написал очерк о Торо и рассказ «Дом на дюнах» и за два доллара в неделю работал как поденщик в местной газетке. К рождеству он перебрался в Сан-Франциско. Несколько месяцев работал в очень тяжелых условиях, ел редко и очень мало, жил в комнате без мебели и тратил семьдесят центов в день, а позже — только сорок четыре цента; других доходов, кроме своего труда, у него не было. «Я должен выдержать и это испытание», — сказал он. Но однажды он снова упал без сознания и несколько недель лежал больной в своей комнате. «Смертельная дверь», по его собственному выражению, зияла рядом с ним. В эту самую тяжелую минуту своей жизни он написал стихотворение, которое назвал «Реквием»: он просил Колвина, чтобы оно было выгравировано на его могильном камне.

Домой вернулся моряк, домой с моря.
И охотник домой вернулся с холмов...—

этими строками кончалось стихотворение. Вместе с «Островом Сокровищ» оно стало самым популярным произведением Роберта Луиса Стивенсона...

Новый острый кризис болезни едва не стоил Луису жизни. Туберкулез осложнился воспалением мозга. Фанни помогала хозяйке квартиры, где жил Луис, ухаживать за ним. Он не мог говорить, только глядел на нее измученными и глубокими глазами и целовал ее холодные руки. Ее появление снова подняло целую бурю в его душе.

Наконец непреклонная воля победила бренное тело, и он начал вставать. Вскоре Фанни получила развод. 19 мая 1880 года они обвенчались — очень тихо, очень скромно.

Луис настаивал на свадьбе: он знал, что если он умрет, то его вдова будет получать пенсию от эдинбургского общества адвокатов. Луису Стивенсону было только двадцать девять лет, но Фанни Осборн, ныне Фанни Матильде Стивенсон, когда она стояла рядом, казалось, что она венчается со смертью. Доктор заявил, что ее муж проживет всего несколько месяцев, он даже сказал «мало» месяцев...

6

Фанни, так же как и Луис, умела неукротимо сражаться с жизнью и судьбой. Борьба со смертью, борьба с болезнью мужа были ее мукой и ее счастьем. Она всегда во всеоружии вступала на поле битвы, как только появлялись признаки опасности. Она вернула Луиса к жизни и четырнадцать лет билась с его смертью. Сильный и романтический характер Фанни оказал огромное влияние на Стивенсона. Рядом с ней он вырос как человек и как писатель. За эти четырнадцать лет он написал все лучшее, что не только запечатлено в книгах, стоящих на библиотечных полках, но осталось жить в человеческих сердцах!

Судьба обернулась к Стивенсону другой стороной. Его родители, до сих пор делавшие вид, что у них нет

сына, каким-то образом узнали о его бедствиях и телеграфировали, что будут посылать ему двести пятьдесят фунтов в год. Для Луиса теперь, когда он узнал изнанку жизни, это было огромным богатством. Подумать только, в сорок раз больше, чем он мог заработать непосильным для него трудом!

После свадьбы Фанни и Луис уехали в горы, к северу от Сан-Франциско, в заброшенный и полуразрушенный поселок горняков Сильверадо. Они ехали по каменистой дороге, вернее, по руслу пересохшего ручья, в старинной повозке, запряженной шестеркой лошадей. Они легко могли представить себе, что принадлежат к тем переселенцам, которые не так уж давно, всего тридцать два года назад, бросились в Калифорнию в дни золотой лихорадки. Вместе с Ллойдом они поселились в заброшенной лавке, где стены еще хранили следы выстрелов, которыми золотоискатели обменивались во время игры в покер.

Ллойд у было уже двенадцать лет, его образование было сильно запущено, а то, что он знал, было лишено системы. Его молодой отчим решил посвящать два часа в день импровизациям, которые назывались «уроками». Это были весьма интересные для мальчика рассказы об индейцах, о Северных маяках, о шотландских королях и враждующих кланах, отступления в область римского права, полное изложение средневекового рыцарского кодекса и — самое интересное для учителя и ученика — споры о нравах, обычаях, ухватках и жаргоне пиратов. В этой области оба собеседника были равны и яростно и неутомимо спорили. После уроков Ллойд обычно удалялся на поиски сокровищ, которые, по его мнению, должны были забыть золотоискатели, а Луис, совершенно измученный, ложился в постель.

После того как Луис и Фанни поженились, его родители стали переписываться со своей невесткой. Она отвечала им очень милыми письмами, заполненными подробностями об их любимом сыне, о его болезни, о его занятиях и сопровождаемыми всегда заверениями в ее неизменной любви к ним. Постепенно возникла мысль, что все они должны наконец встретиться, если позволит здоровье Луиса. Фанни страшилась этой встречи, но у ее мужа был не такой характер, чтобы его можно было

...путать... он страстно хотел, чтобы все те, кого он любил больше всех на земле, были вместе.

7 августа 1880 года, ровно через год после того, как Луис высадился в Америке, они отплыли из Нью-Йорка в Ливерпуль, где их встретил Томас Стивенсон и его изящная, веселая жена, которая выглядела ничуть не старше Фанни (ведь у этих женщин была разница в возрасте всего в одиннадцать лет). Старый Стивенсон оказался совсем не таким нетерпимым и грозным тестем, как представлялось Фанни. Суровое и простое пуританское воспитание научило ее всегда говорить правду, но именно этим она совершенно внезапно завоевала сердце Томаса Стивенсона в первый же день, когда они сели за ужин в старом доме в Эдинбурге на Хериот-Рау.

Вероятно, потому что он был взволнован встречей, Томасу Стивенсону показалось, что слуги недостаточно внимательны к своим обязанностям, и дал нагоняй всем прислуживающим за столом, а особенно молодой горничной, нанятой накануне, которая действительно сделала несколько ошибок, может быть, и пустячных, но нарушающих строгий этикет, царящий в доме. Девушка ушла вся в слезах. Тогда Фанни встала и, глядя Томасу Стивенсону прямо в лицо, заявила, что, если он позволит себе в ее присутствии оскорблять человека, который не может ему ответить, она не останется за столом и уйдет в свою комнату!

Несколько мгновений царила мертвая тишина. У всех душа ушла в пятки, никто не смел поднять глаза. Вдруг Томас Стивенсон оглушительно расхохотался, восхищаясь ее мужеством, и просил Фанни не сердиться на «дядю Тома», как он велел ей теперь себя называть. С этого дня они стали друзьями.

Вскоре все семейство Стивенсонов отправилось в Шотландские горы, которые так любил Луис. Но близилась осень: сырой, дождливый климат страны был беспощадным и яростным врагом молодого Стивенсона, чей организм, и без того пораженный жестоким туберкулезом, был очень ослаблен непосильным трудом и голода-нием. Доктора советовали ему провести зиму в Давосе, высоко в горах Швейцарии. Там он должен был вернуться к жизни (так они говорили) или умереть (так они думали).

В октябре Луис, Фанни и Ллойд отправились в Швейцарию. Их сопровождал новый член семьи — маленький черный скайтерьер, которого подарил Луису сэр Уолтер Симпсон. Его называли тоже Уолтером, но, постепенно изменяясь и пройдя через самые различные формы, это имя превратилось в Богг, или Вогг.

Все были веселы, особенно Богг, считавший, что кусать прохожих и уничтожать всех окрестных кошек — его прямая обязанность.

Катались на коньках и на тоббоганах — особый род горных саней, которыми можно управлять, — когда Луис чувствовал себя хорошо. Но ему было трудно подниматься обратно в отель, засыпанный чистыми горными снегами, поэтому он предпочитал играть вместе с Ллойдом в солдатики на верхнем этаже отеля. Битвы между их армиями были ужасны, а оба командира страшной мимикой выражали переживания каждого солдата. И счастьем для них было, что никто не приходил со словами: «Очистьте столы перед обедом», как это бывало дома. Поэтому на сложные марши и контрмарши, атаки и фланговые обходы иногда уходили дни и даже недели...

В Давосе им было очень хорошо, но тем не менее все; кроме Ллойда, очень обрадовались весне. Апрель все вместе провели в Барбизоне и задержались немного в Париже. А Ллойд, несмотря на громкие протесты, был отправлен в английскую школу, остальные же уехали в Шотландию. Когда Ллойд во время летних каникул присоединился к семье, то он нашел всех в сборе — Фанни, Луиса, «дядю Тома» и «тетю Магги» — в Браемаре, в небольшом коттедже высоко в горах. Ему очень надоедал вечно морозящий шотландский дождь, но Луис считал, что местный климат — самый лучший в мире. В доказательство он приводил слова принца Чарли, много лет скрывавшегося в лесах и горах Шотландии: «Климат моей страны дает возможность человеку переночевать под открытым небом в любое время года...»

В эти тихие и спокойные дни Луису пришла в голову безумная мысль — выдвинуть свою кандидатуру на должность профессора истории и конституционного права Эдинбургского университета. Своей жертвой он избрал Ллойда, на котором стал репетировать будущие

лекции. Уставший от школы мальчик, предвкушая повторение «уроков», которые получал в Сильверадо, вежливо попросил отца «попробовать написать что-нибудь действительно интересное, что-нибудь такое, что люди вроде него могли бы читать с удовольствием». Обиженный этим припадком критицизма у своего маленького друга, Стивенсон разразился смехом, но потом, рассердившись, поклялся, что «эта глупая и скучная» для него книга *будет* написана.

Домик в горах, где они жили, Стивенсон называл «коттеджем покойной мисс Мак-Грегор». Зеленые окрестности с буковыми лесами на склонах и поросшими вереском холмами действительно когда-то принадлежали клану Мак-Грегоров. Стивенсон досконально знал историю этого славного рода и с пафосом рассказывал ее своим верным и внимательным слушателям, восхваляя подвиги знаменитого Роб Роя Мак-Грегора, и впадал в уныние, когда доходил до судьбы его сыновей, лишенных даже права носить славное имя отца.

В один ветреный и дождливый день, когда нечего было делать, Ллойд начал лениво чертить и раскрашивать карту придуманного им острова. Луис, вернувшись с прогулки, заглянул через плечо юного картографа и увидел острова, корабли на море и леденящие душу и охватывающие жаром сердце названия: холм Подзорная труба, Остров Скелета, остров Бизань-мачта... Он взял красный карандаш и поставил на карте три креста. «Здесь зарыты сокровища», — сказал он в ответ на восторженный взгляд Ллойда. Потом он написал в углу карты два слова: «Остров Сокровищ», положил карту в карман и рассеянно удалился, сопровождаемый криком Ллойда: «Ги! Но ведь это *моя* карта!»

На другое утро, не вставая с постели, Луис послал за Ллойдом. Когда тот пришел, Стивенсон сказал ему только: «Садись и молчи!»

Ллойд увидел свою драгоценную карту лежащей на столике рядом с рукописью, а Роберт Луис Стивенсон взял листок, исписанный мелким почерком, и громко прочитал:

— «Глава первая. Старый морской волк в гостинице «Адмирал Бенбоу».

Это была необычайная повесть, наполненная ветром,

солеными брызгами, хлопанием парусов уходящего под ветер корабля, скрипом старого кабестана и хриплыми голосами матросов, запевающих старую пиратскую песню: «Пятнадцать человек над гробом мертвеца! Йо-хо-хо, и бутылка рому»... Это не походило ни на одну из тех книг о пиратах, которых немало прочитал Ллойд. Это не было ни старой легендой, ни романтическим вымыслом,— это была сама правда, такая же реальная, а может быть, еще более реальная, чем почерневшие стены коттеджа Стивенсонов, зеленые склоны гор и холмы, поросшие цветущим вереском. Ллойд^у казалось, что он ощущает запах просмоленных канатов, слышит удары прибоя о берег острова Скелета и бессильное шипение пены; он чувствовал на губах острый, ни с чем не сравнимый вкус рома. Каждая страница рукописи представлялась ему дверью, через которую он входил во все новые и новые миры, где встречал людей, которых, как ему казалось, он знал уже давно. Он дружил с Джимом Хаукинсом, похожим на него самого, глядел с обожанием на доктора Ливси, чем-то напоминающего Стивенсона. Сквайр Трелони был похож и не похож на старого Томаса Стивенсона. А пираты? Долговязый Сильвер, старый морской волк Билли Бонс, слепой Пью, бедный Бен Ганн, высаженный командой на необитаемый остров и поющий надтреснутым, слабым голосом все ту же песню — экипаж чудесной и верной шхуны «Испаньола»... Да, Ллойд теперь мог с уверенностью сказать, что это *его* книга!

Конечно, Ллойд не услышал всей книги в первый день. Она даже еще не называлась «Остров Сокровищ», Стивенсон именовал ее «Корабельный повар». Но каждый вечер маленькая компания собиралась в тесной гостиной и слушала, как Луис глуховатым голосом, но с необыкновенным богатством модуляций читал главу за главой. И каждый раз, снова и снова, сам дух романтики окружал их, как сны окружают и обволакивают спящий дом, и «Испаньола» продолжала свой путь, а острое и нежное перо писателя касалось каждого сердца.

«Остров Сокровищ» первоначально печатался в еженедельном юношеском журнале «Ианг фолк» и, как ни странно, не имел успеха. Вместо привычных трех букв Стивенсон поставил на книге псевдоним: «Капитан

Джордж Норт». Но, когда в 1883 году «Остров Сокровищ» был опубликован отдельной книгой, Стивенсон получил всемирное признание. До сих пор он был только автором путевых очерков и книги рассказов «Новые Арабские ночи». Стихи его печатались очень редко и проходили почти незамеченными. «Остров Сокровищ» не только прославил имя писателя, но и открыл ему дорогу к бессмертию. Три буквы — Р. Л. С., — известные всему миру, стали тем золотым ключом, которым открывается дверь в Страну Романтики!

Когда Ллойд в первый раз раскрыл новенький, только что отпечатанный том «Острова Сокровищ», у него похолодели руки. На первой странице книги он прочел:

ЛЛОЙДУ ОСБОРНУ —

*американскому джентльмену,
в соответствии с чьим классическим вкусом
эта повесть была задумана, в награду
за многочисленные чудесные часы
с самыми добрыми пожеланиями
ее посвящает ему его любящий друг.*

Автор

7

После холодного и дождливого лета, проведенного в горах Шотландии, Стивенсон был буквально насильно выслан родными в Давос. Его, как всегда, сопровождали верная и жестокая в своих заботах о нем Фанни и необыкновенно счастливый Ллойд.

Эту зиму они прожили не в отеле, а в маленьком домике, который они наняли. Здесь, уже на полу, стоя на коленях, Луис и Ллойд командовали своими армиями, которые с неизменным пылом продолжали сражаться под командной генерала Стивенсона и генерала Осборна. Стивенсон начал выпускать газету, которая заполнялась сообщениями вымышленных военных корреспондентов обеих сторон, постоянно лично присутствующих на поле битвы. Эта газета называлась «Яллобалли Рекорд»: яростный, нетерпимый, а порой клеветнический листок. Ллойд иногда смеялся над иными статьями газеты, но чаще приходил в ужас, особенно когда корреспонденты вра-

жеской стороны обвиняли «генерала Осборна» в медлительности, трусости и неопытности... После одной чересчур резкой корреспонденции Стивенсон дал разрешение «запретить газету и повесить редактора»!

Они привезли с собой игрушечный типографский пресс Ллойда. Мальчик не раз слышал, что денежные дела семьи находятся в шатком положении. Однажды, случайно подслушав слова Луиса: «Дело плохо, Фанни, мы снова должны писать моему отцу», Ллойд решил заработать немного денег, чтобы пополнить ресурсы семьи. Он был легкомысленным мальчиком, увлекался всеми видами зимнего спорта, до изнеможения катался на коньках или мчался с гор на тоббогане. Но он был не из тех людей, которые оставляют друзей в беде, и он решил показать всем, на что способен молодой американец. Он договорился с управляющим отелем, что отпечатает сто экземпляров программы еженедельных субботних концертов. Чернобородый управляющий был не очень силен в искусстве письма. Ллойд, как мы знаем, из-за постоянных переездов также не имел систематического образования. Поэтому первые программы были напечатаны со столь чудовищными ошибками, что посетители концертов не могли понять название песни: «Этта на Трофольгарский бухта». Но юноша не смущался. Он напечатал сообщение о благотворительном базаре, затем перешел к новостям дня, причем заголовки были набраны такими большими буквами, что чернобородый вполне поверил в талант Ллойда и стал платить ему деньги пунктуально.

Уверовав в себя, Ллойд выпустил маленькую книжечку под заглавием «Черный каньон, или Жизнь на Дальнем Западе», иллюстрировав ее собственными гравюрами, вырезанными на куске дерева карманным ножом, и продал все экземпляры по шесть пенсов за каждый; книга, а особенно ее орфография имели в отеле шумный успех.

Стивенсон, снедаемый завистью, написал небольшую поэму, озаглавленную «Военная элегия оловянными солдатами» и потребовал ее опубликования. После короткого спора издатель подчинился. Книга вышла, и весь тираж — пятьдесят экземпляров — был раскуплен. Ллойд великодушно уплатил своему сотруднику три

франка авторского гонорара: «Эта книга имела самый большой успех из всего, что я написал», — сообщил Стивенсон шотландским и лондонским друзьям.

Окрыленные успехом, друзья опубликовали новую книгу — «Моральные эмблемы. Коллекция гравюр и стихов». Успех был сенсационным: девяносто экземпляров, по шесть пенсов каждый, разошлись мгновенно. За первой последовала вторая книга «Моральных эмблем...». Но продолжить серию не удалось. Под тяжестью непосильной нагрузки детский пресс сломался, и типография перестала существовать.

Кроме часов забав и веселых шуток, у Стивенсона были запретные для всех часы, когда он работал. Его дух не был сломлен, но болезнь все более одолевала его.

После короткого лета, снова проведенного в Шотландии, Стивенсон не захотел возвращаться к холодным снегам Швейцарии. Ему надоели зима, снег, дождь, туман, ледяной ветер. Он мечтал о жарком лете, о пышной зелени юга, о синеве моря, столь не похожей на зеленые волны, вскипающие пеной, что разбиваются о суровые скалы у берегов Шотландии!

Они сняли маленький домик на Лазурном берегу Франции, у теплого и очень синего Средиземного моря, вблизи Иера. Домик назывался «Шале де солитюд» («Дача Уединение»). Летом он утопал в розах, и даже зимой над ним с незнакомым шумом качались трепетные листья пальм. Стивенсон прожил здесь с семьей почти два года и всегда говорил, что это были самые счастливые годы его жизни: ведь впервые он, вечный странник, имел *свой* дом. Сам Луис да и Фанни, несмотря на ее жизненный опыт, были удивительно бесхозяйственны. Поэтому заботу о доме взяла в свои руки француженка Валентина Рош, добрый и незаметный гений семьи Стивенсонов.

Однако для его близких эти годы не были такими счастливыми. Здоровье Луиса слабело все больше. Дважды он был близок к смерти: у него шла горлом кровь, и он не имел сил встать с постели. Он лежал в затемненной комнате, потому что его глаза не выносили света, и разговаривать с ним можно было только шепотом. Кроме туберкулеза, у него начала развиваться болезнь сердца, и атаки следовали одна за другой. Однаж-

ды, когда ему стало лучше, он пошел гулять, но через час его привезли домой: изо рта у него шла кровь. Фанни стала трясти его руку, чтобы пробудить его непреклонную волю. Тогда он сделал знак, чтобы ему подали блокнот и карандаш. Дрожащими буквами он написал: «Не тревожься, если это смерть, то она легкая»...

Трудно поверить, что именно в эти тяжелые годы им написана чистая и прозрачная книга «Детский сад стихов», наполненная счастьем детства и радостью существования. Невозможно представить себе, что эти тихо льющиеся строки, бессмертные как сам свет, создал беспомощный, лежащий пластом человек, который диктовал их хриплым, прерывающимся голосом в затемненной комнате!

Стивенсон посвятил книгу Камми, которая была воспоминанием и живым олицетворением его детства.

Стивенсон и его отец снова стали бесконечно нежными и близкими друзьями, как это было в дни юности. Стареющий Томас тосковал о сыне, с которым ему постоянно приходилось разлучаться, поэтому в 1885 году Луис и Фанни вернулись в Англию и поселились в Борнемауте — морском курорте на южном берегу. Черные скалы и вечно ревущий прибой напоминали Стивенсону родную Шотландию, и он называл дом, где они поселились, «Скерривор». Из окон верхнего этажа было видно море. Кирпичный дом был весь одет плющом, перед домом была поросшая вереском лужайка, на которой цвел куст рододендронов. Дом был подарком старика своей любимой невестке, и они прожили здесь три года, «как изюминки в пироге». Луис много работал, а Фанни была счастлива, ухаживая за ним. «Моя жена — прекраснейшая из птиц, — написал он матери из Скерривора. — Я люблю ее сейчас больше, чем раньше, чем всегда, и я удивляюсь ей еще больше. И я никогда не думал раньше, что я достоин такого чудесного дара... Моя женитьба была самой счастливой в мире... Она все для меня: жена, брат, сестра, дочь и дорогой товарищ. И я не променял бы ее ни на богиню, ни на святую. Так все длится после четырех лет совместной жизни»...

В Скерриворе знаменитый американский художник Сарджент, навсегда поселившийся в Англии, написал портрет Стивенсона. В нем он воплотил все обаяние пи-

сателя, его внутренний аристократизм, его талант, его беспокойство и чужаковатость. В этом портрете выражен подлинный дух этого удивительного человека.

Когда они уезжали из Борнемаута, Стивенсон вдруг заявил, что это место ему никогда не нравилось, что он все время болел и что все здесь им написанное очень плохо. Однако именно здесь была создана повесть «Похищенный» — одно из самых обаятельных и целостных произведений Стивенсона. Это гимн его родной Шотландии. В центре внимания автора не исторические события бурного XVIII века, но характеры людей. Фанатичный якобит Алан Брек Стюарт, гордый и тщеславный горец, по сути дела такой же мальчик, как и семнадцатилетний Давид Бальфур. Увлечение Луиса занимательными историями было совсем детским. Портреты женщин ему не удавались. «Я никогда не был доволен ни одной из моих женщин», — писал он под конец жизни. Но даже взрослые мужчины в его романах большей частью остаются детьми — по поразительному ощущению свежести жизни и молодости мира. Юность, победоносная юность поет в этом романе, похожем на сон, увиденный в раннем детстве!

В эти годы, проведенные в Англии, Стивенсон написал несколько книг. В конце так называемого «борнемаутского периода» он начал новую книгу, которая не только снова прославила его и без того достаточно славное имя, но и обогатила автора. Он получил за нее такой огромный гонорар, что несколько лет мог не думать о деньгах. Это была «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда».

Существует легенда, что однажды ночью Луис стал метаться на кровати, разговаривать и ужасно кричать. Встревоженная Фанни попыталась его разбудить. Тогда он сквозь сон сказал: «Не будите меня, я видел во сне чудесную дьявольскую историю». Рано утром он сел за стол и, почти не вставая, начал писать с необыкновенной быстротой, словно его рукой двигала какая-то нездешняя сила. На третий день вечером он закончил повесть и поставил подпись.

На самом деле все было несколько проще. Повесть была задумана им давно. Он не раз говорил, что в каждом человеке есть две стороны характера, две души и

время от времени берет верх то одна, то другая. Эта тема необыкновенно привлекала Стивенсона. В одном из писем он прямо сообщает, что задумал повесть «о человеке, который был двумя людьми».

Книга была действительно написана за три дня. Когда она была закончена, он показал ее Фанни с такой гордостью, что она, будучи сама очень гордой женщиной, ответила, что он написал дьявольскую повесть: все в ней рассказанное нереально, а лишь аллегория процессов, происходящих в подсознании. Луис был поражен в самое сердце: он ждал шумных и лестных похвал, а не холодного разбора его произведения. Спускаясь с лестницы, Фанни услышала, что он неистово звонит в колокольчик. Вернувшись, она увидела, что Луис, задыхаясь от кашля и не в силах вымолвить ни слова, показывает своим длинным пальцем на клубы дыма, извергающиеся из камина. Он решил, что Фанни осудила его повесть, и бросил ее в огонь. Фанни кинулась спасать уже обуглившуюся рукопись, но оказалось, что испорчены только первые страницы, остальные сохранились почти полностью. Тем не менее Стивенсон снова сел за стол и в три дня полностью переделал и переписал повесть.

« Когда книга была опубликована, Стивенсон оказался на вершине успеха. Издатель еле успевал допечатывать всё новые и новые издания. В Англии было продано сорок тысяч экземпляров. Даже настоятель собора святого Павла с его высокой кафедры произнес проповедь, о которой говорил весь Лондон,— проповедь, посвященную книге Стивенсона!

В 1886 году умер старый Томас Стивенсон. Теперь ничто больше не удерживало Луиса в Англии. Климат этой страны был убийственным для него. Он мечтал о южных теплых морях и о жарких странах, мечтал о бесконечных блужданиях по свету, он хотел переезжать с места на место «двадцать раз в день». Здесь у него оставалась любимая мать, все еще изящная и молодая, но она согласилась поехать с ним. Рядом была Фанни, которую он обожал с безумием первой влюбленности. С ним был Ллойд, восемнадцатилетний юноша, преданный ему до последней капли крови и до самой смерти. Он не мог взять с собой только Шотландию, страну своей

милой молодости, но он унес с собой ее образ и сохранил его навсегда.

27 августа 1887 года пароход «Людгед Хилл» отчалил от пристани доков принца Альберта. Он уносил Стивенсона и его семью к солнцу.

Гребни волн, провожавших корабль, казались позолоченными, круто очерченные облака на нестерпимо синем небе серебрились.

— Мы скоро вернемся! — кричали пассажиры провожающим, когда стали рваться бумажные ленты, соединявшие корабль с берегом. Один Стивенсон молчал: он знал, что не вернется в эту страну никогда, никогда, никогда!..

8

Компания, состоящая из Фанни, Ллойда, миссис Стивенсон, самого Луиса и Валентины Рош, носившей неопределенный титул «бонны», хотя в доме не было маленьких детей, отплыла в Америку со смешанным чувством. Миссис Стивенсон было жалко покидать родину, где она столько лет прожила с любимым мужем и вырастила замечательного сына. Валентина Рош боялась Америки: в ее представлении дикие индейцы, размахивая томагавками, нападают на мирных жителей и снимают с них скальпы; но она просто не могла расстаться с людьми, к которым была так привязана. Для Ллойда это было новым приключением, еще не описанным в книгах его отчима и друга. Фанни часто стояла на баке и глядела вперед. Она возвращалась на родину, где не была столько лет! Она не могла привыкнуть к утонченным манерам европейцев и, хотя умела носить маску неприступности и даже высокомерия, все же оставалась простой американской девчонкой с Дикого Запада, всегда готовой бродить босиком по лесу, скакать на неоседланных лошадях, бросаться в пену океанского прибоя, чтобы, открыв глаза, из-под воды наблюдать игру волн.

Ими предводительствовал Роберт Луис Стивенсон, «моряк и охотник», как звала его Фанни. Он не охотился ни на львов, ни даже на оленей. Но у него было вели-

кое ощущение природы — гор, пустынь, океана. Он, как настоящий охотник, выслеживал звезды — и пение флейт, громовую музыку прибоя — и утро, зарождающееся где-то на вершинах гор, чтобы спуститься потом по склонам и холмам на спящие травы. И, как говорится в старой шотландской песне, он искал золотые яблоки солнца и серебряные цветы луны...

Груз корабля был несколько странным для обычных пассажиров, но не для Стивенсона. Это были обезьяны, племенные жеребцы и... спички. Он завязал дружбу с одним павианом, которого называл «удивительно симпатичным». Павиан постоянно сидел у него на плече, обняв за шею, что вызывало дрожь отвращения у остальных пассажиров. Миссис Стивенсон-старшая все, что не было Шотландией, Парижем или модным курортом, считала «тем светом». Поэтому она храбро переносила качку, обед из солонины и галет и только жаловалась на запах конюшни — «совсем как на ноевом ковчеге».

Но Фанни, бедная Фанни! Она не переносила моря и все время страдала от морской болезни. Луис, всегда готовый прийти на помощь любому, даже незнакомому человеку, относящийся ко всем окружающим с трогательной заботливостью, не распространял этого на Фанни. Она просто была частью его самого, как вторая душа, поселившаяся в другом теле. Она была его любовью и его болезнью. Сам он, презирая слабость, бросался в волны прибоя, в стремнины пролива, прорывающегося сквозь рифы, и поэтому не мог понять ее слабости и несколько не жалел свою Фанни. Она даже взглядом не принадлежала никому, кроме него, и он таскал ее с собой в далекие путешествия на гнилых парусниках, по пустынным берегам и тропическим островам, населенным дикарями, сквозь шквалы и ураганы, презирая неудобства и опасности. Ведь это была *его* Фанни, а написанные им книги — *ее* книгами!

Чувства Фанни были иными. Она была побеждена его любовью, но не уничтожена, только пленена, и всегда оставалась сама собой. Для него она была высшей инстанцией суда над его творчеством, а она называла мужа «моим мальчиком», и ее лицо озарял внутренний свет, когда она видела его рядом с собой.

Когда корабль подходил к Нью-Йорку, Стивенсон

впервые понял, что такое всемирная слава. В двух маленьких лодках, смело ныряющих в океанских волнах, к борту подошли два лоцмана. Когда они ступили на палубу, то оказалось, что один, веселый и приветливый, носит прозвище Джекилл, а другой, угрюмый и грубый, известен под кличкой Хайд — по именам его героев.

Нью-Йорк очень быстро утомил Стивенсона. Бесконечные преследования «охотников на львов», стремящихся пригласить к себе любого знаменитого писателя, талантливого скрипача или героя какого-нибудь светского скандала, непрерывные празднества в его честь, торжественные и нудные официальные приемы с длинными речами и пожатием рук десяткам незнакомых людей, домогательства издателей, сулящих огромные деньги за произведения, не только не написанные, но и не задуманные, и, наконец, свирепые нападения охотников за автографами — все это привело к сильнейшему нервному переутомлению и к новой вспышке болезни. Снова Луис был в постели, и снова врачи рекомендовали ему бежать из города в горы, одетые в снег и лед. Однако теперь это был уже не Давос, а туберкулезный санаторий Саранак в Адирондакских горах.

Стивенсон и его свита поселились не в отеле, а в маленькой хижине, принадлежавшей степенному, приветливому старому зверолову и его хлопотливой жене. Могучие деревья, одетые в иней, как в серебряную парчу, подступали к самому дому. В это время года в Саранаке было очень холодно. Луис шутя говорил, что если повесить термометр на террасе, то ртуть опустится до самого низу, свернется клубочком и упадет в зимнюю спячку, как медведь. Он оделся в тулуп из шкуры бизона и мокасины и заявил своему другу, художнику Лоу, который приехал к нему в гости, что его нельзя рисовать, так как он не простой человек, а находится в ранге «почетного саранакера» — дикого обитателя лесов. В горах, на воздухе, настоенном на хвое, Стивенсону сразу стало лучше, и он начал писать большой, но очень мрачный по колориту роман «Мастер Баллантре». Из окна дома, сложенного из огромных бревен и стоящего на холме, открывался вид на тонущую в синеве долину, напоминавшую ему Шотландию — родину, которую он никогда не сможет увидеть...

Стивенсон так часто менял свой адрес, что многие письма его друзей до него не доходили. Ответы на корреспонденцию, отправленную в Нью-Йорк и Саранак, сильно задержались. Но вот наконец друзья получили письма Луиса с чрезвычайно странным и неопределенным адресом: «Борт шхуны «Каско». Тихий океан»!

«Каско» скорее походил на рождественскую елочную игрушку, чем на настоящий корабль, каких немало перевидал Стивенсон. Необыкновенно изящный, с острыми обводами, стройным рангоутом и ослепительными парусами, он напоминал морскую птицу, на мгновение севшую на волны отдохнуть. Он был известен во всей Полинезии под прозвищем «Серебряный корабль». Однажды, во время одной из литературных игр, Стивенсон нарисовал корабль под парусами и подписал: «Символ желания». Теперь его желание исполнилось, и он без конца повторял строчку из своих стихов: «Это жизнь для таких, как я; это — жизнь навеки!»

«Каско» не был собственностью Стивенсона. Он принадлежал одному миллионеру, который отделал свою яхту внутри со строгой и благородной роскошью. Луис, всегда сидевший без денег, теперь без труда мог зафрахтовать лучший корабль на Тихом океане: он получил большое наследство после смерти отца, американские издатели заплатили ему огромные деньги за право издания его книг и, наконец, издатель Мак-Клюр, с которым Стивенсон познакомился в Саранаке, предложил ему, если он захочет, отправиться в плавание по Тихому океану и посетить разные экзотические острова, гарантируя писателю, что путевые очерки будут напечатаны и щедро оплачены. Чудесный климат южных морей, добавил Мак-Клюр, будет гораздо полезнее для Стивенсона, чем холод снежных адирондакских вершин.

«Если он захочет отправиться...» Эта идея буквально свела с ума Луиса. Ему предстояло бесконечное плавание — а он в душе был моряком; он мог наблюдать и превращать в строки прозы или стихов удивительные обычаи, необыкновенные празднества, экзотические танцы темнокожих девушек и торжественные приемы туземных королей!

15 июня 1888 года «Каско» прошел через Золотые ворота Сан-Францисской бухты. «Каско» казался раем

после пароходов, переполненных пассажирами, с палубой, окутанной зловонными клубами дыма, и душными каютами, похожими на тесные норы зверей. Корабль, словно заколдованный, бесшумно скользил по темно-синему стеклу, почти не похожему на воду, и только две струи, расходящиеся от его форштевня, заставляли верить, что движение еще существует в этом дремотном мире. Словно в сновидении, они плыли вперед, поворачивали руль и неожиданно, как это бывает в тропиках, входили в ночь, осыпанную бриллиантами громадных мерцающих звезд. Первая остановка была на Маркизских островах, потом путешественники посетили благодатный остров Таити, похожий на гору, поросшую густым лесом, внезапно поднявшуюся из-под воды. Романтические мечты Луиса столкнулись с реальной действительностью. Не было ни танцев, ни празднеств, ни девушек в венках. На Таити, где, как утверждала легенда, можно жить без денег, царила безысходная нищета. Это было не просто порабощение туземцев, а это был свирепый колониальный разбой, гораздо более жестокий, чем похождения «джентльменов удачи» из «Острова Сокровищ»...

Зато климат оказался поистине чудесным. Здоровье Стивенсона значительно улучшилось, появился аппетит. Фанни с восхищением следила за тем, как на одном празднике, данном в его честь, он четыре раза протягивал свою тарелку распорядителю пира и просил еще свинины — самого лакомого блюда Полинезии. Их угощали сырой рыбой, приправленной соусом из кокосового молока, смешанного с морской водой, и лимонным соком, таро пой-пой (никто не мог толком им объяснить, что это такое), бананами, зажаренными на раскаленных камнях, с кокосовыми сливками.

Луис был на седьмом небе. «Вот это пища!» — говорил он. Ллойд пожирал все без разбора, лишь бы набить желудок. Фанни почти не притрагивалась к еде. Старшая миссис Стивенсон принимала все эти экзотические кушанья как должное. В Шотландии она ела все, что положено по этикету. В Остенде она ела устрицы, в Париже — луковый суп и окорочка лягушек, зажаренные в касторовом масле, на юге Франции — улиток со сладким рисом. И, если на каком-нибудь официальном приеме в

Полинезии подавали кушанья, казавшиеся ей несколько странными, она ела их с одинаково ровной улыбкой — таков был местный этикет!

По возможности, все свое время они проводили на открытом воздухе. Почти без одежды, босиком, по колено в теплой воде бродили они по отмелям, отыскивая красивые раковины. Одна миссис Томас Стивенсон не поддавалась местной моде. Пытаясь соединить эдинбургские образцы с полинезийскими, она хотя и отказалась от чулок, но носила изящные маленькие сандалии и никогда не снимала своего пышного вдовьего чепца. Она походила в нем на портреты королевы Виктории, с той лишь разницей, что на шее у нее всегда висело ожерелье из ярких тропических цветов... На местные праздники все пассажиры «Каско» являлись в венках из золотых листьев: это было скромно и в то же время достаточно официально.

Король Калакуа принимал Стивенсона в Гонолулу не только официально, но и в частной обстановке. Он очень полюбил Луиса и постоянно угощал его шампанским, своим любимым напитком.

Старшей миссис Стивенсон, матери Луиса, было легко присутствовать на этих придворных приемах, но на Новых Гебридах, как истая пуританка, она была шокирована не тем, что по приказу короля были убиты тысячи и съедены сотни людей.

— Это преувеличено, — сказала она, — съедено только одиннадцать, и главная жена короля в ее великолепном тюрбане выглядела как настоящая леди. Но ее дочери! Они были одеты не лучше, чем дочери Роб Роя Мак-Грегора! А это совершенно неуместно при дворе!

Пока корабль стоял на ремонте в Гонолулу, Стивенсон посетил поселок прокаженных на острове Молокаи. Он восхищался подвигом отца Дамиена, который поселился среди прокаженных и своим трудом превратил остров из невыносимого места ссылки, одиночества и нищеты в обиталище, достойное людей. Но однажды наступил трагический день, когда священник начал свою проповедь не с обычных слов «Мои дорогие братья», а с обращения «Братья прокаженные»... И все поняли, что он заразился страшной, неизлечимой болезнью.

Когда Стивенсон приехал на Молокаи, еще не окон-

чился траур по недавно умершему отцу Дамиену, и рассказы об этом герое и мученике поразили воображение писателя. Он пробыл на Молокаи около недели, ухаживал за слепым прокаженным в госпитале, всячески пытаясь быть полезным, играл в крокет с прокаженными детьми, отказавшись даже надеть предохранительные перчатки. «Они достаточно испытали унижений и без этого», — сказал он Фанни. Когда Стивенсон вернулся в Гонолулу, он купил рояль и послал его на Молокаи, а также написал всем своим знакомым в Англию, прося их прислать на Молокаи, на имя преподобной сестры Марианны, лоскутки и обрезки материи, потому что у всех маленьких девочек, живущих на острове, есть тряпичные куклы и они очень любят их одевать...

Дальнейший маршрут проходил через острова Фиджи, или Тонга, Сидней, Цейлон, Суэц и Марсель, откуда они должны были вернуться в Англию. Но поперек пути Стивенсона снова легла тень смерти.

В Сиднее врачи объяснили ему, что даже кратковременная поездка в Англию в любое время года может стать для него последним путешествием. В благодатном же климате южных морей он может прожить еще долго (один-два года, думали, но не говорили они).

Почти год спустя после посещения Молокаи, когда Стивенсон был уже в Сиднее, он прочел в газете отвратительное ханжеское письмо епископа Гонолулу, запрещающего ставить памятник отцу Дамиену из-за тех вполне простительных мелких промахов и ошибок, которые были сделаны им на Молокаи.

Фанни никогда не видела мужа в таком бешенстве. Он совершенно реально увидел рядом с собой несчастных прокаженных, увидел отца Дамиена, с которым ему не пришлось встретиться, а за ними стояли ограбленные жители сказочно прекрасных островов Полинезии, обездоленные фермеры Калифорнии, согнанные со своей земли золотопромышленными компаниями, нищие ковбои Мексики, истощенные грузчики Сан-Франциско. Он представил самого себя среди этих людей, голодного, больного, в жалких лохмотьях, и вдруг понял, что он вместе с ними, что он один из них! Пусть он родился в богатом доме и много лет провел в довольстве, но годы скорби, непосильного труда и ожидания смерти искупили

все! Он и раньше писал о борьбе добра и зла, добрых и благородных людей — с негодяями и низкими предателями, светлого и темного начала человека. Но теперь он увидел, что перед ним два мира, стоящих друг перед другом, всегда готовых к жестокой битве, и он знал, на чьей он стороне! О, если бы он мог написать об этом! О, если бы он мог успеть!..

Он сел и не отрываясь написал «Открытое письмо в защиту отца Дамиена», адресованное епископу Гонулу. Когда он кончил, то прочитал его вслух семье. Он считал, что все должны знать, на что он идет, если напечатает письмо в газете: епископ мог вспомнить о его отношении к религии, мог пустить в ход клевету, как она когда-то была пущена против Байрона, против Шелли и даже против Диккенса! Он мог остаться без заработка, лишиться всего и все начинать сначала. Но, когда он кончил — с пылающим лицом и глазами, налитыми кровью, — все закричали: «Печатать, печатать!»

С этого дня прошло около восьмидесяти лет, но и до наших дней не иссякла неукротимая сила этого письма, и оно остается одним из самых замечательных произведений, какие написал за всю свою жизнь Роберт Луис Стивенсон.

9

Существует много изображений Роберта Луиса Стивенсона: два блестящих портрета, написанных виртуозной кистью Сарджента, и масса фотографий. Вот он изображен ребенком, прильнувшим к коленям матери; вот — шестнадцатилетний подросток, опирающийся на плечо отца; вот — молодой эдинбургский адвокат в пудренном парике и широкой мантии. Но, пожалуй, больше всего передают дух его неповторимой эпохи и дух его творчества два снимка: яхта «Каско», проходящая мимо одного из тропических островов, и Луис Стивенсон за своим рабочим столом, снятый Ллойдом Осборном в Скерриворе.

Море на фотографии, на которой изображен «Каско», похоже на слегка затуманившееся или плохо отполированное зеркало. «Золотой корабль» снят против света,

и два его темных паруса заслоняют половину неба, которое в это время дня должно быть золотым, как солнце, растворившееся в воздухе. Слева от корабля виден темный берег, поросший лесом. «Каско» уходит от зрителя, его бушприт направлен на синеющие вдали голубые холмы, поднимающиеся из моря, — вершины далеких островов.

Это мир Стивенсона — мир, о котором он мечтал, лежащий под южным пламенным солнцем, населенный большими детьми. Но этого мира на самом деле не существовало: писатель искал его всю жизнь и нашел лишь в своем воображении. Американский литературовед профессор Вильям Лайон Фелпс, исследовавший творчество писателя, сказал о нем: «Романы Стивенсона — это рай до создания Евы. Змей уже существовал, но еще не было женщины»... Да, Роберт Луис Стивенсон видел в своей жизни много зла, но он не бежал от него в мир пессимизма, он боролся с ним, противопоставляя ему великое добро.

На фотографии, сделанной Ллойдом Осборном в рабочем кабинете писателя, Стивенсон сидит за столом. На его зябкие плечи накинут шотландский плед, длинные темные волосы спадают на плечи. Перед ним пачка испанной бумаги; в руке он держит перо. Но писатель не видит читателя, его пристальный и тревожный взгляд направлен куда-то вовне, на ту невидимую сцену, где всегда разыгрывается все тот же вековечный спектакль: простая и ужасная битва добра со злом — всегда одна и та же, в какие бы пышные одежды ни драпировались актеры.

Луис Стивенсон был бунтовщиком и атеистом, но он был воспитан в пресвитерианской Шотландии, в очень религиозной семье, и это наложило на его характер и взгляды неизгладимый отпечаток. Шотландская религия лишена пышных внешних обрядов и мистики, она вполне земная и сосредоточена преимущественно на вопросах этического порядка: воздаяние за добро и отмщение за зло. Но писателя волнует другая, более сложная проблема: почему зло так смело борется с добром, почему оно так привлекательно, а носители зла так интересны, так талантливы, так сильны, так умны... Ведь ни для кого не секрет, что долговязый Джон Сильвер — самый силь-

ный характер в «Острове Сокровищ», и под его обаяние поддаются и сквайр Трелони, и доктор Ливси, и Джон Хаукинс... А «чернейший из всех тиранов» Ричард III?.. А лорд-адвокат Престонгрэндж в «Катрионе»?.. А главный герой романа «Мастер Баллантре» Джеймс Дьюри — талантливый, смелый и умный человек, но одновременно предатель и безжалостный эгоист? Под его влиянием даже простой и скромный Генри, его брат, становится другим, теряет душевное равновесие, и в нем неожиданно появляются злобная жестокость и мстительность... А рассказ Стивенсона о гениальном и беспутном поэте Франсуа Вийоне, становящемся преступником?.. А написанный под влиянием Достоевского рассказ «Маркхем», где герой является английским вариантом мятущегося Раскольникова?..

Наиболее полно, с яростной беспощадностью рассказано о победе зла над добром, зла отвратительного, почти потустороннего, в аллегорической повести «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда».

Но, кроме романиста, автора повестей и рассказов, существует еще Стивенсон-эссеист, совершенно неизвестный в нашей стране, и лирический поэт Стивенсон, автор «Детского сада стихов» и сборника «Тень деревьев». Этих авторов нам еще предстоит открыть.

В статье «Книги, которые оказали на меня влияние» Стивенсон сам рассказал о своих литературных вкусах. Больше всего он восхищался Шекспиром и, в частности, Гамлетом, в душе которого, по мнению Стивенсона, воплотилась его собственная идея, нашедшая выражение в «Странной истории». Тринадцати лет он влюбился в д'Артаньяна, но не в молодого, бесшабашного героя «Трех мушкетеров», а в старого д'Артаньяна из «Виконта де Бражелона». В детстве он любил «Странствия паломника» Бениана с его сложной системой аллегорий и почти библейской пышностью стиля. Всю жизнь ему были дороги «Листья травы» Уитмена и «Уолден, или Жизнь в лесу» Торо. С другой стороны, рядом с неистовым пантеизмом обоих американских писателей он ценил и суховатые, полные рационализма «Опыты» Монтеня и пессимистические размышления Марка Аврелия. Из английских поэтов ему были больше всего близки Уордсворт и Колридж. «Никто не мог, кроме него, написать что-

либо подобное «Кубла-хану», — говорил он. Из других источников мы знаем, что он восторгался «Творчеством» Золя и внимательно изучал Достоевского. Станный список, не правда ли?.. Ни малейшего влияния стиля всех этих писателей нельзя найти в прозе самого Стивенсона. У него совершенно самостоятельная манера и мысль. Его проза интеллектуальна, стиль тонкий, музыкальный, чудесный. Магическое прикосновение его пера оживляет каждый пейзаж, каждую фигуру, каждую фразу — недаром он заслужил почетное звание «первого стилиста в английской литературе».

...После первой мировой войны в англо-американской литературе появились такие имена, как Фолкнер, Хемингуэй, Дос-Пассос, Стейнбек. Сейчас, после второй мировой войны, к нам возвращаются Герман Мелвилл и Роберт Луис Стивенсон — со всем неукротимым оптимизмом своего романтизма, со всей верой в человека, в его неотвратимую победу над смелым, жестоким и бесчеловечным злом. «Человека можно убить, можно его уничтожить, но победить его нельзя».

Последние годы жизни Стивенсон провел на островах Самоа.

Теперь он был всемирно известен и богат — впервые в жизни, столь тяжелой и страшной для человека с иным характером и слабой волей. Но он жил как солдат и хотел умереть на посту. На острове Уполу, в двух или трех милях от Апини, столицы архипелага, он купил участок земли на склоне высокой горы. Там ему построили просторный дом с большими верандами; на задней веранде, выходящей на север и всегда остающейся в тени, он любил работать, лежа на полу. Легкие чудесные бризы перебирали листья пальм, и, как далекая музыка, доносились всплески и рев океана. Рядом протекали три чистых ручья и срывались с горных склонов два говорливых и радужных водопада. За домом возвышался огромный утес, где когда-то было расположено укрепление. Отсюда были видны море, берег и вся окрестная страна. Позади

простирался лес, переходящий в непроходимые джунгли. Но Луис редко выходил из дому: он не мог ездить верхом, для него был непереносим тяжелый и влажный воздух низин. Только когда он поднимался в гору, выше и выше, он дышал все легче и легче...

Дом назывался «Вайлима», что означало «Четыре реки», к нему вела дорога, посыпанная гравием, которая светилась ночью, так как Луис обложил ее обочины фосфором. Она шла словно по туннелю: деревья сходились над головой зеленым сводом. С последнего поворота открывался вид на двухэтажный дом, выкрашенный яркой синей краской, над домом поднималась вершина горы, покрытой лесом. Кокосовые пальмы, похожие на страусовые перья, спускались по склону, над вершиной пролетали фрегаты — птицы, могущие спать в воздухе и пересекать безбрежные океаны.

Работалось ему легко, но жизнь уходила капля за каплей. Чем ближе подходила смерть, тем меньше он видел окружающее, и перед ним воскресала его Шотландия, страна гор и долин, великолепная, как тусклые, но бесконечно разнообразные цвета тартана.

Катриона Мак-Грегор, героиня романа «Катриона», стала для него олицетворением Шотландии. Шотландия, как женщина, являлась к нему каждый день, входила в его сновидения, как входят в лес, в дождь или в солнечный свет, — не разводя руками ни лучей, ни струй, ни листьев. Она просто появлялась в его сознании, в его сердце, и ее образ был для него мучителен. Он задыхался, и руки леденели, когда она появлялась — реальная, как тень, музыка или рассвет.

Наступала ночь, и небо, вышитое южными созвездиями, как будто поднималось все выше и выше. С гор опускалась прохлада вместе с береговым бризом, уходящим в теплое море, а Луис лежал на циновке на верхней веранде большого дома Вайлима и иступленно работал. Он весь был объят замыслами, как все спящие вокруг были объаты сном, а океан, уходящий к невидимому горизонту, казалось, обнимал остров и всю землю.

Он писал, грыз перо и снова писал, пытаясь удержать неминуемо уходящее время, которое ускользало невозвратно, подобно песку в иссякающих песочных часах. Но часы можно перевернуть, время начнется сначала,

а для человека — Стивенсон хорошо это знал — существует лишь одно направление времени...

Он работал над романом «Сент-Ив», где было все: Эдинбург, крепость с развевающимся флагом, девятичасовой сигнал горна, Суонстон, простирающийся по склону Петлендского холма, холмы, поросшие вереском...

Героем книги был наполеоновский офицер виконт Каруэль де Сент-Ив, пленник, заключенный в Эдинбургский замок, бежавший оттуда с необыкновенной смелостью и скитающийся по дорогам милой Шотландии. Героиней была «прекрасная Флора», как ее называл Сент-Ив, тень и призрак Катрионы. Наступало утро, и теплый бриз возвращался обратно с моря. Стивенсон шел по «Дороге любящих сердец», и одновременно он шел по дороге из Суонстона в «Аулд Рики» — старый дымный Эдинбург.

Был чудесный солнечный день 3 декабря 1894 года. Все утро Стивенсон диктовал Фанни, и теперь он позвал ее, как обычно, прочитать ей новую главу. Она велела принести бутылку старого бургундского, чтобы отметить окончание большого этапа работы: книга близилась к концу.

Вдруг Луис схватился за голову, закричал ужасным голосом: «Что это такое?» — и упал ничком на пол веранды.

Фанни и Ллойд с трудом перетащили его в большой холл, и он умер, сидя в кресле, два часа спустя. Кресло это когда-то принадлежало его деду, Роберту Стивенсону, строителю маяков: Ллойд недавно привез его из старого дома в Эдинбурге.

Его похоронили, как он хотел, на вершине горы Ваеа. Туда не было дороги, и весь «клан Тузиталы» от рассвета до полудня следующего дня прорубал в джунглях тропу к будущей могиле.

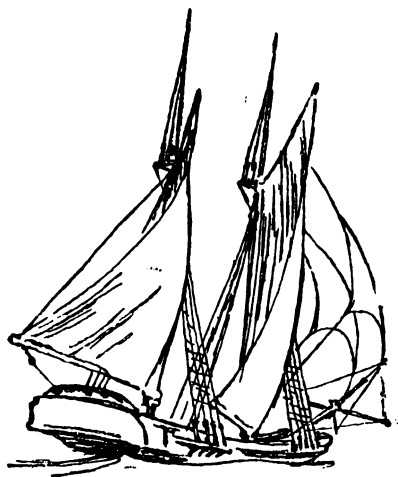
Похоронную процессию провожала огромная толпа людей разного цвета кожи. Здесь были «гаолы» — «белые», так называют в Полинезии европейцев, китайцев, негров, а также местные жители. На могильном камне выгравировали строфу из его «Реквиема», написанного им в самый тяжелый день жизни.

Теперь над островами Самоа развевается флаг первого в Полинезии независимого государства. Но народ

не забыл Тузиталы: первой книгой, напечатанной на полинезийском языке, была книга Стивенсона.

В тропическом климате тропа к его могиле быстро заросла, а надпись, сделанная много лет назад, стерлась. Сюда почти не доносится шум океана, и только птицы южных морей поют над могилой Тузиталы, рассказчика историй. Лишь фрегаты, проплывающие в облаках, видят серый камень, на котором еще можно разобрать две последние строчки надписи:

Домой вернулся моряк, домой с моря.
И охотник домой вернулся с холмов...

ПРОТИВНИК ШЕРЛОКА ХОЛМСА

В 1954 году в Лондоне состоялась торжественная церемония: на доме № 109 по Бекер-стрит, при огромном стечении народа, была укреплена мемориальная доска, гласящая, что здесь с 1881 по 1903 год жил и работал знаменитый частный сыщик Шерлок Холмс.

Редкий литературный герой, существовавший лишь на страницах книг и в памяти читателей, удостаивался такой славы. С Шерлоком Холмсом может соперничать только мистер Пикквик, чье имя в день столетия выхода в свет знаменитого романа великого английского писателя Чарлза Диккенса было отмечено мемориальными досками на каждом трактире, где несравненный основатель Пикквикского клуба останавливался хотя бы на час, чтобы выпить кружку эля или пропустить стаканчик бренди.

Шерлок Холмс превзошел мистера Пикквика в другом: хотя и посмертно, он является основателем двух

действительно существующих, а не литературных клубов — в Англии и Соединенных Штатах.

В церемонии на Бекер-стрит приняло участие много народу: писатели, издатели, представители прессы, читатели, просто зеваки. Но не было одного человека — огромного, шумного, веселого, с длинными, воинственно закрученными вверх усами, со светло-серыми, блестящими иронией глазами: самого сэра Артура Конан-Дойля, создателя образа «великого сыщика». И не только потому, что сэр Артур (вернее, мистер Дойль) умер за четверть века до события, прославляющего его героя. Вероятно, если бы он был жив, то все равно не явился бы на празднество.

Потому что он очень не любил Шерлока Холмса.

Иногда бывает трудно написать биографию знаменитого человека — не всегда сохраняются материалы и документы о его жизни и деятельности. С писателями легче: их биография — в их книгах. Но, когда пытаешься набросать хотя бы беглый литературный портрет Конан-Дойля, встречаешься с затруднениями совсем иного рода: материалов слишком много, и, кроме того, они так извращены биографами, что до сих пор, хотя прошло больше ста лет со дня рождения Конан-Дойля, настоящей, не фальсифицированной биографии писателя пока не существует.

Шерлок Холмс, если помнят читатели, испытывал ужас перед уничтожением любых документов: нужные и ненужные бумаги накапливались по многу лет и горами лежали в каждом углу квартиры, которую он занимал вместе с доктором Ватсоном. Эту черту своего героя Конан-Дойль передал знаменитому сыщику по наследству от самого себя. Писатель умер в 1930 году, а разборка его литературного наследства закончилась только через шестнадцать лет — в 1946 году. Рукописи были собраны в одиннадцать огромных ящиков; в конверты душеприказчики сложили письма, документы, фотографии, вырезки из журналов и газет. В одном только ящике № 2 было собрано двадцать шесть больших связок рукописей, не считая нескольких десятков конвертов, маленьких ящиков, коробок и пакетов с вырезками и мелкими заметками...

Публикация этих документов до сих пор не только

не закончена, но по-настоящему и не начиналась: Семья покойного писателя лишь с гордостью сообщала, что в корреспонденции сэра Артура (его сын Адриан иначе его не называет) имеются письма короля Эдуарда VII, родственников королевы Виктории и короля Георга V, Уинстона Черчилля, премьер-министра лорда Бальфура, президентов Соединенных Штатов Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта, таких писателей, как Киплинг, Уэлло, Россетти, Шоу, Мередит, Барри, Мезфилд, Хаггард. Но сами эти письма не публикуются.

Родные стыдятся подлинной биографии писателя: того, что он вырос в нищете, так как его отец бросил семью без всяких средств к существованию, что Артур еще в студенческие годы стал атеистом, что он бедствовал и после окончания университета и долго не мог найти себе работу, что он был не почтенным английским джентльменом, а шумным и непоседливым ирландцем, склонным к странным шуткам и мистификациям, что многое из опубликованного им было написано исключительно ради денег.

Боле того: в ответ на несколько биографий, появившихся после смерти писателя и основанных на материалах и воспоминаниях людей, которые его хорошо знали, Адриан Конан-Дойль (кстати сказать, он никакой не Конан-Дойль, а просто Дойль, так как «Конан» было не фамилией, а вторым именем его отца) написал книжечку «Истинный Конан-Дойль», в которой изобразил своего отца глубоко религиозным, респектабельным джентльменом и подлинным аристократом. Читая эту тоненькую зеленую с черным книжечку, никак не можешь поверить, что изображенный в ней человек мог вообще что-нибудь написать.

А сам Конан-Дойль сказал о себе: «Я человек с улицы!»

Артур Конан-Дойль был ирландцем только по происхождению, по крови. Три поколения его предков жили в Лондоне, никто не знал ирландского языка, давно была утеряна их связь с ирландской культурой. Со «старой родины», как обычно говорилось в доме, они получили в наследство лишь великолепный юмор (вспомним, что самыми остроумными английскими писателями последнего столетия были ирландцы по крови Бернард Шоу

и Оскар Уайльд). Католическая религия, которой они придерживались по традиции, была протестом против угнетения Джоном Буллем «Другого острова» и была большой помехой при любой административной карьере. Но на область искусства это не распространялось, поэтому так много ирландцев в английской литературе.

Дед писателя Джон Дойль считался в начале прошлого века «королем политических карикатуристов» Лондона. Он был похож на молодого герцога Веллингтона, победителя Наполеона при Ватерлоо, бывшего в те годы премьер-министром. Среди художников Джон Дойль был известен под прозвищем «лорд Джон» или «генерал-губернатор». И хотя в семейных хрониках, не всегда достойных доверия, род Дойлей происходит из ирландского дворянства (джентри, как его называют по-английски) и его якобы можно проследить до первой половины четырнадцатого века, вернее всего, именно «лорда Джона» Дойля можно считать подлинным родоначальником семьи, представленной четырьмя именами в Английском биографическом словаре, в том числе одним из самых знаменитых — Артуром Конан-Дойлем.

Из трех сыновей Джона Дойля старший, Ричард («Дикки Дойль»), был ведущим художником знаменитого сатирического еженедельника «Панч», второй сын тоже был известным карикатуристом. Третий — Чарлз Альтамонт Дойль, отец писателя, — оказался неудачником. Архитектор по профессии, художник-акварелист по пристрастию, он работал в Эдинбурге, куда его забросила судьба (и нужда), старшим клерком в шотландском «Управлении работ».

Это был человек очень «артистического вида», как говорят в Англии. Он презирал вульгарные сюртуки и одевался, как настоящий художник, в куртку из тяжелой шотландской шерсти. У него была красивая каштановая шелковистая борода, вьющиеся волосы и легкомысленный характер. В Эдинбурге он женился на семнадцатилетней Мэри Фоли из очень бедной ирландской католической семьи, маленькой сероглазой женщине с чудесными волосами, разделенными ровным прямым пробором. Она казалась такой хрупкой, словно «ее мог сдуть порыв ветра», но в этом маленьком теле обитал гордый и строптивый дух фанатичной католички, а в хорошенькой головке

бродили странные фантазии относительно древности ее рода и места ее сына в самом высшем аристократическом обществе.

Ее страстью была геральдика.

Артур родился в Эдинбурге на площади Пикардилейс 22 мая 1859 года. С первого же дня своего появления на свет и на всю жизнь он стал любимцем матери.

Эдинбург в те годы был городом Стивенсона, который был всего на девять лет старше Конан-Дойля. Но если для Луиса, коренного шотландца, этот город был олицетворением его юности и счастья, а эдинбургский замок с его развевающимся флагом — центром воспоминаний и снов, то для Артура это был скучный «Аулд Рики», как его называют горожане, полный дыма и восточного ветра, орошаемый монотонным дождем.

Мальчик еще не научился читать, когда мать стала проводить с ним длительные беседы о гербах и геральдических символах:

— Ну скажи, Артур, какие гербовые поля ты знаешь?

— Горностай, противогорностай, белка и противобелка.

— Хорошо. Расскажи теперь, как называются эти два креста.

— Это полый крест, а это вилообразный...

Отец с изумлением прислушивался к этой беседе; очень скоро ему становилось тоскливо, он незаметно исчезал и уходил в свою веселую компанию, где чувствовал себя так привольно. А мать и сын продолжали беседу:

— Теперь поговорим о щитодержателях... Какая это фигура?

— Лев, мама.

— Что ты, милый! Львом называется фигура, смотрящая в профиль и стоящая на задних лапах. Во всех остальных случаях это будет леопард. И запомни, что фигура на щите может иметь только семь положений, а геральдические кресты имеют двести форм... И никогда не забывай, — всегда добавляла она в конце беседы, — что я происхожу от Плантагенетов, английских королей. Наша семья — потомки младшей линии лордов Перси, переселившихся в Ирландию!

Бедная добрая женщина! Гордость не позволяла ей

вспомнить английскую поговорку: «Все без исключения ирландцы происходят от королей».

Мальчик, широко раскрыв глаза, мог часами слушать рассказы матери о Столетней войне между Англией и Францией, о битве при Креси, где англичане, имея в строю четыре тысячи тяжеловооруженных рыцарей и десять тысяч лучников, нанесли жестокое поражение французам, в войске которых было восемь тысяч всадников и шестьдесят тысяч пехоты. Закрыв глаза, он на память мог перечислить гербы на щитах и цвет знамен. Французские воины были вооружены арбалетами. Английские лучники поражали их одного за другим, так как пускали стрелы вчетверо быстрее. И героем этой битвы был Черный принц, шедший во главе первой линии английских рыцарей, которому тогда было всего лишь пятнадцать лет...

Когда Артур стал читать самостоятельно, он на короткое время увлекся Майн Ридом, романтикой индейцев и бизонов. Но вскоре снова вернулся к историческим романам, которым не изменял всю жизнь. В эти годы стала надолго его любимой книга «Айвенго» сэра Вальтера Скотта.

Девяти лет он был отправлен в закрытую подготовительную школу Ходдера в Стонихарсте вблизи Эдинбурга, которая была основана и содержалась на средства ордена иезуитов.

Одетые во все черное отцы-иезуиты были руководителями, наставниками и учителями. В школе изучались латинский и греческий языки, геометрия и алгебра. «Но должен сказать правду,— признавался позже писатель,— мои греческий и латинский очень мало пригодились мне в жизни, а математика оказалась совсем ненужной». Гораздо большее значение в его жизни сыграли прекрасное знание французского языка, любовь к которому привила ему мать, и Жюль Верн, ставший в школьные годы его кумиром.

Очень худой, со спокойными манерами, со странной скрытой улыбкой, мальчик был на хорошем счету у отцов-иезуитов. Замкнутость и даже скрытность считались одной из главных добродетелей учеников. Но на самом деле он тайно писал пародии в стихах на учителей, читал при свечах до рассвета Вальтера Скотта или, поднимая

соседей по дортуару, которые, завернувшись в простыни, рассаживались на кроватях вокруг него, рассказывал им ужасные истории, всегда прерывавшиеся на самом интересном месте...

Шестнадцати лет он покинул школу, чтобы посвятить себя католической церкви и братству иезуитов и, по желанию матери, принять священнический сан.

В награду за успешное окончание школы он совершил увеселительное путешествие в Австрию, в курортный городок Фельдкирхе. По дороге он остановился в Лондоне, который понравился ему не больше, чем Эдинбург. В Австрии он гулял в горах, катался на тоббогане, играл в футбол, много танцевал — в юности он был страстным и неутомимым танцором — и «пил настоящее пиво». Лето 1876 года он провел в Париже, который его очаровал.

Возвратившись домой, он был поражен как громом: никакого отца не было и в помине и никто не хотел о нем говорить. Благопристойная бедность сменилась жестокой нищетой. Сестра для заработка вынуждена была отправиться за море, в Португалию. Нечего было и думать о какой-то церковной карьере: нужно было спасать семью.

Артур, человек молодой и очень сильный, хотел пойти работать грузчиком угля или перевозчиком мебели, но открылась другая возможность: в Эдинбургском университете, на медицинском факультете, имелась стипендия в семь фунтов в месяц. Сумма показалась Артуру огромной: на нее можно было содержать семью. Он был убежден, что получит ее: школьный диплом высшего разряда и огромная работоспособность позволяли ему рассчитывать на это. Так, совершенно случайно, Конан-Дойль избрал своей профессией медицину.

Эдинбургский университет оказал сильное влияние на личность Конан-Дойля и познакомил его с жизнью, которую он знал только по книгам. Люди, с которыми он здесь встретился, очень часто, хотя и в преображенном виде, позже появляются на страницах его книг. Здесь получил он вкус к естественным наукам; в аудиториях университета он стал атеистом, так как понял, что невозможно сочетать науку его времени с почти средневековыми воззрениями его матери.

И, однако, он не потерял интереса к истории. Только список его любимых книг расширился. Больше всего он полюбил самую романтическую книгу Теккерея «История Генри Эсмонда», где XVII век оживает в каждом персонаже и в каждой фразе, роман Джорджа Мерседита «Ричард Феверель», романтическое исследование Вашингтона Ирвинга «Завоевание Гранады». Он не мог не увлечься историческими очерками Маколея, быть может, и неглубокими с точки зрения науки, но литературно блестящими.

Было бы совершенно естественно, если бы юноша с такими наклонностями сам взялся за перо. Однако он сделал это не раньше, чем получил врачебную практику и ученую степень доктора медицины, — семья рассчитывала на его заработок.

Так, во всяком случае, гласит официальная версия, но на самом деле было другое. Ему нужно было узнать жизнь, узнать людей: ведь без знания современности нельзя написать хороший исторический роман.

Одним из самых известных профессоров Эдинбургского университета в эти годы был доктор Джозеф Белл — худой человек с ястребиным профилем и высоким пронзительным голосом. Он любил учить студентов тому, чего не было в университетской программе: наблюдательности.

— Пациенты, — говорил он, — не всегда правдивы, а иногда просто забывчивы. Нужно уметь по мельчайшим подробностям: по выражению лица, по блеску глаз, по форме рук и пальцев, по пятнам на одежде и обуви — читать их биографию и мысли... Что вы думаете об этом человеке, что идет по улице? — спрашивал он, подводя группу студентов к окну.

Студенты нерешительно топтались на месте.

— Бывший солдат, — наконец неуверенно говорил Коман-Дойль.

— Да, вы правы: видите, как он рыскаживает. Но это не просто рядовой, это сержант. По его осанке видно, что он привык не только исполнять, но и приказывать.

Студенты молчали.

— Ну, я могу добавить, что он служил в Индии: видите этот сильный, специфический загар, резко кончающийся на середине лба, где проходит козырек фуражки?

Это говорит о том, что он недавно в отставке, так как загар еще не успел сойти.

— Мне кажется, что у него есть ребенок, — робко вставлял Конан-Дойль. — У него в руках игрушки.

— Несколько детей, дорогой мой. Одному и тому же ребенку не дарят одновременно погремушку, деревянного коня и мелкокалиберное ружье...

Конан-Дойль стал лучшим учеником профессора Белла: он был поразительно наблюдательным человеком.

Занятия у Белла заставили Конан-Дойля заинтересоваться замечательным американским писателем Эдгаром По. Но внимание молодого студента привлекли не те произведения По, где тот наиболее ярко выражает себя мастером мрачного и ужасного, но три рассказа, в которых, как в маленьком желудке, содержится огромный дуб детективной литературы: «Украденное письмо», «Тайна Марии Роже» и «Убийство на улице Морг». Ему также нравился рассказ «Золотой жук», где впервые в литературе были показаны методы разгадки шифров и криптограмм.

Особенно его заинтересовал образ сыщика-любителя Дюпена. Он расшифровывал тайны и преступления методом дедукции, методом анализа едва уловимых мелочей. Это очень напоминало метод доктора Белла, но было направлено не на изучение личности пациента или исследование его прошлого, а на раскрытие преступлений.

Второй профессор, который пользовался популярностью в среде студентов (но отнюдь не в среде докторов университета), был Резерфорд. Он не признавал никаких авторитетов и любил выдвигать столь парадоксальные идеи, что слушатели (или оппоненты) не могли сразу разобраться, что это: новая теория, мистификация или, выражаясь современным языком, научное хулиганство.

Его ассирийская борода, словно приклеенная к его квадратному подбородку, презрительные, полуприкрытые веками глаза были знакомы всему университету. Он обычно начинал лекцию еще в коридоре, не входя в аудиторию. Но особенную радость доставляла студентам его постоянная полемика с профессором Вайвиллом,

зоологом, участником знаменитой экспедиции «Челленджера», научно-исследовательского корабля, занимавшегося океанографическими исследованиями на всех океанах земного шара. Вайвилл, с козлиной седой бородой, со скрипучим голосом, был умницей, но педантом, и его научные споры с безобразником Резерфордом доставляли студентам истинно художественное наслаждение.

Сам Конан-Дойль в годы пребывания в университете, кроме науки и танцев, страстно увлекался спортом; — он вообще был очень увлекающимся человеком. Он играл центральным нападающим в футбольной команде своего университета и любил регби, игру, которую знатоки считают одним из самых жестоких видов спорта. В эти годы он весил сто два килограмма, а его рост лишь немного не достигал двух метров. У него были веселые серые глаза и рыжеватые волосы. Он умел заразительно и шумно веселиться, но умел быть и утонченно вежливым, особенно с женщинами. Это было возрождением средневековой куртуазии, науки о придворном поведении, которую он позже изобразил в своих исторических романах.

Словом, Конан-Дойль был блестящим студентом.

Очень скоро приблизилось время окончания университета. Но для того чтобы получить заветную ученую степень доктора медицины, нужна была практика и защита диссертации. Защиты юноша не боялся, но практика? Чтобы ее получить в Англии в те годы, было два пути. Первый — купить ее, то есть заплатить хорошую сумму врачу, уходящему на покой, за то, чтобы он передал ему своих пациентов. Но для этого требовались деньги, и не малые, а их у Конан-Дойля не было. Второй путь — приехать в совсем незнакомый город и начать конкурировать с известными жителям врачами. Но какой больной пойдет к молодому врачу, только что приехавшему в город, вместо того чтобы обратиться к известным специалистам? Нужны были многие годы, чтобы завоевать популярность, а ведь на его руках была семья!..

Конан-Дойль пытался найти работу сначала в Шеффилде, потом в Лондоне. Поиски работы заключались в том, что, приехав в город, он должен был нанять квартиру, оборудовать кабинет, заказать медную дощечку на

дверь и ждать. Но пациенты не приходили. И, отвинтив дощечку и положив ее в чемодан, молодой врач снова пулся в путь.

Однажды, проходя по Трафальгарской площади, будущий знаменитый писатель позавидовал гвардейцу в красном мундире и огромной медвежьей шапке, стоящему на страже у памятника Нельсону. Он уже получил свой «королевский шиллинг», ему вручили эту символическую награду от имени королевы, когда он завербовывался в армию, подумал он, и теперь его будущее обеспечено, он может не думать ни о чем: жалование и содержание, пока он в армии, и половинный оклад после отставки...

Он пытался даже предложить свои услуги турецкому правительству, но в турецком посольстве ему вежливо отказали: им тоже не был нужен врач, не имеющий никакого жизненного опыта.

Четыре месяца он пытался достигнуть успеха в крохотном городке Рюйтоне в графстве Шропшир и тоже безуспешно. Единственное, чем он мог гордиться,— у него появился первый пациент. Но и это было курьезом: вместо того чтобы заплатить гонорар, пациент потребовал от молодого врача шиллинг за тот ущерб, который Конан-Дойль причинил ему своей операцией.

Наконец он получил практику в Астоне, рабочем пригороде большого промышленного города Бирмингама. Она приносила ему два фунта в месяц — почти вчетверо меньше, чем его ничтожная студенческая стипендия. И все же это была настоящая практика — шаг к заветной докторской степени!

В Бирмингеме Конан-Дойль написал свой первый рассказ «Тайна Сассасской долины». Он отослал его в редакцию одного из лондонских журналов, и каково же было его изумление, когда в ответ он получил чек на три фунта три шиллинга!

Грошовая практика в Бирмингеме не могла удовлетворить даже самых скромных потребностей молодого врача и его все еще бедствующей семьи. Поэтому Конан-Дойль с восторгом принял предложение занять должность судового врача на маленьком судне «Хоуп», отправляющемся в арктическое плавание: ведь содержание врача на корабле было бесплатным, а пятьдесят

фунтов стерлингов, которые он получит за семимесячный рейс, целиком пойдут его матери!

Работы на корабле не было никакой, и молодой врач мог сколько угодно размышлять и писать. Перед его глазами проходили ослепительно белые ледники Гренландии, сползающие в нестерпимо синюю воду, берега Шпицбергена.

И хотя ветер завывал в снастях, тяжелые волны тяжело бились о борта маленького кораблика, и время от времени на палубе раздавался топот ног команды, Конан-Дойлю казалось, что никогда он не испытывал такого покоя и тишины...

Море было той колыбелью, где созрел талант будущего писателя. Среди суеты медицинской практики, ночных вызовов к больным, в постоянной неуверенности в своих диагнозах сосредоточиться было очень трудно. А здесь, в океане, все звало к длительному раздумью. Поэтому после окончания арктического рейса Конан-Дойль охотно принял предложенное ему место судового врача на торговом судне «Майюмба», совершающем постоянные рейсы вдоль берегов Западной Африки.

Совсем новый мир открылся в этот год перед Конан-Дойлем. Под опаляющим солнцем появлялись и исчезали незнакомые берега, то поросшие пальмами, то уходящие в воду мангровыми рощами. Полуголые африканцы, не страшась жары, невыносимой для человека, выросшего в Эдинбурге, разгружали и нагружали судно. В океане прыгали дельфины, из волн выпархивали летучие рыбы. А однажды в высоте проплыл альбатрос. Артуру все это казалось сном...

Возвратившись домой, Конан-Дойль нашел письмо от своего старого университетского товарища Джорджа Бадда.

Это был странный человек. Рыжеволосый, с квадратной головой и широкими плечами, с уродливым лицом, похожим на морду бульдога, на котором хитро поблескивали маленькие голубые глазки, — он был полугением и полуманьяком. Конан-Дойль очень им интересовался, и во многих его книгах, во многих героях мы можем найти отдельные черты Бадда.

Бадд писал, что, попав в Плимут, имел там чрезвычайный успех и практика его так расширилась, что он

не может с ней справиться. Он предлагал Конан-Дойлю переехать в Плимут и обещал ему, как товарищу, безвозмездно передать половину своих пациентов.

Для Конан-Дойля это было находкой. Получить уже готовую практику даром! Он немедленно отправился в Плимут, и вскоре на двери квартиры, в которой они поселились вдвоем, красовались рядом две таблички. На одной было написано «Джордж Бадд», на другой — «Артур Конан-Дойль».

Увы, это было роковой ошибкой! Пациенты, прослышавшие о популярном в городе враче, подходили к двери и останавливались в недоумении. Что означали эти дощечки? С подобным они никогда не встречались! И после недолгого раздумья поворачивались и шли к тем врачам, о которых знали с детства.

Получилось обратное тому, чего хотели друзья. Вместо того чтобы помочь Конан-Дойлю, Бадд растерял собственную практику. И друзья по обоюдному соглашению расстались.

Конан-Дойль надолго осел в маленьком приморском городке Саутси. Здесь он провел восемь лет — с 1882 по 1890 год. Это были счастливые годы его жизни. У него была большая практика, и его очень любили пациенты. Здесь он подготовил диссертацию на ученую степень доктора медицины, которую защитил в 1885 году. В том же году он женился на Луизе Хаукинс, здесь родился его первый сын.

В Саутси Конан-Дойль все свободное время отдавал литературе. Любопытно, что он нашел путь к сердцам читателей без помощи издателей, которые вначале неохотно брали его рукописи и платили автору гроши. Издатели удивлялись, получая от книжных магазинов все новые и новые заказы на книги Конан-Дойля. Они не понимали, что он создал новый жанр, которого так жадно ждали читатели!..

В 1890 году состоялось торжественное прощание доктора Конан-Дойля со своими пациентами. Он стал профессиональным писателем: ведь у него за спиной было четыре опубликованные книги, разошедшиеся большими тиражами.

Артуру Конан-Дойлю в этот день исполнилось тридцать лет...

...Биографии писателей бывают разными: иные бурными, иные спокойными. Биография Конан-Дойля после 1890 года почти целиком растворяется в его книгах.

Конечно, он продолжал заниматься спортом, и даже больше, чем раньше: он принадлежал к числу людей, словно созданных для спорта. Он был центральным нападающим в футбольной команде графства Серрей; летом ездил в Швейцарию, чтобы покататься на коньках, и в Норвегию — походить на лыжах. Он увлекался боксом, играл в хоккей, крикет и гольф. Велосипедистом он стал еще в эпоху велосипедов без передачи, с огромным передним колесом. Он занимался парусным спортом. И даже семидесяти лет на гоночной автомашине, сделанной по специальному заказу, как буря носился по тихим дорогам Южной и Восточной Англии.

Но лучше всего он чувствовал себя в своем кабинете — традиционном кабинете английского загородного дома с камином, над которым висела оленья голова с ветвистыми рогами, а перед огнем на полу была расprostерта медвежья шкура. Только тогда, когда на его маленьком письменном столике лежала начатая рукопись, он был по-настоящему счастлив.

Первая книга Конан-Дойля «Этюд в алых тонах» (в русских переводах она именовалась «Красным по белому», или «Мормоны в Лондоне») посвящена Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону, их первому знакомству и первым приключениям.

Все книги этой серии не имеют ничего общего с уголовными романами Габорио или Понсон дю Террайля. Это не книги о преступлениях и преступниках, а повествования о приключениях человеческой мысли, раскрывающей преступления.

Английское слово «детекшн» означает по-русски открытие, обнаружение. Три рассказа Эдгара По о Дюпене и рассказ «Золотой жук» — только гениальные блески, предвидение этого жанра. Подлинным создателем детективной литературы, получившей столь широкое распространение в Западной Европе и Америке, был Артур Конан-Дойль.

Своеобразие жанра, созданного Конан-Дойлем, заключается в том, что в центре каждого произведения,

где Шерлок Холмс является героем, находится не само преступление, а тончайший анализ обстановки и свойств человеческого характера, торжество того логического исследования, которое, опираясь на ничтожное количество фактов, почти с математической точностью приводит к единственно правильному решению.

В эпоху старомодных лондонских кебов, где кучер сидел позади седока, когда не было ни телефонов, ни авиации и даже паровые машины были редкостью, Шерлок Холмс широко использовал в своей профессии научные методы — все то, что в наши дни стало основой современной криминалистики.

Своеобразием Шерлока Холмса является также то, что он, сыщик-любитель, противопоставляется представителям государства, бездарным полицейским чиновникам Лестраду и Грегсону. Шерлок Холмс — это торжество артистизма и таланта над слепой, все нивелирующей буржуазной государственной машиной.

Все это определило успех нового для литературы героя и принесло его создателю всемирную славу.

Но напрасно читатели так серьезно воспринимали Шерлока Холмса: сам Конан-Дойль относился к нему с большой иронией.

Об этом говорит хотя бы образ доктора Ватсона. Подобного дурака трудно найти в литературе. Конечно, он нужен автору как оселок, на котором оттачивается лезвие ума Холмса. Но иногда поведение Ватсона выглядит как пародия.

Конечно, сам Конан-Дойль — не Ватсон, как думают некоторые, а скорее Шерлок Холмс: недаром к писателю не раз обращались лондонская полиция, египетское и китайское правительства с просьбой помочь в расследовании сложных и запутанных преступлений, и не раз блестящая интуиция и замечательное воображение Конан-Дойля помогали ему разрешить самые головоломные загадки.

Однако писатель любил «играть в Ватсона». Сохранилась запись одного из таких разговоров:

— Скажите, не является ли Арнольд Люм сыном сэра Генри Люма?

— Да.

— А вы брат Арнольда Люма?

— Да.

После долгого размышления:

— Тогда вы тоже сын сэра Генри Люма?

Шли годы, и Конан-Дойль чувствовал к Шерлоку Холмсу все большую и большую антипатию. Он все чаще заставлял его ползать по земле, погружаться в облака сигарного дыма и играть на скрипке. Холмс становился все глупее, пока не выяснилось, что он даже не знает о шарообразности Земли. Наконец антипатия превратилась в прямую ненависть, и писатель уничтожил своего героя, сбросив его со скалы во время смертельной схватки с королем преступников профессором Мориэрти.

Но читатели и издатели требовали: еще, еще Шерлока Холмса! И писатель воскрешал и вновь умерщвлял своего героя, и все больше иронии появлялось в его рассказах, иногда прямо превращающихся в пародию.

Разгадка была простой. За рассказы о Шерлоке Холмсе Конан-Дойль получал по десять шиллингов за слово. За исторические романы ему платили по шиллингу за слово. Вот почему он так ненавидел своего героя и в то же время воскрешал его и продолжал сочинять все новые его приключения. Достаточно было написать: «Великий сыщик сидел на диване», и гонорар за эту фразу превысил бы месячный заработок в годы его врачебной практики в Бирмингеме!

В общей сложности Конан-Дойль посвятил Шерлоку Холмсу девять книг: четыре романа и пять сборников рассказов — всего пятьдесят шесть рассказов. Он возвращался к нему на протяжении сорока лет. Первая книга, «Этюд в алых тонах», вышла в свет в 1887 году, заключительная, «Его последний поклон», — в 1927.

Сам Артур Конан-Дойль выше всего ценил свои исторические романы. В этом есть доля справедливости, потому что «Белый отряд» бесспорно является лучшим произведением в его литературном наследии.

В этом большом романе писатель обратился к любимой им исторической эпохе Столетней войны (1337—1453). Англичане захватили три четверти Франции; в трех великих битвах — при Креси, при Пуатье, где французский король Иоанн Добрый был захвачен в плен простым английским лучником, и при Ажанкуре — они

одержали решительную победу, несмотря на численный перевес французских войск. И все же окончательная победа досталась французам. Произошло это потому, что из феодальной война превратилась в народную. Весь французский народ поднялся на защиту своей независимости. Парижское восстание и народное движение Жакерия принудили французское правительство, склонное к капитуляции, продолжать войну, пока наконец французские войска под руководством Жанны д'Арк не одержали решительную победу и не изгнали англичан со своей земли.

Превосходное знание французского языка позволило Конан-Дойлю в романе опираться не только на общие труды об этой эпохе на английском или даже на французском языке. В книгу органически вошли средневековые хроники Фруассара, редкие документы и дневники участников войны.

Нет, это нисколько не походило на романтические истории, которые мать юного Артура рассказывала в былые дни. Это было очень трезвое, очень реалистическое описание эпохи, со скрупулезной точностью восстанавливающее быт и нравы людей.

Три главных героя романа — рыцарь сэр Нигел Лоринг, его оруженосец Аллен и стрелок Самкин Эльвард — отнюдь не нарисованы ни золотой, ни розовой краской. Сэр Нигел, «рыцарь без страха и упрека», небольшого роста, плешивый, так как тяжелый шлем за много лет вытер ему волосы на макушке, подслеповатый — глаза ему повредили горячей смолой во время осады одной крепости. Он храбрый и умный военачальник, жестокий к своим врагам, утонченно вежливый с женщинами, к какому бы сословию они ни принадлежали, и бесконечно преданный леди Лоринг, своей жене, женщине выше его на голову, с грубым мужским голосом, способной оборонить в отсутствии мужа свой обнищавший и ветхий замок в случае нападения.

Стрелок Самкин Эльвард отправляется на войну совсем не для того, чтобы защитить претензии английских королей на французскую корону или отстоять Нидерланды. Он хочет лишь нажиться на войне, вернуться домой с богатыми трофеями. И воевать он хочет комфортно: за ним по пятам следует слуга, несущий огром-

ную перину, а сам Эльвард в каждом трактире прежде всего целует трактирщицу, называет ее «малышкой» и требует самых изысканных кушаний, так как за все платит полноценным французским золотом...

Средневековые рыцари были не очень-то большими грамотеями. Умение читать и писать было уделом монахов. Знатные воины считали это занятие баловством и скоропреходящей модой. Зато они полагали, что геральдика, умение читать рисунки на гербах, является чем-то непреходящим и вечным. Конан-Дойль, знаток геральдики, показал стиль эпохи с большой силой.

Так в романе «Белый отряд» средневековые показано с двух сторон: с лицевой и с изнанки. Подвиги и красота боя, убийства и грабежи, обогащение Англии, обнищание и опустошение Франции, задержавшие ее экономическое развитие на многие годы...

Вторым большим историческим романом Конан-Дойля, написанным несколько раньше, но относящимся к более поздней эпохе, является «Майка Кларк».

Весь XVII век был в Англии веком жестоких битв между католиками и протестантами. Но под этой религиозной оболочкой скрывались вполне земные отношения. Дело протестантизма отстаивали свободные крестьяне — йомены по-английски — и ремесленники, дело католицизма — защитники феодальных отношений, ставших к тому времени уже пережитком.

После смерти короля Карла Второго, занимавшего промежуточную позицию, на английский трон вступил его брат Яков Второй, ярый католик, или папист, как говорят англичане. Но в стране в эти годы жило немало ветеранов Великой английской революции, солдат армии Кромвеля. Они-то и подняли бунт, во главе которого стал герцог Монмаут, побочный сын короля Карла.

В романе очень сильно обрисованы образы молодого пуританина Майки Кларка (Майка — английское произношение имени библейского пророка Михея), его сурового отца, ветерана кромвелевской армии «железнобоких», слабохарактерного, но честолюбивого Монмаута и многих других участников восстания.

Гораздо более слабы романы наполеоновского цикла. Наполеоновская легенда, широко распространившаяся в те годы во Франции, когда за право восстановления

в стране монархии боролись три партии: бонапартистов, легитимистов и орлеанистов, — невольно заразила Конан-Дойля, всегда преданного блистательной французской культуре. Наполеон в его произведениях этого цикла — не наследник завоеваний французской революции и в то же самое время жестокий тиран, но великий государь и полководец, гроза и милость Европы.

Из этого цикла остались жить лишь три книги, героем которых является великолепный хвастун, враль и забияка, умный и смелый наполеоновский офицер, бригадир Жерар. Ключом к этим произведениям является та сильная и смелая ирония, с которой автор относится к своему герою.

К концу века Конан-Дойль стал самым знаменитым историческим писателем. Поэтому именно к нему обратились наследники Роберта Луиса Стивенсона. Они хотели, чтобы «белое перо Конан-Дойля», как назвал его перо Стивенсон, очень ценивший «Белый отряд» и читавший вслух рассказы о Шерлоке Холмсе жителям острова Самоа, дописало незаконченный роман Стивенсона «Сент-Ив».

Но Конан-Дойль отказался. Он не считал себя достойным соревноваться с таким писателем, как Стивенсон. Кроме того, страна звала его к исполнению долга на поле боя.

Одним из переломных этапов биографии Конан-Дойля была бурская война.

Как только начались первые сражения, писатель вспомнил, что он не только воспитатель человеческих душ, но и врачеватель страждущих тел. Поэтому, бросив все свои литературные дела и замыслы, он немедленно отплыл в Южную Африку.

Это было тяжелое время; война велась жестокая и несправедливая, но Конан-Дойль видел людей, которые страдали: раненые и больные соотечественники и их противники. А он был гуманистом и врачом.

Госпиталь, им основанный, проделал во фронтовой полосе огромную работу. И поэтому вся Англия по окончании войны приветствовала награждение Артура Конан-Дойля рыцарским званием.

Английские рыцарские ордена являются средневековым пережитком, непохожим на орденские награждения

в других странах. В Англии считается, что орден — это не награда, а сообщество людей, борющихся за общее дело. Конечно, на самом деле это фикция, но англичане любят старину, поэтому для каждого ордена существуют средневековые орденские одежды и обряды. В наши дни от всего этого осталось лишь право на титул «сэр», которым именовались средневековые рыцари, ставящий-ся не перед фамилией рыцаря, а перед его именем.

Таким образом врач и писатель Конан-Дойль стал сэром Артуром Конан-Дойлем. Орден, к которому он был «присоединен», назывался орденом святого Иоанна Иерусалимского. Сэр Артур очень гордился своим титулом: орден был наследником средневекового ордена госпитальеров и это сближало автора с его героями. Не без основания Конан-Дойль полагал, что высокая награда вызвана не только его медицинской работой в Южной Африке, но и всей его литературной деятельностью.

Конан-Дойлем написано немало самых разнообразных рассказов, которые он сам определял, как «ужасные», «таинственные», «медицинские», «военные», «морские», «рассказы о ринге», но все их объединяет одно: превосходно завязанный и развязанный сюжет и смелые, предприимчивые и благородные герои.

Особое место в творчестве Конан-Дойля занимают его фантастические произведения.

Писатель обратился к этому жанру очень поздно — уже сложившимся мастером. Но и здесь он сделал немало: десять рассказов, шесть романов и повестей — вот итог его работы в области научно-фантастической литературы.

Конан-Дойль писал эти произведения уже в то время, когда были написаны лучшие вещи Герберта Уэллса, когда была закончена работа великого труженика Жюль Верна. Но Конан-Дойль не пошел за своими знаменитыми предшественниками. Он сумел найти собственный путь.

В фантастических романах и рассказах Конан-Дойля нет смелых технических прогнозов, широких картин будущего; в них не затрагиваются жгучие социальные проблемы, которые так волновали и Жюль Верна и Уэллса.

Оживающие мумии, таинственные чудовища, населяющие стратосферу и недра земли, воздушный велосипед, уносящий труп своего изобретателя, ядовитая зона мирового пространства, в которую попадает наша планета, потомки обитателей Атлантиды, живущие на дне океана,— во всем этом очень мало подлинной науки, это не более чем игра ума. Но не наука в ее фантастическом развитии интересовала писателя. Зоркий наблюдатель, получивший серьезное научное образование, Конан-Дойль не мог не понимать, что в его время романтика рыцарских подвигов, путешествий и морских приключений уступает место романтике современной науки, открывающей совсем рядом с нами новые, фантастические миры.

Фантастические произведения Конан-Дойля — это разновидность приключенческого жанра, где фантастическое допущение — только литературный прием. Главное в них — новые герои, которые и в приключенческих произведениях идут на смену старым: ученые-открыватели, сменяющие искателей приключений «классического» авантюрного жанра.

Из произведений этого нового типа наиболее характерен и интересен роман Конан-Дойля «Затерянный мир».

Кучка допотопных чудовищ и первобытных обезьянолюдей, каким-то чудом сохранившихся до наших дней,— об этом написано очень много фантастических произведений. Но лучшее из них, бесспорно,— роман «Затерянный мир». И дело здесь не только в блестящей фантазии и научной добросовестности автора, главное — в великолепно выписанных образах героев.

Образ профессора Челленджера, самодовольного и самоуверенного, презрительно относящегося к своим коллегам крупного ученого, — одна из больших литературных удач Конан-Дойля. Достойными его товарищами являются ученый-педант профессор Саммерли, аристократ и искатель приключений лорд Джон Рокстон, молодой предприимчивый репортер Мелоун. Конан-Дойль признавался, что прототипом Челленджера был профессор Эдинбургского университета Резерфорд.

Прототипы остальных героев тоже были найдены

писателем в окружающей его жизни. И жизненность этих образов делает необыкновенно достоверными и убедительными их приключения в дебрях Южной Америки — достоверными до такой степени, что немало путешественников после выхода в свет этой книги поднимались по Амазонке, чтобы своими глазами взглянуть на таинственный затерянный мир, в реальность которого они поверили, плененные образами и картинами этого увлекательного романа.

Но чем же эти герои отличаются от героев «классической» приключенческой литературы — смелых охотников, лихих капитанов, неугомонных путешественников, хитроумных сыщиков? Что роднит между собой так непохожих друг на друга Челленджера, Саммерли, Рокстона, Мелуона?

Не корысть движет ими, они не ищут дешевой славы завоевателя, покорителя мирных народов. Им не чужда благородная гордость первооткрывателя, но подвиг они совершают ради науки. И когда по традиции приключенческого жанра они находят сокровище — россыпь алмазов, то огромное богатство они не собираются использовать в своих интересах, а готовы отдать его для пользы той же науки.

«— Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч? — спрашивает лорд Джон Рокстон.

— Если вы действительно настаиваете на своем великодушном решении, — сказал профессор, — то я потрачу все деньги на оборудование частного музея, о чем давно мечтаю.

— А вы, Саммерли?

— Я брошу преподавание и посвящу все свое время окончательной классификации моего собрания ископаемых мелового периода.

— А я, — сказал лорд Джон Рокстон, — истрачу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу еще разок на любезное нашему сердцу плато...»

«Открытие Рафлза Хоу», второй фантастический роман Конан-Дойля, — книга о гениальном изобретателе-одиночке, замкнутом мечтателе. Осуществление мечты алхимиков о превращении простых металлов в золото для писателя не научная проблема, а всего лишь занимательная выдумка, уводящая читателя из скучной англий-

ской провинции в сказочную страну необыкновенных возможностей, какие наука дает в руки современному человеку. Но главное для автора — моральные проблемы, тесно связанные с проблемами социальными.

— Нужно ли огромное богатство одному человеку? — спрашивает Конан-Дойль.

В чудесном доме-музее, где собраны сокровища всех стран, хозяин занимает маленькую комнатку, обстановка которой состоит из железной кровати, простого стола и табурета. Изобретатель сохранил свое открытие в тайне не для личного обогащения, а для того чтобы стать благодетелем мира: помогать бедным, давать работу тем, кто в ней нуждается, и пищу голодным. Но при первом же столкновении с окружающим миром эти наивные мечты терпят крушение: не под силу одному человеку изменить социальный строй мира. Это понимает не только герой, но и сам Конан-Дойль. И великое изобретение гибнет вместе с самим ученым.

«Маракотова бездна» — последнее произведение Конан-Дойля: оно написано всего за год до смерти. Уставшая рука писателя уже не смогла наделить его такими красками, как «Затерянный мир», и неистовый доктор Маракот — только бледная тень профессора Челленджера. И хотя до самого конца писателю оставалась верна его блестящая и неистощимая фантазия, у него уже не хватило сил на глубокую разработку темы, чтобы создать поистине живых героев и сделать эту повесть столь же увлекательной, как и «Затерянный мир».

Как это часто бывает, успех литературного героя, а особенно такого яркого, как профессор Челленджер, подал автору мысль продолжить рассказ о его приключениях.

Но все другие произведения, где героем является профессор Челленджер, гораздо слабее «Затерянного мира». Таковы роман «Отравленный пояс», в котором Земля попадает в зону ядовитого эфира и все человечество засыпает, за исключением Челленджера и его друзей, «Когда Земля вскрикнула» — повесть, в которой Челленджер открывает, что Земля является живым существом, чем-то вроде чудовищного морского ежа. Наиболее слаба повесть «Страна тумана», где Челленд-

жер становится медиумом и путешествует по миру призраков.

Длительное увлечение Конан-Дойля спиритизмом и оккультными науками пока еще не получило внятного объяснения в трудах его старательных и трудолюбивых биографов.

В те годы многие крупные ученые, такие, например, как Вильям Крукс, Оливер Лодж и Камилл Фламма-рион, интересовались спиритизмом. Он казался им совсем новым явлением, неизвестным науке, которое требует серьезного исследования. Ведь открытые в то время радиоактивность и лучи Рентгена тоже казались таинственными.

Сэр Артур был человеком глубоко верующим, утверждает его сын Адриан, и нуждался не в простом исполнении обрядов католической церкви, а в более глубоко утверждении своей веры.

Писатель был человеком детски доверчивым и простодушным, утверждают другие, к тому же щедрым. Поэтому он легко делался жертвой всякого рода медиумов и «волшебников», которых в те годы было немало в Западной Европе.

Но есть и третье, вероятно, наиболее верное объяснение.

Конан-Дойль был веселым человеком, склонным к шуткам и мистификациям. Поэтому он решил пошутить над модным увлечением невежд и людей, падких до сенсаций.

Нельзя без смеха рассматривать его «фотографии» призраков и духов. Чего стоит один «учитель фехтования» с шестью руками, присевший на корточки.

Вспомним, что в эти самые годы писался такой иронический рассказ Герберта Уэллса, как «Неопытное привидение», или его острый политический памфлет «Самодержавие мистера Пархема», где «эктоплазма», то есть лучшая сущность героя — профессора истории, живущего памятью о гербах и флагах, отделившаяся от него на спиритическом сеансе, отправляется в Лондон, чтобы совершить фашистский переворот...

Истинное лицо Конан-Дойля-спирита лучше всего открывает нам та посмертная мистификация, которую он совершил.

За много лет до смерти писатель подготовил несколько рассказов спиритического характера и передал их знакомому медиуму. Вскоре после смерти писателя на одном спиритическом сеансе друзьями писателя, убежденными спиритами, была вызвана тень сэра Артура Конан-Дойля.

— Я присутствую здесь,— объявил медиум.

Затем стол начал трещать и вертеться, и медиум продиктовал рассказ, написанный Конан-Дойлем «в царстве духов»...

Незадолго до смерти Конан-Дойль в последний раз встретился с ненавистным ему, хотя и созданным им, Шерлоком Холмсом.

Шло торжественное чествование писателя в день его семидесятилетия.

С большой речью выступил писатель Эдгар Уоллес, автор многих детективных произведений, причисляющий себя к последователям юбиляра. Он считал главной заслугой Конан-Дойля создание образа Шерлока Холмса.

Юбиляр выслушал это выступление молча. Но после речи он отвел Эдгара Уоллеса и спросил свистящим шепотом:

— Зачем вы это сказали? Разве вы не знаете, что не я создатель образа Шерлока Холмса? Это читатели создали его в своем воображении!

Конан-Дойль получал за свои книги очень много денег, но никогда не был богатым человеком. Он был щедр, и деньги, попадавшие в его руки, утекали между пальцев словно вода.

Однако его щедрость иногда носила несколько эксцентрический характер.

Однажды, возвращаясь домой после игры в гольф, он увидел бродягу, сидящего на обочине дороги и рассматривающего свои дырявые башмаки.

— Не подойдут ли вам мои? — вежливо спросил сэр Артур.

Он разулся, отдал свои башмаки изумленному бродяге и отправился дальше босиком.

Конан-Дойль умер в 1930 году, на семьдесят первом году жизни, оставив в наследство читателям семьдесят томов своих книг — романов, рассказов, памфлетов. Не

все они художественно равноценны, не все дожили до наших дней.

На могиле Конан-Дойля выгравирована простая эпитафия, написанная им самим:

Я выполнил свою простую задачу,
Если дал хотя бы час радости
Мальчику, который уже наполовину мужчиной,
Или мужчине — еще наполовину мальчику.

СТРАНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В свое время издательство «Детская литература» выпустило двухтомник «Русские поэты». Редактировал этот двухтомник, в который вошло много забытых имен и много забытых стихов, К. К. Андреев. Он же написал текст для интересных радиопередач о Державине и Кольцове, о Жуковском и Карамзине.

Но Кирилл Константинович Андреева интересовала не только русская поэзия. Он с увлечением переводил английского поэта XIV столетия Чосера. Он перевел драму английского писателя елизаветинского времени Хейвуда. Для этого надо было хорошо знать не только современный английский язык, но и староанглийский — древнюю умершую форму английского языка, которую сейчас знают немногие специалисты. Он написал комментарии к произведениям великого английского поэта Байрона и высказал в этих комментариях много интересных мыслей.

Он знал и продолжал всю жизнь изучать французский язык и читал в оригинале Жюль Верна и все, что написано о Жюле Верне на его родине во Франции. Мало того, он читал на старофранцузском в подлиннике Ронсара — крупного французского поэта XVI столетия.

Что же, значит, Андреев только любитель и знаток поэзии, изучающий языки, чтобы читать поэтов в оригиналах?

Но вот Кирилл Константинович пишет статью «Астрономия сегодня и завтра». Вот выходит его статья «Рождение планет». В этих статьях поражает незаурядная эрудиция автора. Он свободно изла-

гает точки зрения советских и зарубежных ученых, излагает полемику, возникшую по поводу новых теорий в зарубежной прессе, цитирует выходящие за рубежом журналы. Его статьи наполнены романтикой и верой в будущее науки. Для таких статей надо не только знать иностранные языки, надо знать профессиональный язык, на котором говорят астрономы,— язык, непонятный любителю, язык, говорящий не только словами, но и математическими формулами.

Однажды Кириллу Константиновичу понадобилось побеседовать с крупнейшим советским китаистом, ныне покойным академиком Василием Михайловичем Алексеевым. Алексеев был серьезнейшим исследователем старой китайской литературы и искусства. Его труды в подавляющем большинстве узкоспециальные. Он пишет не популярные книжки, а научные работы, и для того чтобы их понять, а иногда и просто прочесть, надо быть в этой области знатоком.

К. К. Андреев попросил академика Алексеева принять его у себя дома. Академик не очень охотно согласился. Его удивило, почему у литератора, не китаиста, оказалась нужда в нем, исследователе узкоспециальных вопросов старокитайской культуры.

Не знаю, о чем беседовал Кирилл Константинович с академиком, но передо мной лежит письмо В. М. Алексеева:

«Пишу сейчас же после Вашего посещения,— пишет академик: ему не терпится высказать свое восхищение только что ушедшему от него литератору: — Восхищен Вашей любезной, право, начитанностью в моих скромных сочинениях».

Дальше Василий Михайлович предлагает всякую свою помощь и содействие.

Русская поэзия, астрономия, старокитайская литература, английский поэт XIV столетия и французский поэт XVI. И все не поверхностно, а углубленно, серьезно. Но этого мало: Андреева интересуют новейшие теории о строении Земли, греческая мифология, русские путешественники. Он великолепно знает оснастку парусного корабля. Его интересует жизнь и труды великих русских и советских ученых: Столетова, Умова, Лебедева, Иоффе. Он увлекается и детально изучает жизнь великого Ньютона и будущее советской Сибири. Его интересуют проблемы мерзлотоведения и романтическая биография крупного ученого и борца за мир Жюльо Кюри. И всем этим и еще многим другим, что не позволяют мне перечислить размеры статьи, он увлекается серьезно, все это изучает глубоко. Он пристально размышляет над проблемами, встающими перед этими такими разными областями науки, и выводы его всегда интересны и свежи,

Когда он написал предисловие к собранию сочинений Жюль Верна, изданному Гослитиздатом, предисловие это было перепечатано во Франции. Кирилл Константинович высказал некоторые предположения, основанные только на косвенных данных. Он не мог их подтвердить документально, поскольку архив Жюль Верна до сих пор не опубликован. Французских исследователей заинтересовали предположения К. К. Андреева. Они начали рыться в архивах друзей и близких великого фантаста и убедились, что утверждение Андреева о многолетней дружбе Жюль Верна с героями Парижской коммуны полностью подтвердилось. Об этой дружбе Кирилл Константинович написал в своей большой книге о Жюле Верне, ставшей делом его жизни.

Читателю может показаться странным, что я рассказываю об увлечении К. Андреева наукой, о его глубоких познаниях в самых разных ее областях, об его увлеченности судьбами великих ученых, пролагателей новых путей. Ведь в этой книжке напечатаны рассказы о мечтателях и фантазерах, о Дюма, который описал приключения придуманных им мушкетеров, о Стивенсоне, который выдумал таинственный Остров сокровищ, одноногого Сильвера и страшного слепого пирата Пью.

Ну, Жюль Верн — это, допустим, еще понятно. Он в некоторых своих романах предвосхитил будущие изобретения и открытия. Но какое отношение к науке имеет Конан-Дойль? Разве Шерлок Холмс, самый знаменитый из литературных сыщиков, великолепный боксер и бегун, напоминает чем-нибудь великого ученого, который работает за письменным столом или в лаборатории? Даже если сопоставлять литературные интересы Кирилла Константиновича, что общего между старыми русскими поэтами Державиным и Карамзиным, автором написанных в XIV веке «Кентерберийских рассказов» Чосером и Конан-Дойлем и Дюма?

Вопросы эти естественны, но думаю, что сумею ответить на них. Я приведу несколько цитат из статьи Кирилла Константиновича «Моя вселенная».

В этой статье он излагает современные взгляды на строение Вселенной, на происхождение галактик, звезд и планет. Казалось бы, очень отвлеченная, огромного масштаба тема. Но Кирилла Константиновича и в этой статье интересуют люди, совершившие открытия, а не только сами научные идеи и предположения. Он пишет о знаменитом французском математике прошлого века Леверье: «Леверье считался одним из самых строгих (и добавлю в скобках — сухих) ученых XIX века». Рассказав о его открытиях и его ошибках, К. К. Андреев заканчивает: «Во всей совокупности его труда — и в

победах и в поражениях — запечатлен подвиг его жизни. Но кто написал об этом?»

В другом месте этой же статьи он пишет: «Без поэзии, без романтики, без эмоций невозможен смелый научный поиск».

Да, он любил науку и знал многое о науке, но прежде всего он любил людей науки. Смелчаков, пустившихся в неизведанные области, подавлявших в себе сомнения при неудачах, смело шедших по непроторенным дорогам, переживших падения и взлеты, успехи и провалы. Тех, кто знал, что открывателю в науке нужны не только знания, но и смелость, и выдержка, и решимость, и непобедимое упорство — все те качества, которые нужны и Шерлоку Холмсу, и капитану Гаттерасу, и д'Артаньяну. «Какой смелостью — не личной, но смелостью мысли и воображения должны были они обладать, чтобы поднять руку на авторитет древности, проникнуть умом в ужасные бездны космоса!»

«Разве иссякла романтика открытий? — спрашивает К. Андреев. — Разве перестала поэзия науки привлекать сердца?»

В этой же статье он пишет:

«Я понял, что нельзя разорвать триедино связанные понятия: Науку, Искусство и Человека».

Да, приключения бывают разные. Может быть бешеная погоня, разоблачение коварного преступника, путешествие по неисследованной и опасной стране. А может быть и путешествие в область незнаемого, упорная погоня за истиной, смелость предположения, упорство поиска — словом, все то, что можно было бы назвать «приключения мысли». Эти приключения так же романтичны, так же насыщены событиями, так же требуют мужества, честности, благородства, как и те, которые описаны Дюма и Стивенсоном. Да, Кирилла Константиновича в жизни привлекали романтические характеры и романтические обстоятельства. Они привлекали его, где бы он ни встречался с ними — на страницах приключенческих книг или в академических научных журналах, на палубе корабля или в кабинете мыслителя. Он знал, что бой идет всюду. Джим Хаукинс мужественно сражается с хромым Сильвером и побеждает его. Но так же мужественно сражается великий ученый с загадками природы и разоблачает их, как сыщик разоблачает преступника. И так же передовому ученому приходится отстаивать свое открытие от завистников и реакционеров, а иногда просто от людей, которым не хочется расставаться с привычными представлениями.

Естественно подумать о том, откуда у К. Андреева эта проходящая через всю его жизнь горячая влюбленность в Жюль Верна, Дюма и Стивенсона, в научных фантастов Рея Бредбери и Станислава

Лема, в их героев, ведущих в космос межпланетные корабли, и в ученых, переживших величайший подъем духа и приступы величайшего отчаяния, совершивших подвиги, мужественно шедших к победе, не выходя иногда из кабинета или лаборатории.

Короче говоря, что сделало К. Андреева романтиком, человеком, влюбленным в писателей-романтиков и в ученых, живущих романтикой своего труда.

Биография? Да, конечно, отчасти и биография.

Кирилл Константинович Андреев родился в 1906 году. Детство его прошло в городе Ростове-на-Дону. Отец его был капитаном дальнего плавания.

Ростов-на-Дону не морской город, до моря надо идти по Дону километров пятьдесят, да и то окажешься в маленьком, мелком Азовском море, которое моряки и за море-то не считают. И все-таки морские суда заходят в ростовский порт, и именно в Ростове находилось мореходное училище. В нем отец Кирилла Константиновича сначала преподавал, а потом стал начальником. Каждый год выпускники проходили практику на паруснике, и капитаном на этом паруснике был Константин Владимирович.

Обычно шли через Азовское море в Черное, оттуда через Босфор мимо Константинополя, города таинственного и экзотического, где были гаремы, янычары, мечети, султаны, фелуки и другое тому подобное, о чем можно было прочесть разве только в романах. Наконец выходили в Средиземное море. Оно уже считалось морем с большой буквы. Заходили в Каир, в Александрию, во многие другие порты, видели, как живут разные народы. И у каждого — свои обычаи, нравы и своя одежда. Доходили до самого Гибралтара. Однажды, впрочем, Константин Владимирович обошел вокруг света, побывал в Индии, в Китае, в Японии; не перечислишь, где он только не побывал. Об этих плаваниях часто велись разговоры дома, и с самых детских лет Кирилл Константинович слышал удивительные названия стран и портов, которые для каждого мальчика звучат как приглашение к путешествию.

У отца бывали гости. Это тоже были капитаны, каждый из которых навидался столько, что хватило бы на целую библиотеку увлекательнейших книг. И каждый день Кирилл Константинович слушал бесконечные рассказы о ближних и дальних странах, о многолюдных портах, об обычаях и нравах разных народов и, конечно, о штормах, о тайфунах, о свежем ветре, противном ветре, попутном ветре. И рассказывалось об этом не как о чудесах, а как о самой обычной жизни, не как об удивительном, а как о повседневном. Однажды, когда Кириллу было двенадцать лет, отец взял его с собой в дли-

тельное плавание. Они пробыли в Константинополе три или четыре месяца. Это оказался грязный и шумный город; дворцы и гаремы можно было посмотреть только издали, стаи собак грызлись и рылись в отбросах, но все-таки, согласитесь сами, не каждому мальчику удастся в двенадцать лет побывать в знаменитой столице в то время еще таинственной восточной страны.

Да, дыхание ветра путешествий Кирилл Константинович почувствовал с самого детства. И хоть и прожил он свою жизнь вдали от моря (в двадцать первом году семья переехала в Москву, и отец стал преподавать на водном факультете Института транспорта), но ему навсегда остались близки мореплаватели Жюль Верна и Стивенсона. Морские капитаны были для него не абстрактным романтическим понятием, а реальными людьми, потому что он немало их видел и послушал в детстве.

На водном факультете отец преподавал морскую астрономию и судовождение. Может быть, отсюда у Кирилла Константиновича остался на всю жизнь интерес к астрономии.

Кончив школу, он поступил в электротехнический институт, но ушел с третьего курса. Его влекла к себе литература. Далеко не сразу он нашел в литературе то, что было его областью. Далеко не сразу понял он и то, что именно в литературе сможет он сказать свое, непохожее на сказанное другими, то, что сказать может только он.

Хотя он и не получил диплома, но знаний, приобретенных в институте хватило, чтобы несколько лет преподавать в геологоразведочном техникуме, чтобы обучать машиноведению будущих буровых мастеров.

Есть судьбы, о внешних фактах которых мало что можно сказать. Если не считать войны, на которой Кирилл Константинович был рядовым бойцом, а потом лейтенантом, на которой был тяжело контужен, вся остальная его биография — это редакторская работа, книги, статьи, радиопередачи. Но по этим книгам и статьям угадывается еще одна сторона его жизни, может быть самая главная для него. Всю свою жизнь Кирилл Константинович напряженно учился, учился не азбуке наук, а самым сложным, самым трудным ее разделам.

Это была отнюдь не бесплодная любознательность. К. Андреев увлекался самыми разными областями науки не только потому, что ему интересно было узнать, из чего состоит внутренность Земли и как устроена Вселенная. Его всегда интересовал романтический образ открывателя в науке, и для того чтобы понять пути, которыми открыватель шел, надо было изучать большую область знания.

Да, Кирилл Константинович был романтиком, и его интересовали романтики. Все равно, пишут ли они книги, сидят ли у телескопов или ходят по улицам и создают гипотезы, которые будут потом подтверждены наблюдениями, исследованиями и опытами.

Прочтите рассказы, помещенные в этой книжке. Каждый из ее героев, мечтатель и выдумщик, создал свой особый мир, населенный мужественными людьми, людьми высокого благородства, смелости и решимости. И, право же, есть что-то общее между писателем и его героями. Не случайно создатель Шерлока Холмса сам распутывал сложные преступления, не случайно создатель Гаттераса и Паганеля сам всю жизнь мечтал о путешествиях. А Роберт Луис Стивенсон, живя последние годы на южных островах, куда загнала его болезнь, мечтал об Эдинбурге, о шотландских холмах, поросших вереском, по которым путешествовал его любимый герой Давид Бальфур. Да, для того чтобы создать в литературе романтический образ, нужно быть самому романтиком, потому что литература не терпит подделок и фальшь в литературном произведении всегда видна.

Чем же, однако, близки были советскому литератору К. Андрееву английские романтики Конан-Дойль и Стивенсон, французские романтики Дюма и Жюль Верн? И страны другие, и другие времена, другие цели стоят перед героями, и, право же, кого сейчас может увлечь воцарение на английском престоле «незаконно» свергнутых Стюартов, за что готов был отдать всю свою кровь заносчивый дуэлянт Алан Брэк?..

Но вспомните, как волновала нашу молодежь романтическая судьба Ривареса из романа «Овод» Войнич. Никого из нас не волнует судьба Анны Австрийской и ее возлюбленного Букингема, и нам все равно, узнает ли Людовик XIII о романе своей супруги или не узнает. Но можем ли мы без волнения читать, как д'Артаньян через тысячи смертей прорвался к Букингему и вовремя доставил своей королеве алмазные подвески? И комсомольцев гражданской войны в пьесе М. Светлова «Двадцать лет спустя» вдохновляют образы мушкетеров. Декабристы вдохновлялись подвигами героев Плутарха, хотя у Древней Греции или Рима ничего не было общего с гнилою романовской монархией. Это не значит, конечно, что романтика существует вне времени и пространства и смелый поступок важен сам по себе, а не потому прежде всего, во имя чего он совершен. Но ведь и русская революция выросла не на голом месте, и пролетариат наследует лучшее всей мировой культуры. Еще только создается романтическая советская литература, и, конечно, она берет лучшее из романтической литературы прошлого. Именно поэтому так жадно

искал Кирилл Андреев романтику в литературе и в науке, в произведениях фантастических и приключенческих.

Мы встречались с Кириллом Константиновичем обычно случайно на каком-нибудь совещании или просто в коридоре издательства. Встретившись, мы обычно долго разговаривали и чаще всего начинали спорить.

Я уже говорил об исключительной широте интересов К. Андреева, но наши с ним интересы скрещивались на приключенческой литературе. Мы оба эту литературу любили, считали ее своим, близким каждому из нас делом. Именно об этой литературе довелось нам даже однажды поспорить на страницах «Литературной газеты». Значило ли это, что у нас были разные точки зрения на романтическую литературу? В общем, нет. Мы оба считали, что настоящая приключенческая литература — это литература больших чувств и больших мыслей и что глубоко неверно относиться к ней, как к литературе второго сорта. Споры у нас возникали по частностям. Каждый из нас искал точных оценок, бесспорных формулировок, и как же можно было в поиске не путаться и не ошибаться. Зато как радостно было, когда оказывалось, что о том или другом писателе мы думаем одинаково, что мы идем одной дорогой, освобождаемся от одних и тех же ошибок, прощупываем все яснее одну и ту же правду. В последнюю нашу встречу мы долго стояли в коридоре издательства «Детская литература» и разговаривали об Эдгаре По. Кирилл Константинович собирался писать о нем, о замечательном американском романтике, создателе детективной литературы. И, как почти всегда в наших разговорах, оказалось, что он знает об Эдгаре По больше и точнее, чем я. Он читал его в оригинале и много прочел материалов на английском языке, которые для меня оставались недоступны. Он говорил о том, как Америка не умела ценить своих великих писателей, в какой безвестности жил По, как через много лет после смерти пришла слава к Мелвиллу.

Андреев был увлечен сложной и трудной биографией По, он считал, что многие ее факты трактованы историками неправильно. Мне показались неожиданными некоторые выводы, к которым он пришел. Он только усмехался в ответ на мои сомнения.

— Вы увидите, я докажу, докажу, — говорил он, — к сожалению, мало кто знает первоисточники.

Он писал об Уэллсе и считал, что это интереснейшая и романтическая фигура.

Вскоре я узнал, что он в больнице, что он тяжело болен, а еще через некоторое время я был на гражданской панихиде по Кириллу Константиновичу.

Но вот я перечитываю «Искатели приключений», и он передо мной стоит как живой — широкообразованный, полный мыслей и планов человек. И мне вспоминается эпитафия, высеченная на могиле Копан-Дойля, которую приводит Кирилл Константинович в этой книге. Вы прочтете ее сами, я хочу только сказать, что, может быть, вся приключенческая литература написана для мужчины, который еще наполовину мальчик.

Великое счастье сохранить до самого конца юношескую свежесть взгляда, романтическое ощущение окружающего тебя мира!

Евгений Рысс.

СОДЕРЖАНИЕ

Хозяин замка «Монте-Кристо»	5
Всемирный путешественник	41
Моряк и охотник с холмов	114
Противник Шерлока Холмса	170
<i>Евгений Рысс.</i> Страна приключений	196

Д О Р О Г И Е   Р Е Б Я Т А !

*Отзывы об этой книге издательства
«Детская литература»
присылайте по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Для среднего и старшего
возраста

Андреев Кирилл Константинович

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Ответственный редактор *М. М. Калакуцкая.*

Художественный редактор *Л. Д. Бирюков.*

Технический редактор *Т. В. Перцева.*

Корректоры

В. Е. Калинина и Е. И. Щербакова.

Сдано в набор 25/XII 1968 г. Подписано к печати 25/IV 1969 г. Формат 84×108^{1/2}. Печ. л. 6,5. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,52. Тираж 100 000 экз. ТП 1969 № 579. А06161.

Цена 41 коп. на бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Детская литература“, Москва, М. Черкасский пер., д. 1.

Отпечатано с матриц Ордена Трудового Красного Знамени фабрики „Детская книга“ № 1 Росполиграфпрома Комитета по печати Совета Министров РСФСР Сортавальской книжной типографией Управления по печати при Совете Министров КАССР, г. Сортавала, Карельская, 42. Заказ 844.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1969 году выйдут следующие приключенческие и научно-фантастические книги:

Абрамов А., Абрамов Б.

Рай без памяти.

Эта книга — продолжение романа «Всадники ниоткуда». Действие происходит в наши дни, но уже не на Земле, а на другой планете

Коряков О.

Станный генерал.

Приключенческий роман о двух молодых русских рабочих, уехавших в Южную Африку и принявших участие в англо-бурской войне

Пальман В.

Большой кордон.

Приключенческая повесть, события которой происходят на территории Кавказского заповедника.

Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга—почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

Цена 41 коп.